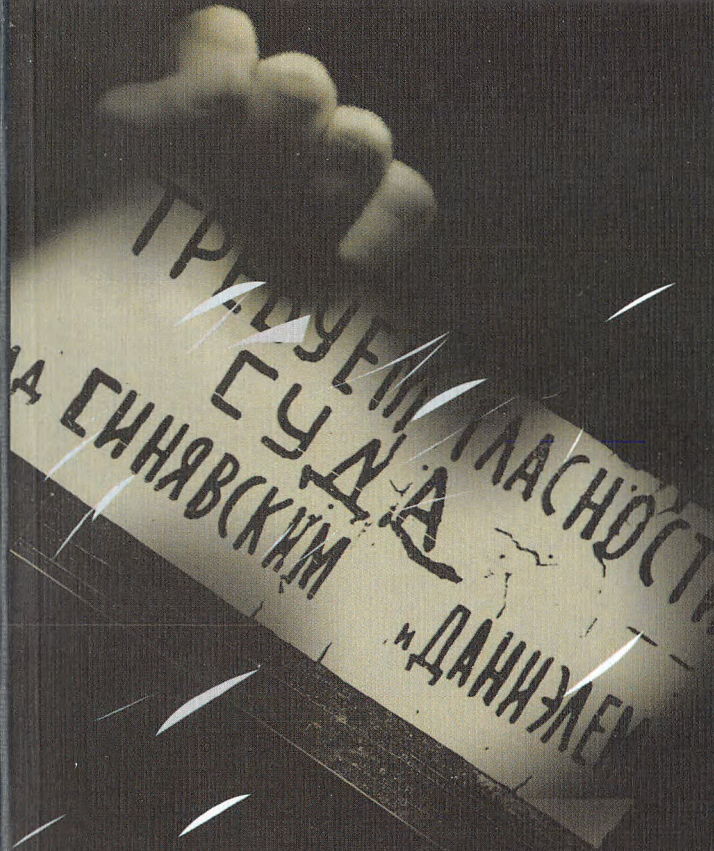

5 декабря 1965 года

5 декабря
1965 года

2007

1961

5 декабря 1965 года

в воспоминаниях участников событий,
материалах самиздата,
публикациях зарубежной прессы

и в документах партийных
и комсомольских организаций
и записках

Комитета государственной безопасности
в ЦК КПСС

Москва

Общество «Мемориал» — Издательство «Звенья»
2005

**ББК 66.3(2Рос)67
П99**

Составители
Д.Зубарев, Г.Кузовкин,
Н.Костенко, С.Лукашевский, А.Паповян

Общая редакция, предисловие и вступительные заметки к главам
А.Даниэля

Интервью брали
Т.Косинова, Е.Морозова, Л.Поликовская, С.Лукашевский

Документы в архивах обнаружили
Д.Зубарев, Г.Кузовкин, Н.Охотин, С.Чарный

Издательская программа общества «Мемориал»

Редакционная коллегия
А.Ю.Даниэль, Л.С.Еремина, Е.Б.Жемкова,
Т.И.Касаткина, М.М.Кораллов, Н.Г.Охотин,
Я.З.Рачинский, А.Б.Рогинский (председатель)

От составителей

Книга представляет собой дополненное и исправленное издание пре-принта, выпущенного Обществом «Мемориал» на правах рукописи тиражом 100 экземпляров ровно десять лет назад, к 30-летию со дня проведения «митинга гласности». Большинство материалов, из которых была составлена брошюра 1995 года, публиковались впервые. Настоящее издание мы дополнили записями интервью с Ю.Полусуком, Э.Молчановым, М.Розановой, В.Муравьевым, мемуарами И.Кристи, хранящимися в архиве НИПЦ «Мемориал», отрывками из опубликованных воспоминаний Е.Кушева¹, А.Левитина (Краснова), Л.Алексеевой, Ю.Глазова, фрагментами самиздатских статей В.Гершуни и Г.Шиманова; корпус публикуемых архивных документов также пополнился рядом ведомственных и комсомольско-партийных материалов, выявленных в последние годы. Особенно ценной представляется находка С.Чарного, который обнаружил блок документов о «митинге» в фонде Общего отдела ЦК КПСС, в том числе подлинник записки председателя КГБ, которая в предыдущем издании публиковалась по копии. Кроме того, для полноты картины мы включили в настоящее издание несколько зарубежных газетных откликов на события 5 декабря 1965 года, фрагменты сообщений правозащитного самиздатского информационного бюллетеня «Хроника текущих событий» за 1968–1981 годы, посвященные некоторым из декабрьских «митингов молчания», а также письмо протеста против введения в Уголовный кодекс новых статей, направленных против инакомыслящих.

В введения к главам книги включены списки «действующих лиц». Такое решение продиктовано характером самих материалов: монологов-воспоминаний, диалогов-интервью, «маленьких трагедий» партийно-комсомольских разбирательств. В этих списках — только часть персонажей, а именно: мемуаристы, а также те, кому в материалах данного раздела уделено значительное место. Сведения о «действующих лицах», фигурирующих в нескольких разделах сборника, повторно не приводятся.

При публикации протоколов заседаний партийных и комсомольских бюро, где рассматривались персональные дела участников де-

¹ Мы признательны за указание на них А.Макарову.

монстрации, мы заменяли инициалами имена и фамилии студентов, подвергшихся преследованиям. Причина этого — в нашем убеждении, что предание огласке имен в таких случаях возможно лишь с согласия самих людей. К сожалению, нам удалось разыскать и испросить разрешения только у двух из упоминавшихся в протоколах участников демонстрации — у А.Дранова и Э.Молчанова.

Послесловие к новому изданию написано М.А.Федотовым, участником митинга 5 декабря 1966 года, уже не «митинга гласности», но еще не «митинга молчания», уже не «первого», но еще не «традиционного». Он написал это послесловие по нашей просьбе, вскоре после того, как было выпущено первое издание; в то время мы рассчитывали очень быстро превратить его в полноценную книгу. Работа затянулась, и теперь мы не знаем, огорчаться по этому поводу или радоваться, ибо за короткое время мы не могли бы собрать столько новых и интересных материалов. Во всяком случае, наличие уже написанного предисловия к еще не вышедшей книге все эти годы служило нам живым упреком и дополнительным стимулом к работе. За что мы и приносим Михаилу Александровичу нашу искреннюю благодарность.

За содействие в подготовке книги мы благодарим Т.Бахмину, Ю.Булах, Г.Генкина, А.Гольдфаин, Е.Жемкову, Н.Кириченко, А.Комароми, И.Кристи, Н.Ларичеву, Д.Лозована, А.Макарова, Э.Молчанова, О.Оганову, Е.Паловян, Н.Петрова, П.Томачинского, Н.Фролова.

Мы признательны за консультации В.Газанджиеву, А.Гинзбургу, Б.Долгину, Г.Суперфину, а также всем тем, кто согласился дать нам интервью.

Наша особая благодарность В.Вольпиной, сохранившей для истории подлинник «Гражданского обращения».

За поддержку проекта мы признательны профессору В.Айхведе (Институт Восточной Европы в Бремене) и Й.Зигерту (Фонд им. Г.Бёлля).

День рождения правозащитного движения в СССР

5 декабря 1965 года в 6 часов вечера на Пушкинской площади в Москве, у памятника поэту, несколько десятков человек провели манифестацию. Над толпой демонстрантов были подняты бумажные плакаты. На одних было написано: «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем!» (речь шла о литераторах, незадолго до того арестованных по политическому обвинению). Содержание других плакатов сводилось к призыву «уважать Конституцию» и к требованию освободить из психбольниц нескольких молодых людей, насильственно помещенных туда в связи с их участием в подготовке этой манифестации.

Организаторы митинга — математик А.Вольпин и физик В.Никольский, художник Ю.Титов и его жена Е.Строева — еще за несколько недель до события составили текст листовки, озаглавленной «Гражданское обращение» и содержащей призыв принять участие в «митинге гласности» на Пушкинской площади. В дни, предшествовавшие 5 декабря, эта листовка, размноженная в десятках машинописных копий, активно распространялась в Москве, в основном — в гуманитарных вузах.

На площадь были заранее стянуты силы милиции, дружинники, комсомольские оперотряды. Поднятые плакаты очень быстро вырвали из рук манифестантов, а попытки участников митинга выступить с какими-либо речами моментально пресекались. На площади были задержаны 22 человека; ближе к вечеру всех задержанных отпустили.

Митинг стал первой публичной акцией в защиту права, состоявшейся в Москве (и, по-видимому, в стране).

* * *

«Митинг гласности» явился толчком к возникновению правозащитного движения в СССР. Эта мысль, повторенная в десятках публикаций, посвященных истории независимой общественной активности в последние годы существования Советского Союза, представляется на первый взгляд бесспорной и из-за своей бесспорности уже воспринимается как общее место. Однако многие современники и активные участники этого события смотрели на произошедшее под несколько иными или даже значительно отличавшимися от вышеизложенного углами зрения.

Например: демонстрация 5 декабря была новым этапом в истории политической оппозиции. Именно в этот день «внутренние» оппоненты советского строя впервые нащупали архимедов рычаг, с помощью которого в исторически короткие сроки была перевернута коммунистическая вселенная. И рычагом этим оказалась апелляция к праву. Данная точка зрения, представленная, в частности, таким авторитетным автором, как В.Букковский, существенно отличается от «чисто правовой»: для сторонников этой позиции право — не столько самостоятельная ценность, сколько ин-

струмент политической борьбы. Лозунг демонстрантов «Уважайте Конституцию!» воспринимается в этом случае как тактический ход, позволяющий придать революционной по существу акции определенную легитимность и затрудняющий применение ответных репрессий.

Или: событие следует рассматривать как звено в цепи аналогичных выступлений неконформистской творческой молодежи. Оно стоит в одном ряду с такими явлениями, как попытка студентов провести митинг на площади Искусств в Ленинграде в 1956 году, поэтические чтения на «Маяковке» в 1958–1961 годах или предшествовавшие им публичные акции неофициального литературного объединения СМОГ. Последнее сближение имеет особенно серьезные основания. Именно смогисты — некоторые из них — приняли наиболее активное участие в распространении «Гражданского обращения»; именно на них и связанных с ними людей обратила особое внимание госбезопасность в дни, предшествовавшие демонстрации. Публикуемые в этой книге материалы партийно-комсомольских проработок, проходивших в МГУ после 5 декабря, показывают, что некоторые студенты мотивировали свое появление на площади дошедшей до них информацией об очередной акции СМОГ. Даже если предположить, что подобные объяснения — просто «отмазка» (сослаться на интерес к неортодоксальному литобъединению, возможно, казалось более безопасным, чем сознаться в участии в коллективном гражданском протесте), все равно они не были случайными. Литературный неконформизм естественно сопрягался с протестом против уголовного преследования литераторов по обвинению, связанному с их литературным творчеством. Во всяком случае молодежный характер митинга и то, что многие восприняли его как выступление в защиту именно творческой свободы, — не подлежат сомнению.

Вполне обоснованным является также взгляд на «митинг гласности» как на протест против возобновления уголовных репрессий по политическим мотивам (так общественность восприняла арест двух литераторов). «Митинг гласности» был лишь первой открытой акцией протеста в связи с делом А.Снявского и Ю.Даниэля, за ним последовали другие, не столь публичные по форме, но также получившие широкую огласку благодаря самиздату и передачам зарубежных радиостанций.

Из участников митинга мало кто лично знал арестованных или читал их «криминальную» прозу. Тем не менее, как мы видим из публикуемых материалов, перед 5 декабря много дебатировался вопрос о том, как повлияет на судьбу подсудимых столь необычная для СССР 1960-х годов форма протеста. Так что не исключен и такой вариант мотивации, как попытка добиться освобождения или, по крайней мере, смягчения участи арестованных. Впрочем, больше, чем вопрос о возможных положительных последствиях, обсуждалось, не повредит ли им этот митинг.

И, наконец, для многих пришедших на площадь участие в митинге было экзистенциальным по сути актом самовыражения и самоосвобождения; мотив, который чуть позже станет определяющим фактором в формировании диссидентского мировоззрения. В.Чалидзе назвал подобный образ действий «реализацией прав и свобод личности явочным порядком» — формула, представляющая попытку перевода диссидентских принципов общественного поведения на язык права. А.Амальрик определил диссидентство как поведение свободного человека в несвободной стране. В этом смысле диссидентство как стиль жизни множества одиночек суще-

ствовало в СССР всегда, а события 5 декабря создали важный прецедент коллективного диссидентского поступка, обозначившего возможность появления открыто действующих независимых общественных движений, в том числе и правозащитного.

* * *

Парадоксальным образом отношение к предстоящей акции основного инициатора и организатора митинга, Александра Сергеевича Вольпина, по существу не совпадало ни с одной из вышеизложенных позиций.

Смешно даже говорить о Вольпине самоосвобождающемся и самовыражающемся: в тогдашней Москве невозможно было найти личность, более свободную внутренне и более полно реализовавшую себя в своих профессиональных — литературных, научных, философских — трудах, чем Александр Сергеевич.

Будучи человеком ответственным, Вольпин, разумеется, не мог не думать о том, как повлияет проведение демонстрации на судьбы арестованных. Однако требование гласности суда над ними он считал более уместным и важным, в том числе и для самих арестованных, чем требование их немедленного освобождения. Первое более соответствовало его правовым и нравственным воззрениям, чем второе.

Не чужды были Вольпину и сомнения, связанные с судьбами студентов, которые примут участие в демонстрации. Создается впечатление, что идеальным для него был бы митинг, состоящий из одного участника — его самого. Но он не считал себя вправе никого ни уговаривать, ни отговаривать, ни, тем более, искусственно отсекал от участия в активных действиях. Об этом свидетельствует сам факт наличия «Гражданского обращения» и его широкое распространение.

Вольпин категорически отрицал специфически «литературный» характер дела. С его точки зрения, совершенно все равно, писатели Сияновский и Даниэль или нет, хорошие они писатели или графоманы и даже — собираются ли их судить за литературное творчество или за политический протест. Более того, хотя Вольпин имел возможность ознакомиться с творчеством Терца и Аржака, он сознательно и категорически отказывался это делать до 5 декабря. Только после того как состоялся митинг, он позволил себе удовлетворить свое читательское любопытство. И это несмотря на то, что арест Сияновского и Даниэля «инверсно» повторил эпизод из его собственной биографии — публикацию за границей в 1959 году, сразу после очередного ареста, его «Свободного философского трактата» и сборника стихов «Весенний лист»! Вольпиным двигало не стремление защитить свободу творчества (последнюю он рассматривает как «материальное право», в его иерархии ценностей стоящее ниже «процессуальных прав»), а в точности те мотивы, о которых говорится в «Гражданском обращении».

Что касается политического значения демонстрации, то, будучи последовательным и убежденным антикоммунистом и противником советского строя, Вольпин никогда не ставил перед собой задачу свергнуть или ослабить этот строй. Это просто не входило в сферу его интересов. Характерно его утверждение, что неправых государств не бывает, что это логически противоречивое понятие. И, стало быть, задача просто в том, чтобы приучать государство соблюдать свои собственные законы и постановления. Вспоминается следующий занятный разговор с А.С.: «Алик, вы

что, хотите, чтобы большевики соблюдали собственные законы?» — «Да, именно этого я и добиваюсь». — «Алик, но ведь если они начнут соблюдать законы, то они перестанут быть большевиками!» — «Тс-с! Конечно, это так, но они об этом пока не знают!» (О похожем разговоре вспоминает и В.Буковский.)

И, наконец, непростой вопрос об отношении А.С. к правозащитному движению. Этот идеолог права, проповедник и просветитель, как правило, дистанцировался от тех конкретных форм борьбы за права человека, начало которым положила демонстрация 5 декабря (исключением было его участие в качестве эксперта в Комитете прав человека, организованном в 1970 году В.Чалидзе, А.Сахаровым и другими). Кажется, что это отчуждение было вызвано прежде всего пафосом протеста, которым, несомненно, одушевлялись правозащитники. Вольпин же считал, что главное — не протест и обличение, а наглядный урок и подсказка. Для него взаимоотношения с властью (как бы лично ему эта власть, ее представители, ее идеология и практика ни были неприятны) не столько противостояние, сколько попытка диалога, а право — естественный язык этого диалога. Он не защищал права, а проповедовал право. Очень характерно поэтому его скептическое и слегка ироничное отношение к традиции, установившейся после 5 декабря 1965 года, — к ежегодному проведению «митинга гласности» на Пушкинской площади. Он признает, что приучать власти к реализации «явочным порядком» конституционной свободы собраний, митингов и демонстраций — полезно, но эта свобода, как и свобода творчества, относится к «материальному праву» и, стало быть, не является первостепенной.

* * *

Оценка смысла и значения произошедшего 5 декабря 1965 года на Пушкинской площади не может тем не менее опираться исключительно на воззрения инициатора проведения митинга. Подобно тому как «Гражданское обращение» из трактата о праве (в архиве «Мемориала» хранятся копии черновиков этого документа, и один из них занимает 12 листов, исписанных мелким почерком с обеих сторон) трансформировалось в листовку, подобно тому как лозунг с требованием гласности суда над Синявским и Даниэлем был уже в день демонстрации дополнен лозунгом «Уважайте Конституцию!», трансформировалась и основная идея демонстрации в сознании ее организаторов и участников. И, разумеется, те, кто активно готовил вместе с Вольпиным митинг — Валерий Никольский, супруги Титовы и другие, имели не меньшее право на трактовку этого события, чем сам Александр Сергеевич. Полагаем, их мнения далеко не во всем совпадали ни с вольпинской позицией, ни между собой. Еще больше отличались от позиции Александра Сергеевича мотивация и восприятие тех, кто распространял «Гражданское обращение» или участвовал в самой демонстрации — ветеранов «Маяковки» (вроде Ю.Галанскова, В.Буковского, Л.Поликовской, А.Шухта), смогистов (В.Батшев, Ю.Вишневская), учащейся молодежи Москвы (на площади, по нашим сведениям, были студенты, как минимум, трех факультетов МГУ — филологического, журналистики и биолого-почвенного, а, кроме того, МГПИ им.Ленина, МЭСИ, МАИ, Школы-студии МХАТ и Театрального училища им. Щукина; были даже школьники — в нашей книге их представляют Ю.Вишневская и И.Якир). Наверное, по-своему осмысливали митинг и те, кто

пришел на площадь в качестве зрителей, а это далеко не только упомянутые в публикуемых материалах Л.Алексеева, Н.Садомская, В.Вольпина, Ю.Киселев и другие, принимавшие участие в обсуждении идеи. Слух о предстоящей демонстрации распространился широко, и на площади в тот вечер видели многих известных представителей московской творческой интеллигенции.

И, наконец, уже после демонстрации рассказы и споры о событиях на Пушкинской площади стимулировали серьезное осмысление произошедшего. Общественное мнение довольно быстро восприняло лозунги и способ действий демонстрантов как нечто совершенно новое в отчетливо уже осознаваемом к середине 1960-х годов противостоянии либеральной интеллигенции и государственной власти. Именно эта концепция в итоге возобладала. Сама возможность публичного протеста против беззакония и произвола поразила воображение многих. Переворот в представлениях о границе возможного и стал тем психологическим фундаментом, на котором выросло независимое общественное движение конца 1960-х — начала 1980-х годов, движение, принципы которого — гласность, ненасилие, апелляция к праву — по крайней мере внешне совпадали с лозунгами демонстрантов.

Как и всякому общественному феномену, правозащитному движению требовалась легенда. Демонстрация 5 декабря 1965 года и стала такой легендой. Уже в декабре 1966 года митинг был успешно повторен, а затем превратился в традицию и даже обрел собственный ритуал. Это вовсе не значит, что его гражданская значимость претерпела какой-то ущерб. Напротив, ежегодные пять минут молчания с непокрытыми головами у памятника Пушкину, освященные традицией, приобрели общественное звучание более общего характера, чем та, первая, конкретная демонстрация, проведенная по конкретному поводу. «Митинг гласности», превратившись в «митинг молчания», стал символом правозащитного движения и, подобно любому общественному ритуалу, оставался значимым событием до тех пор, пока порожденное им и породившее его общественное явление сохраняло свою идентичность. Правда, с 1977 года, после принятия новой редакции Конституции и переноса Дня Конституции на 7 октября, митинг стали проводить 10 декабря, в день принятия Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека. А со времени перестройки, после которой правозащитное движение исчерпало свою специфически советскую уникальную задачу — выразить интересы всех без исключения независимых общественных тенденций — и стало медленно превращаться в обычный для гражданского общества конгломерат правозащитных групп и ассоциаций, увял и ритуал «митингов молчания» на Пушкинской площади. Поначалу их место заняли бурные сходки энергичных ребят из «Демократического союза», которые пытались подключиться к диссидентской традиции, не особенно понимая ее смысл, а в последние годы кто только и по какому только поводу не митинговал на «Пушке»! Но эта тема уже решительно выходит за рамки нашей книги.

Подводя итоги, мы полагаем важным высказать два соображения.

Во-первых, «этиологический миф» о начале правозащитного движения не полностью совпадает с представлениями и намерениями самих участников «митинга гласности». Настоящая книга дает, как нам кажется, более эмпирическую и менее целостную картину события, чем та, которая закрепилась в сознании общества.

Во-вторых, идея «дня рождения Движения» имеет самостоятельную ценность и не зависит от конкретных обстоятельств конкретного события. Ибо, даже если Движение породил не сам митинг 5 декабря 1965 года, то, несомненно, его породила работа общественного сознания, толчок к которой был дан не в последнюю очередь произошедшим в тот день на Пушкинской площади.

* * *

В романе «Кюхля» Юрий Тынянов описывает долгое и томительное противостояние Сенатской и Дворцовой площадей Петербурга в день восстания декабристов. Он уподобляет эти площади колеблющимся чашами весов, на которых взвешивалась судьба России.

От Пушкинской до Красной площади расстояние больше, чем от Сенатской до Дворцовой. Но и противостояние длилось много дольше одного дня...

Глава 1. «Гражданское обращение»

Сегодня мы знаем, что при Хрущеве политические репрессии практически не прекращались — изменились лишь их масштаб, характер обвинений и их соотносительность с реальностью. Но, по причинам, которые еще надлежит проанализировать, судебные процессы 1957–1964 годов, за редкими исключениями (суд над И.Бродским), вне узких кружков друзей и знакомых осужденных не были ни замечены, ни осмыслены. Дело Синявского—Даниэля привело к резкому перелому в общественном сознании.

Критик и литературовед Андрей Синявский был арестован 8 сентября 1965 года, поэт-переводчик Юлий Даниэль — четырьмя днями позже. Известие об этом событии тотчас облетело столичные и связанные с ними провинциальные интеллигентские салоны и дружеские кружки; оно широко обсуждалось и вызывало разнообразные чувства — от страха до возмущения.

Возможно, обостренная реакция общественности на этот арест была связана с тем напряженным ожиданием перемен — к лучшему или к худшему, которое охватило либеральную интеллигенцию после падения Хрущева. Необычный и фантастический характер самого дела (арест писателей за их художественные произведения, тайно, под псевдонимами, напечатанные ими за рубежом) также, вероятно, сыграл свою роль. Так или иначе, «дело Синявского и Даниэля» оказалось первым политическим процессом послесталинской эпохи, вызвавшим широкий общественный резонанс. Их арест однозначно воспринимался в либеральных кругах как удар по «оттепели» (с этим понятием общество по-прежнему связывало свои надежды) и едва ли не как знак поворота нового руководства к несталинизму.

Комитет государственной безопасности едва ли рассчитывал на подобную реакцию. После октябрьского (1964) Пленума ЦК новая власть старалась быть более лояльной к творческой интеллигенции, чем «этот самодур и волюнтарист Хрущев». Оставалось более полутора лет до принятия концепции «идеологической диверсии» как основной опасности для строя и, соответственно, формирования 5-го управления КГБ — органа идеологической охраны. Что касается ареста Синявского и Даниэля, то инстанции, принимавшие решение, скорее всего не ожидали столь бурной реакции общества на разоблачение и обезвреживание двух «наймитов международной буржуазии». Очевидно, они были искренне уверены, что их возмущение «двурушниками» разделит вся советская интеллигенция.

В первые недели после ареста писателей такой поворот в общественном мнении казался вполне возможным. В отличие от Пастернака, Тарсиса, Вольпина, которые также публиковались за рубежом, Синявский и Даниэль «укрылись» под псевдонимами. Многих это шокировало. Одна-

ко вскоре (и в этом несомненная заслуга жен арестованных, публично заявивших, что они отрицают саму суть обвинения против своих мужей, независимо от его фактической обоснованности) в общественном сознании стала формироваться совершенно иная точка зрения — литератор вправе публиковать свои произведения там, где он хочет, и так, как он хочет. Эти общественные настроения создали почву для защиты Синявского и Даниэля с правовых позиций.

Разумеется, столь пристальное внимание к этому делу было — по крайней мере до января 1966 года, когда появились первые публикации на эту тему в советской прессе, — достоянием сравнительно узкого круга литераторов, филологов, а также, естественно, друзей и знакомых арестованных (впрочем, довольно многочисленных). В более широких кругах циркулировали лишь смутные слухи. Поэтому тезис А.Вольпина о гласности как ключевом требовании, необходимом для эффективной защиты от произвола, оказался весьма актуальным.

Любопытно, что еще до демонстрации карательные органы, в свою очередь, ощутили потребность представить общественности собственную версию дела. В записке от 13 ноября 1965 года в ЦК КПСС председатель КГБ В.Е.Семичастный и Генеральный прокурор СССР Р.А.Руденко сообщают, что «с согласия Секретариата ЦК КПСС Комитет госбезопасности совместно с Отделом культуры ЦК информируют писательскую общественность Москвы и Ленинграда, руководителей и членов партийных бюро Института мировой литературы им.Горького и отделения литературы и языка Академии наук СССР о существе дела на Синявского и Даниэля». Далее в записке говорится о необходимости «обеспечения более подробной информации общественности», и КГБ совместно с Отделом культуры ЦК готовят «соответствующие публикации в печати». Кроме того, Семичастный и Руденко предлагают рассматривать дело Синявского и Даниэля в открытом судебном заседании, в присутствии «представителей советско-партийного актива и писательской общественности», с участием общественных обвинителей от Союза писателей. Сам же процесс предлагается освещать в печати и по радио.

5 января, ровно через месяц после демонстрации на Пушкинской площади, было принято постановление Секретариата ЦК по этому вопросу. Вскоре появились и «соответствующие публикации»: статьи Дм.Еремина «Перевертыши» (Известия. 1966. 13 янв.) и одного из двух общественных обвинителей на будущем процессе З.Кедринной «Наследники Смердякова» (Литературная газета. 1966. 22 янв.).

С появлением этих статей всякие колебания общественного мнения относительно Синявского—Терца и Даниэля—Аржака прекратились. Общество встало на сторону обвиняемых.

* * *

Что касается собственно идеи «митинга гласности», то, как нам представляется, она сыграла важную роль в некотором социокультурном процессе, который условно можно было бы назвать «процессом консолидации поколений». Дело в том, что оппозиция государственному диктату в сфере культуры в 1956–1965 годах четко делилась на две категории. К первой относились те представители интеллигенции, по преимуществу старшего поколения, которые в той или иной степени интегрировались в советскую социальную иерархию и заняли в ней определенное место.

К этой категории равно относились Эренбург и Синявский, Тарсис и Евтушенко, Лакшин и Кожин, а также — до хрущевского погрома в Манеже — многие художники-авангардисты «лианозовской» школы. Вторая категория состояла в основном из не очень многочисленных представителей учащейся и рабочей молодежи, в современной терминологии — маргиналов, не вписавшихся в советский образ жизни и открыто декларировавших свое нежелание в него вписываться. Именно эта молодежь (например, Ю. Галансков, В. Буковский, И. Бокштейн, отчасти — А. Гинзбург) устраивала читку стихов на площади Искусств в Ленинграде и на площади Маяковского в Москве, организовывала смогистские демонстрации перед ЦДЛ и драки с дружинниками на выставках современного западного искусства. В этой категории протест часто перерастал сугубо литературные рамки и трансформировался в политическую оппозицию; некоторые, несмотря на молодость, уже успели навлечь на себя репрессии — исключения из вузов, помещение в психушки, даже лагерные сроки.

Обе категории относились друг к другу с известной настороженностью. Заметно огрубляя ситуацию, можно сказать, что одни видели в других интеллектуальных приспособленцев с недостаточно развитым гражданским чувством; а другие склонны были относиться к первым как к опасным радикалам с деформированными жизненными ценностями, не слишком образованным, чересчур амбициозным и неспособным к продуктивной самореализации.

«Дело Синявского и Даниэля» объединило оба потока свободомыслия в единое целое. Спустя три-четыре года имена Гинзбурга, Галанскова, Буковского станут не менее популярны среди либеральной интеллигенции, чем имена Л. З. Копелева или Л. К. Чуковской. В свою очередь, младшее поколение (они же «оппозиционеры со стажем») будет рассматривать С. Ковалева или В. Турчина как признанных и авторитетных деятелей правозащитного Сопротивления. И первый шаг к консолидации был сделан именно во время подготовки к манифестации 5 декабря.

Случилось так, что основными распространителями «Гражданского обращения» стали некоторые члены СМОГа и близкие к ним люди — Батшев, Вишневская, Буковский, Галансков, Кушев, Хаустов, Морозов. Мы полагаем, что уместно дать читателю хотя бы самое общее представление об этом неофициальном объединении литературной молодежи¹.

Объединение сложилось в 1964 году. Входили в него в основном начинающие поэты, хотя некоторые смогисты пробовали себя также и в прозе. Ими были изданы три машинописных сборника — «Чул», «Авангард», «Сфинксы». Большинство участников объединения апеллировали к литературной традиции русского авангардизма начала века, хотя эта апелляция носила скорее умозрительный характер. Литературный уровень творчества смогистов не поддается однозначной оценке: наряду с такими несомненно талантливыми поэтами, как Л. Губанов (можно назвать еще три-четыре имени), в объединение входили и люди, чьи творческие возможности представляются весьма скромными.

Формы публичной активности смогистов во многом повторяли сходки литературной молодежи на площади Маяковского в 1958–1961 годах,

¹ Аббревиатура «СМОГ» расшифровывалась участниками объединения по-разному: от тривиального «Смелость, Мысль, Образ, Глубина» до эпатажного «Самое Молодое Общество Гениев».

вплоть до выбора места публичного чтения стихов. В самом СМОГе или около него существовали люди, биографически связанные с «Маяком», — достаточно назвать Ю.Галанскова или В.Буковского. Действия СМОГа, однако, выглядели более эпатирующими и политически более рискованными, чем то было тремя-пятью годами раньше. Так, в апреле 1965 года смогисты устроили у Центрального дома литераторов шествие под лозунгами «Лишим соцреализм невинности!» и «Спорем пуговицы цензуры со сталинского френча советской литературы!»². Это шествие впоследствии расценивалось некоторыми наблюдателями как генеральная репетиция демонстрации 5 декабря. На самом деле это, конечно, не так: из воспоминаний В.Батшева видно, что большинство смогистов не поддержало идею участия в «митинге гласности». Апрельская акция, несмотря на остроту лозунгов, осталась в границах литературных проблем; декабрьские плакаты, несмотря на их подчеркнuto корректное с правовой точки зрения содержание (а, точнее, именно в силу их правовой корректности), посягнули на самое святое — свободу государственной власти от общественного контроля. Интересы большинства участников объединения лежали все-таки в сфере культуры.

Однако способ реализации ими свободы творчества — как сказали бы позднее, «явочным порядком», а также публичность их литературной деятельности сближали смогистов с такими принципиальными оппонентами советской системы, как В.Буковский или Ю.Галансков.

СМОГ сыграл двойную связующую роль. С одной стороны, он был своего рода мостиком между творческой оппозиционностью и политической оппозицией. С другой стороны, включение смогистов в «дело Синявского и Даниэля» позволило им установить тесные связи с либеральной интеллигенцией старшего поколения.

Если в петиционной кампании, сопровождавшей «дело Синявского и Даниэля» с января 1966 года, инициатива принадлежала старшему поколению инакомыслящих, то в подготовке и проведении демонстрации 5 декабря самое активное участие приняла молодежь из смогистских и около-смогистских кругов.

И когда судебный процесс закончился (и даже позже, когда был арестован Гинзбург, подготовивший документальный сборник по этому делу — «Белую книгу»), то и общество, и власть с удивлением обнаружили на общественной арене консолидированное оппозиционное движение, не вмещающееся полностью ни в рамки политики, ни в рамки культуры, объединяющее на равных основаниях студентов и академиков, либералов и радикалов.

² В мемуарах и исторической литературе тексты лозунгов приводятся с разночтениями. В отношении первого плаката авторы утверждают, что речь шла о «лишении соцреализма девственности».

Действующие лица

АЙХЕНВАЛЬД Юрий Александрович (1928–1993), поэт, переводчик, литературный и театральный критик, педагог. С 1949 и до начала 1950-х политссылный. В 1965 преподавал литературу в школе. Со второй половины 1960-х принимал участие в правозащитном движении. В 1970–1980-е его стихи печатались за границей; там же было впервые издано и его историко-филологическое эссе «Дон Кихот на русской почве».

АЛЕКСЕЕВА Людмила Михайловна, историк, общественный деятель. В 1960-е редактор в издательстве «Наука», впоследствии участник движения в защиту прав человека в СССР. С 1976 член Московской Хельсинкской группы. В 1977 эмигрировала в США; в 1993 вернулась в Россию. С мая 1996 председатель воссозданной МХГ. Автор книги «История инакомыслия в СССР. Новейший период» (1984; отечественные издания: Вильнюс–Москва, 1992; М., 2001).

БАТШЕВ Владимир Семенович (р. 1947), поэт, участник литобъединения СМОГ. Впоследствии прозаик, киносценарист, издатель, первый историкограф СМОГа. Осужден в 1966 «за тунеядство» на 5 лет ссылки. Помилован в 1967. В феврале 1995 эмигрировал в Германию.

БУКОВСКИЙ Владимир Константинович (р. 1942), общественный деятель; в 1960–1970-е активист движения в защиту прав человека в СССР. В 1960–1961 принимал участие в организации поэтических чтений на площади Маяковского в Москве, неоднократно задерживался, несколько раз помещался на принудительное лечение в психиатрические больницы. В 1967 осужден на 3 года за организацию демонстрации 22 января на Пушкинской площади (в защиту ранее арестованных Ю.Галанскова, А.Добровольского и других). Вновь арестован в 1971, приговорен к 7 годам заключения и 5 годам ссылки. В декабре 1976 освобожден из заключения и выслан из СССР. Автор публицистических книг и статей, мемуарист. Живет в Великобритании.

ВИШНЕВСКАЯ Юлия Иосифовна, публицист, поэт. В 1965 школьница, ученица 10 класса. Участница литобъединения СМОГ. Несколько раз принудительно помещалась в «психушки». С 1971 в эмиграции, работала на Радио «Свобода». В настоящее время живет в Израиле.

ВОЛЬПИН (ЕСЕНИН-ВОЛЬПИН) Александр Сергеевич (р. 1924), поэт, математик, философ, общественный деятель. Автор ряда фундаментальных работ в области математической логики. Впервые арестован в 1949 за написание и чтение «антисоветских» стихов, помещен в психиатрическую больницу специального типа. В 1950–1953 в ссылке в Караганде. В 1959 вновь арестован по политическому обвинению и вновь помещен в спецпсихбольницу (1960–1961). Тогда же на Западе вышел сборник его философских и поэтических произведений. В 1962 подвергся грубым публичным нападкам тогдашнего секретаря ЦК КПСС по идеологии Л.Ф.Ильичева. Инвективы против Вольпина были повторены журналистом И.Шатуновским в фельетоне «Из биографии подлеца», опубликованном в «Огоньке» (1963. № 4). Тогда Вольпин решил на необычный по тому времени шаг: подал в суд на автора публикации за оскорбление. Су-

дебный процесс (который Вольпин, разумеется, проиграл) был заметным событием в общественной жизни Москвы. Одним из первых начал активно пропагандировать правовой подход к проблеме отношений между личностью и государственной властью применительно к советской ситуации. Автор ряда работ, посвященных как теоретическим аспектам проблемы законодательного обеспечения прав человека в СССР, так и правоприменительной практике. В 1970–1972 эксперт Комитета прав человека. Эмигрировал в 1972. Живет в США.

ВОЛЬПИНА Виктория Борисовна, искусствовед, преподаватель, специалист по декоративно-прикладному народному искусству, в 1962–1972 жена А.Вольпина. Живет в Москве.

ДАНИЭЛЬ Юлий Маркович (лит. псевд. **Николай Аржак**) (1925–1988), литератор. В сентябре 1965 арестован, в феврале 1966 осужден на 5 лет лагерей за публикацию своих произведений за рубежом. После освобождения жил в Калуге, затем в Москве. Занимался поэтическим переводом.

ЗУБАРЕВ Дмитрий Исаевич (р. 1946), в 1962–1968 студент филфака МГУ. На 3-м курсе зам. секретаря по учебной работе факультетского бюро ВЛКСМ. В настоящее время научный сотрудник НИПЦ «Мемориал».

КРИСТИ Ирина Григорьевна, математик, общественный деятель; в 1965 младший научный сотрудник ИТЭФ АН СССР. В 1960–1980-е активистка движения в защиту прав человека в СССР. В 1985 эмигрировала в США. Живет в Бостоне, преподает математику в университетах.

КУШЕВ Евгений Игоревич (1947–1995), поэт, прозаик, автор и редактор самиздата; редактор журнала «Русское слово» (1966); участник демонстрации 22 января 1967 на Пушкинской площади; политзаключенный (январь–август 1967). В 1974 эмигрировал, работал на Радио «Свобода».

ЛЕВИТИН (псевд. **Краснов**) **Анатолий Эммануилович** (1915–1991), церковный писатель и историк, публицист; узник сталинских лагерей (1949–1956); один из зачинателей религиозного самиздата, с 1963 печатался за границей; активист движения в защиту прав человека в СССР, член Инициативной группы в защиту прав человека в СССР (с 1969); политзаключенный (1969–1970; 1971–1973). В 1974 эмигрировал в Швейцарию, опубликовал четыре книги воспоминаний.

МОЛЧАНОВ Эдуард Дмитриевич (р. 1938), в 1961–1970 (с перерывами) студент филфака МГУ. После окончания университета работал в московских музеях; подвергался психиатрическим репрессиям. Один из основателей партии «Демократический союз» (1988); главный редактор партийной газеты «Свободное слово» (1988–1991). Ныне пенсионер, живет в Москве.

МОРОЗОВ Сергей Петрович (1946–1985), поэт, участник СМОГа.

МУРАВЬЕВ Владимир Сергеевич (1939–2001), критик, литературовед, переводчик. В 1965 библиограф в Библиотеке иностранной литературы. Воспитанник Г.С.Померанца, участник сформировавшегося вокруг Померанца в конце 1950-х – начале 1960-х философского кружка.

НИКОЛЬСКИЙ Валерий Дмитриевич (1938–1978), математик. Один из организаторов «митинга гласности» 5 декабря 1965.

ПОЛЮСУК Юлий Андреевич (1933–1997), математик; в 1965 сотрудник ВИНТИ.

РОЗАНОВА Марья Васильевна, искусствовед, жена А.Д.Синявского, участвовала в подготовке «Белой книги» по делу Синявского и Даниэля. В 1973 эмигрировала с мужем во Францию, с 1978 издатель и редактор журнала «Синтаксис». Живет в пригороде Парижа.

САДОМСКАЯ Наталья Николаевна, историк-этнограф, испанист, кандидат исторических наук. В 1974 с мужем, известным философом-диссидентом Б.И.Шрагиным (1926–1990), эмигрировала в США. В 1994 вернулась в Россию, преподает в РГГУ.

СИНЯВСКИЙ Андрей Донатович (лит. псевд. Абрам Терц) (1925–1997), критик, литературовед, прозаик. В сентябре 1965 арестован, в феврале 1966 осужден на 7 лет лагерей за публикацию своих произведений за рубежом. После освобождения эмигрировал во Францию. Преподавал русскую литературу в Сорбонне.

СТРОЕВА Елена Викторовна (1930–1975), во второй половине 1960-х — начале 1970-х была близка к правозащитному движению. В 1972 с мужем, Ю.Титовым, эмигрировала. Жила во Франции. Покончила с собой.

ТИТОВ Юрий Васильевич (р. 1928), художник. В 1960-х — начале 1970-х участник правозащитного движения. В мае 1972 эмигрировал. Живет во Франции.

Гражданское обращение

Несколько месяцев тому назад органами КГБ арестованы два гражданина: писатели А.Синявский и Ю.Даниэль. В данном случае есть основания опасаться нарушения закона о гласности судопроизводства. Общеизвестно, что при закрытых дверях возможны любые беззакония и что нарушение закона о гласности (ст. 3 Конституции СССР и ст. 18 УПК РСФСР) уже само по себе является беззаконием. Невероятно, чтобы творчество писателей могло составить государственную тайну³.

В прошлом беззакония властей стоили жизни и свободы миллионам советских граждан. Кровавое прошлое призывает нас к бдительности в настоящем. Легче пожертвовать одним днем покоя, чем годами терпеть последствия вовремя не остановленного произвола.

У граждан есть средства борьбы с судебным произволом, это — «митинги гласности», во время которых собравшиеся скандируют один-единственный лозунг «Тре-бу-ем глас-но-сти су-да над...» (следуют фамилии обвиняемых), или показывают соответствующий плакат. Какие-либо выкрики или лозунги, выходящие за пределы требования строгого соблюдения законности, безусловно являются при этом вредными, а возможно и провокационными и должны пресекаться самими участниками митинга. Во время митинга необходимо строго соблюдать порядок. По первому требованию властей разойтись — следует расходиться, сообщив властям о цели митинга.

Ты приглашаешься на митинг гласности, состоящийся 5 декабря с.г. в 6 часов вечера в сквере на площади Пушкина, у памятника поэту.

Пригласи еще двух граждан посредством текста этого обращения.

Личный архив В.Б.Вольпиной

³ «Гражданское обращение» было впервые опубликовано в «Белой книге» А.Гинзбурга и чаще всего цитируется именно по этому сборнику. Однако, по словам А.С.Вольпина, в опубликованном тексте содержится серьезная ошибка: вместо слов «государственную тайну» напечатано «государственное преступление». На наш взгляд, ошибка не только серьезная, но и характерная: она демонстрирует подсознательное отторжение переписчиками самиздата специфической правовой философии Вольпина, с его акцентом на процессуальные моменты. Автор обращения имел в виду, что лишь при паличии государственной тайны имелись бы основания для закрытости судебных заседаний; переписчик же полагает, что творчество в принципе не подлежит уголовно-му преследованию.

Рассказывает Виктория Вольпина

Я помню, какое впечатление на Алека произвела история с Синявским и Даниэлем. Это был 1965 год, сентябрь. Мы жили тогда на даче в Голицыно. Никогда не забуду, как Алек приехал совершенно черный, с опрокинутым лицом. Был уже почти вечер, очень густые сентябрьские сумерки, тут же перешедшие в вечер. Он сказал: «Давай выйдем из дома, я хочу тебе что-то рассказать». У нас было постоянное ощущение, что нас подслушивают. Так оно, кстати, и было. Мы вышли на улицу, и он мне рассказал об аресте. Рассказал и на какое-то время замолчал. И дальше он начал думать. Потом он сел работать — что-то писать. По тому, как он работает, я всегда знала, что он пишет — математико-логические труды или какие-то гражданские сюжеты.

Недели две он бегал по Москве. Он был очень подвижен, легок на ногу, ему за вечер трех-четыре человек объехать было совершенно естественно. Начал собирать сведения, выяснять что и как. Какое-то время шла внутренняя работа, осмысление. Насколько я понимаю, идея «Гражданского обращения» сформировалась только в октябре, даже к концу октября. Сама подготовка к демонстрации заняла очень немного времени — недели три, не больше месяца. «Гражданское обращение» появилось, по-моему, то ли где-то перед ноябрьскими праздниками, то ли после. Но он писал его довольно долго, я думаю, дней десять, несмотря на мои опасения. Я безумно трусила и боялась за него. По тому напряжению, какое я чувствовала в Алеке, я поняла, что он на пороге каких-то очень серьезных поступков. И я, конечно, была в панике: если арестовали Синявского и Даниэля за книги, то, хотя он за свою книгу вроде бы отсидел, ему это припомнят, потому что срока давности нет.

Я ожидала, что будет какая-то уличная провокация, что его просто побьют в подъезде. Я пыталась не отпускать его одного. Но тут, хотя обычно мы почти всегда ездили вместе, Алек впервые начал избегать брать меня с собой. Под разными предлогами он начал от меня отдельваться, понимая, что я буду пытаться контролировать и тормозить опасную для него деятельность. Какое-то время я еще пыталась говорить ему, что ЭТО сделает невозможным его работу как математика, что это вообще перекроет ему любые возможности нормального научного существования... Бесполезные были разговоры.

Он меня не пытался убедить. Не то чтобы отмахивался, но объяснял, что не видит опасности, а если она возникнет, то ничуть не большая, чем для всех остальных.

Идея демонстрации возникла, когда «Гражданское обращение» было доформулировано. И до середины ноября я еще всхлипывала и пыталась каким-то образом предотвратить опасность.

У многих друзей первая реакция была: «Ты сошел с ума!» Но логически они его переубедить, естественно, были не в состоянии, а никаких доводов об опасности он не принимал. У него был лозунг: «Долой инстинкт самосохранения и чувство меры!» На этом постулате Алек строил свои отношения с государством.

Ему говорили, что просто всех посадят. Что это только повредит арестованным. На восемьдесят процентов эти разговоры были самозащитой. Люди не герои. И ситуация была не ясна. Когда люди в 1968 году шли на демонстрацию по поводу Чехословакии, то точно понимали, что они домой не вернуться; но они уже знали, на что идут. Здесь же некоторым казалось, что эта демонстрация не нужна, что она лишняя, что она только поставит всех под удар, не принесет никакой пользы. И я постоянно Алеку говорила: «Вас всех пересажаяют, а пользы Синявскому вы этим не принесете». На что мне Алек очень четко сказал, что не только ради Синявского и Даниэля все это затевается.

Он никого не звал на площадь. Он не говорил: «Приходи». Он говорил: «Прочти». Алек никогда никого ни о чем не просил, никогда никого ни к чему не призывал. Для него свобода, внутренняя свобода, была превыше почти всех ценностей, и он считал себя просто не вправе кого-то призывать. Он предоставлял человеку полное право выбора.

Но когда люди переставали думать о страхах, идея демонстрации становилась очень обольстительной. Даже у такого осторожного человека, как я, когда поняла, что предотвратить это невозможно, в ушах засвистел воздух свободы, бесшабашность какая-то появилась. Стало не нужно зажимать себя. От ощущения холодка опасности и свободы кружило голову.

...Наконец Алек пришел домой необычайно веселый. Сказал: «Все! Корабли сожжены. «Гражданское обращение» ушло. Теперь я изменить ситуацию больше не волен. Все! Теперь уже все». И тогда я поняла, что рыпаться бесполезно. Он сказал: «Больше я этим вопросом заниматься не буду, я запустил свои дела, свои рукописи. Надо подтянуть, неизвестно, что будет потом». Засел дома и стал работать как ни в чем не бывало. И тогда я стала думать о том, что уж если я не могу этого предотвратить, я должна ему помочь уцелеть до демонстрации и добраться до места. Он мне снова разрешил сопровождать его, и я стала уже с ним ходить неотступно.

Рассказывает Юлия Вишневская

Я познакомилась с Вольпиным в конце 1964 года. Его жена вела у нас в школе факультатив «История западного изобразительного искусства». Я бывала у нее дома вместе с другими учениками и там познакомилась с Аликом. Он казался человеком с другой планеты, из

другого века, с другими мозгами. Алика я очень любила послушать. Это было не просто против большевиков. Преподносилась некоторая альтернативная система ценностей. Он ничего не проповедовал, но если его спрашивали, то он отвечал.

Когда Синявского и Даниэля посадили, ходили всякие сплетни про спекуляцию иконами и другие слухи. Никто ничего толком не знал. А Алик пошел к Голомштоку⁴, с которым был немного знаком, узнавать, что же на самом деле. Голомшток до сих пор вспоминает, как все расспрашивали о том, хорошие или плохие люди Даниэль и Синявский, и только один Вольпин интересовался юридическими подробностями дела.

Про идею демонстрации я услышала сразу. Я не помню, кто мне сказал, но помню, что не Вольпин. Но не было такого, чтобы он всеми силами пытался в это вовлечь несовершеннолетних людей. Тарсис⁵, кажется, рассказал мне про демонстрацию: он мог. Он не думал, кто там совершеннолетний, а кто нет. Потом я пришла Алика расспрашивать.

Было много людей, которые отговаривали, пугали карами. Мне кажется, Алик понимал, что кар не будет. И мне кажется, что он это сообразил именно на основании смогистской демонстрации. Я помню, он меня очень подробно расспрашивал о шествии смогистов в марте⁶ 1965 года у ЦДЛ, на котором я была. Некоторые из них получили по пять суток за мелкое хулиганство. Когда он узнал, что за это дают пять суток, то задумался, а не сделать ли что-нибудь такое. Потому что он вообще не любил, когда люди садятся надолго в тюрьму ни за что ни про что. Он считал, что это трата сил, что нас мало.

...Черт меня дернул. Я пошла на какое-то литобъединение, которое вел Эдик Иодковский⁷. Там сидела куча людей. Бегал Батшев с большой кипой Обращений, которое они распечатали, не поленились, и раздавал их. И меня черт понес тоже раздавать. Какой-то человек мусульманского вида начал возмущаться этим безобразием. Я стала с ним спорить. Он и настучал. На следующий день выхожу в школе

⁴ ГОЛОМШТОК Игорь Наумович (1929), искусствовед, член Союза художников СССР, научный сотрудник Пушкинского музея, преподаватель МГУ. Автор многих книг и монографий по истории и теории западноевропейского искусства. Друг А. Синявского. В 1972 эмигрировал. Живет в Великобритании.

⁵ ТАРСИС Валерий Яковлевич (1906–1983), писатель, переводчик, библиограф. Передал рукописи ряда своих произведений за границу, где они были опубликованы (1962). Арестован и помещен в психиатрическую больницу (1962–1963). В 1966 получил разрешение на поездку в Англию; во время поездки лишен советского гражданства. Умер в Швейцарии.

⁶ Ю. Винниевская ошиблась — в апреле.

⁷ ИОДКОВСКИЙ Эдмунд Феликсович (1932–1994), руководил литобъединением, которое посещали и некоторые смогисты. В 1990-е основатель и редактор газеты «Литературные новости».

на большую перемену, а папа с мамой сидят у директора, на них лица нет. Оказывается, меня из комсомола исключают за антисоветскую агитацию. Поскольку меня исключают, я подумала, что из-за этого родителей вызвали. Тут из кабинета выходят какие-то молодые люди и говорят, что они из горкома комсомола, и нужно поехать в горком. Мне стало нехорошо. А когда они привезли меня с родителями на Лубянку и сказали, что они из КГБ, то мне стало интересно. На Лубянке допрос шел целый день. Маму в основном допрашивали. По их инструкциям они несовершеннолетних не могли допрашивать без родителей.

Они спрашивали: откуда у меня это Обращение, а я им не отвечала. Это было не страшно, а интересно. Это было гораздо менее страшно, чем неприятности в горкоме комсомола. Но маме все это очень не понравилось. А о Вольпине даже и не спросили, идиоты!

Из воспоминаний Владимира Буковского⁸

Так вот и получилось, что в ноябре 1965 года несколько человек начали распространять среди своих знакомых машинописные листочки с «Гражданским обращением» — текст сочинил, конечно, Алик Вольпин. <...>

Конечно, у этой затеи нашлось множество противников. Как обычно, говорилось, что это провокация КГБ, чтобы всех «выявить» и т.п. Большинство, однако, поддержало идею, и даже такой пессимист, как Юрка Титов, сказал:

— Вот, понимаешь, эти интеллектуалы наконец придумали что-то толковое.

Обращение расходилось по налаженным самиздатским каналам, по которым еще вчера шли стихи Мандельштама, Пастернака, литературные сборники. Эти «каналы доверия» оказались самым большим нашим достижением за десять лет, и благодаря им к декабрю практически все в Москве знали о готовящемся в День Конституции митинге.

Памятуя наш опыт выступлений на Маяковке, я был уверен, что скандировать лозунги — дело и ненадежное и опасное. Пойди докажи потом, что ты кричал. Плакаты с лозунгами были бы лучше во всех отношениях, поэтому я договорился на всякий случай с несколькими ребятами, что они изготовят их.

Поначалу оживление было необычайное, только и разговоров по Москве, что об этой демонстрации. Но чем ближе к Дню Конституции, тем больше появлялось пессимизма и даже страха — никто не знал, чем эта затея кончится. Власть такая, она все может. Все-таки как-никак предстояла первая свободная демонстрация в стране с 1927 года.

⁸ Буковский В. И возвращается ветер... М.: Демократическая Россия, 1990. С.189–192.

Второго декабря, только я успел отдать последнюю пачку обращений одному из смогистов в кинотеатре «Москва» на площади Маяковского, как при выходе на улицу меня окружила целая толпа агентов КГБ. Они почему-то считали, что я вооружен, и буквально тряслись от страха. Плотной стеной сжав меня со всех сторон так, чтобы я не успел даже рукой шевельнуть, посадили в уже ожидавшую «Волгу». С боков двое, впереди, рядом с шофером, начальник опергруппы.

— Руки вперед, на спинку сиденья. Не двигаться, не оглядываться.

— Закурить можно?

— Нельзя.

Привезли в ближайшее отделение милиции. Обыскали. Как назло, один экземпляр обращения оставил я себе, чтобы сделать еще копии. Больше ничего не нашли. <...>

Минут через двадцать вызвали в кабинет. За столом — женщина в пальто. Перед ней бумаги какие-то и мой экземпляр обращения.

— Здравствуйте. Садитесь. Как себя чувствуете?

А, понятно — психиатр. <...>

— Мы вас госпитализируем по распоряжению главного психиатра города Москвы.

Рассказывает Владимир Батшев

Прежде всего я считал, что СМОГ должен выступить с протестом против арестов Синявского и Даниэля. Но большинство смогистов было против: хотели сохранить СМОГ как чисто эстетическое объединение. Меня поддержали только Юлька Вишневская и Сережа Морозов.

...Тут появились листовки с призывом 5 декабря выйти на демонстрацию на Пушкинской площади. Откуда появились эти листовки, кто их делал — понятия не имею. Мне дали пачку, и я их распространил. Знаю, что этим занимались и Юлька, и Сережа, и, конечно, Буковский.

2 декабря, часов в 12 дня, когда мы с Буковским вышли из кинотеатра, нас схватили. У меня оставалось еще штук тридцать листовок, и все они были при мне. Повезли на Лубянку, стали кричать, указывая на листовки: «Что это такое?!» А я им: «Всех вас, коммунистов, на фонари, сорок железок вам в живот, все вы скоты, палачи кровавые, oprичники» — все, как мне Володя Буковский говорил. «А вы знаете, что Буковский — агент иностранной разведки?» — «Нет не знаю, но горжусь дружбой с этим великим человеком». Ну, кто может так говорить? Ясно: псих.

В четыре часа ночи меня привезли домой (я там уже несколько дней не был, ночевал у какого-то приятеля — надоел вечный «пилеж»).

Телефона у нас дома не было, и позвонить я никому не мог, убежать не получилось. А утром 3 числа приехал «психовоз» и меня повезли в дурдом. Родители даже обрадовались: по крайней мере ясно стало, почему я так странно себя веду в самой счастливой стране.

Из воспоминаний Евгения Кушева⁹

Осенью 1965 года зарубежное радио много говорило об аресте двух советских писателей — Андрея Синявского и Юлия Даниэля.

В один из дней оно сообщило, что по Москве циркулирует так называемое «гражданское обращение», приглашающее на митинг с требованием гласного суда над арестованными писателями. Митинг, как сообщалось по радио, должен состояться 5 декабря, в День советской Конституции, в шесть часов вечера на площади Пушкина.

Это не было для нас новостью. Тем не менее мы были обрадованы чрезвычайно. Радиоголос проникает повсюду, тогда как мы, распространяя это «гражданское обращение», вынуждены были довольствоваться лишь своими скромными силами.

Кто составил это «обращение» и кто первым пустил его по рукам, мы тогда еще не знали. Впрочем, это и не имело особого значения. Важен был сам факт его появления, а также то, как оно было составлено: просто, умеренно, без призывов и обличений, с точными ссылками на соответствующие параграфы советского законодательства. В тексте не содержалось ни малейших нападок на государственный строй или власти. В нем лишь упоминалось о произволе и беззаконии прошлых лет и о желательности недопущения подобного в будущем. Факт преследования людей за их литературное творчество подвергался осуждению. Словом, как было написано в «обращении», — «Уважайте собственную Конституцию!».

Все это выглядело весьма убедительно, и мы без колебаний принялись размножать и распространять это «обращение». Но, к нашему изумлению, многие из числа тех, кому мы показывали его, были уже обо всем осведомлены. Забавная встреча произошла у меня с одним молодым поэтом, но уже членом Союза писателей. Мы столкнулись на улице, разговорились, выпили даже по кружке пива, а при прощании протянули друг другу по экземпляру «обращения»...

Да, что-то случилось. Лед тронулся.

Между тем над нашей компанией, или «партией», как мы ее именovali, стали собираться тучи. Собственно говоря, это были никакие не тучи, а соответствующие органы государственной безопасности. Произошло следующее.

⁹ Кушев Е. Десять лет тому...: Глава из книги воспоминаний «Тридцать месяцев» // Русская мысль. 1976. 29 января.

Одна из постоянных читательниц нашего журнала¹⁰ и вообще активный распространитель машинописных изданий показала его какому-то случайному типу. Тип этот вскоре сообщил «куда следует», и читательницу потащили на дознание. Впрочем, не на Лубянку, а в районное отделение милиции. Допрашивали ее все же товарищи в штатском. Но наша читательница была девочка не из трусливых, и ничего путного от нее добиться не удалось. «Откуда, кто, где?» — спрашивали чекисты. «На улице нашла» — и больше ничего.

Потом вышла неприятность с Сергеем Колосовым¹¹. Он работал на Центральном телевидении и раздавал там наши материалы всем кому не лень. Кончилось это воспитательной беседой с представителями местного актива. И опять: откуда, кто, где?

Сергей отрубил резко, в свойственной ему манере: вас это не касается, товарищи! От него будто бы отвязались.

Вскоре и мне соседи по дому сообщили загадочные новости. Оказывается, вот уже три раза подряд к ним являлись какие-то типы из «уголовного розыска», спрашивали, не замечали ли они чего-нибудь подозрительного в отношении меня.

Значит, мы уже проглотили «крючок». Скоро нас потащат из «воды».

В последних числах ноября мы отпечатали последний (декабрьский) номер «Тетрадей» и снабдили его примечанием: «Из-за разного рода обстоятельств журнал не выйдет в январе следующего года, а возможно, что и не выйдет вообще». Мы, как настоящие конспираторы, уничтожили все «компрометирующие» документы, т.е. всевозможные глупые членские билеты «народно-социалистической партии», а также ее учетные карточки. Вся печатная продукция (тогда мы еще не именовали ее самиздатом) пошла по рукам. Машинки были проданы или запрятаны в надежных местах. Личные встречи были сокращены до минимума. Наш старший товарищ, Анатолий Эммануилович Левитин (Краснов), был предупрежден, что его «издатели» провалились. На наши «пулеметы» он уже не мог рассчитывать...

Но вот приближался «всенародный праздник», а главное — оплачиваемый выходной, День советской Конституции, который шутники именуют днем советской проституции, что, вне сомнения, совершенно верно.

Кто-то из друзей стал выражать опасения, что участие в митинге может нам повредить. Это подкреплялось аргументами: стукачи знают, будут фотографировать, потом отыщут и т. д. Однако волков бояться — в лес не ходить. Так что по одному, по двое мы явились на площадь...

¹⁰ Имется в виду самиздатский журнал «Тетради социалистической демократии».

¹¹ КОЛОСОВ Сергей (1946?–1966), журналист, соредатор журнала «Тетради социалистической демократии». Несмотря на тяжелую болезнь был призван в армию и вскоре умер.

Из воспоминаний Ирины Кристи¹²

В конце 1964 года я подружилась, глубоко и прочно, с семьей Айхенвальдов. Среди их многочисленных друзей меня более всего интересовали люди, успевшие уже посидеть. Я настолько глубоко сочувствовала всем политзаключенным сталинских и послесталинских времен, что ежеминутно ощущала себя виноватой перед ними: я ведь не сидела и не страдала. Сочувствовала я и Синявскому с Даниэлем, хотя и не читала тогда их книг.

О предстоящей демонстрации я узнала в этом же доме. К идее А.С.Вольпина Айхенвальды и их друзья относились скорее отрицательно, была даже некоторая паника по этому поводу. Дело дошло до того, что в некоторых кругах, близких Вольпину, всерьез обсуждалось, не позвонить ли накануне демонстрации психиатру.

Юра Айхенвальд говорил жестко: «Я сам не пойду и Вавку¹³ не пушу. Мы делаем кое-что для воспитания молодежи (в то время они оба преподавали литературу в старших классах школы. — *И.К.*), а этот выход на площадь все разрушит». А Ваве прямо сказал: «Если ты пойдешь туда, значит, ты мне не друг и не товарищ. Я тебе этого никогда не прощу». Юре нельзя было отказать в правоте, хотя у меня было еще и ощущение, что он свое отсидел и больше садиться не хочет.

Я — другое дело: я — более позднее поколение, я физически крепче. Мне все это было любопытно. Кроме того, я твердо верила в свою счастливую звезду и в то, что со мной ничего не может случиться такого, чего я сама не хочу. Я знала, что пойду туда — может быть, не как участник, а как наблюдатель.

Возможные репрессии меня почему-то не очень пугали. Но я панически боялась ляпнуть что-нибудь не то и кого-то подвести. Мне казалось, что нужно выработать определенную тактику поведения на случай ареста или задержания. Я подробно и долго обсуждала этот вопрос с Юрой. Именно он, а не Вольпин, был моим учителем в этой области.

Мы решили так: в случае задержания я говорю, что на площади оказалась случайно, просто гуляла в выходной. На все вопросы о людях отвечаю: «Не помню, не знаю»; а еще лучше — вовсе отказываюсь отвечать.

¹² Из воспоминаний Ирины Кристи о демонстрации 1965 года. Бостон, 1996. Архив НИПЦ «Мемориал».

¹³ ГЕРЛИН Валерия Михайловна, педагог, жена Ю.А. Айхенвальда; узница сталинских лагерей (1949–1955); в 1965 учительница русского языка и литературы в средней школе. Живет в Москве, литературный редактор газеты общества «Мемориал» «30 октября».

Рассказывает Владимир Муравьев

— Как вы восприняли арест Синявского и Даниэля?

— Как закономерное начало контр наступления сталинизма. Когда я спросил Анну Андреевну Ахматову, как она это восприняла, она сказала: «Подвиньтесь, я рядом сяду».

— А демонстрация 5 декабря?

— А с какой стати 5 декабря? Это что? Конституцию отстаивать? Или чего?

— Но вы знали, что 5 декабря состоится демонстрация?

— Знал.

— Вы знали, под какими лозунгами она пойдет?

— Да, знал.

— И сознательно не пошли?

— Не только сам не пошел, но и несколько человек отговорил. Говорил, что по-настоящему защищать законность нельзя, а лицемерить не надо.

— Вы знали Вольпина?

— Алика знал, не очень близко, но, условно говоря, знал.

— Вы от него узнали о демонстрации?

— Не помню. Но тогда такое общение было, что нельзя было не знать. Но я всем говорил, что я категорически против. Требовать от власти, чтобы она соблюдала Конституцию? А я не признаю их властями — банда, свора бандитская. Я их не считаю ни президентами, ни премьер-министрами, никем — свора разбойников. А Конституция, как правильно говорил Гриша Померанц¹⁴, — это рекламная выдумка, китайщина, пустая фразеология.

— Вы считали, что надо устроить просто демонстрацию в защиту Синявского и Даниэля, не апеллируя к Конституции?

— Зачем? Для кого демонстрировать?

— Показать, что общество несогласно.

— С чем? С арестом писателя за слова? Это все равно что взять и написать в КГБ: мы не согласны с арестом такого-то.

Рассказывает Юлий Полусук

Об аресте Синявского и Даниэля я узнал от Игоря Голомштока. У нас были приятельские отношения. С одной стороны, конечно, был шок. С другой стороны, я уже был человек достаточно опытный, наблюдал за происходящим в стране и пытался осознать, что происходит. У меня было впечатление: сейчас будут закручивать. Поэтому,

¹⁴ ПОМЕРАНЦ Григорий Соломонович (р.1918), философ, культуролог, публицист, общественный деятель; с 1959 один из вдохновителей неофициальной культурной активности; автор самиздата, публиковался за границей. Живет в Москве.

когда их взяли, я воспринял это как некий колокольный звон. Сейчас все понесется. Как-то уж очень близко снаряд упал. Игорь Голомшток ведь был близок к Синявскому. Я-то лично не знал ни Синявского, ни Даниэля и не читал ничего ими написанного.

Я тогда жил в основном на квартире у Вольпина. Идея демонстрации зарождалась на его магистрали — законность. Ведь там было требование соблюдения Конституции. Больше ничего. Алик считал, что если соблюдать Конституцию, то чего еще надо.

Надо сказать, что я к идее демонстрации относился отрицательно, я думал, что разгром будет мгновенный. Я помнил, как обходились с ребятами на площади Маяковского. А здесь дело серьезнее. Поэтому сюда не зилонцев пришлют с велосипедными цепями, а кого-нибудь посильнее, и все мгновенно будет завершено.

Но отговаривать Алика я не пытался — это дело совершенно бессмысленное. Единственное, что можно — это сообщить ему свое мнение.

Поскольку я был против, я подготовкой особенно не интересовался и не лез. Алик и кто-то еще (двое) делали плакаты. Я на демонстрацию решил не ходить. Кто-то все равно должен был остаться с Надеждой Давыдовой¹⁵, и решили, что это буду я. Так и сделали, но через пятнадцать-двадцать минут я понял, что это совершенно неприемлемо. И я поехал на площадь.

Рассказывает Дмитрий Зубарев

Что я знал о Синявском? Я его видел на вечере Олейникова¹⁶. Читал его статьи в «Новом мире». Кроме того, тогда же вышла книга «Поэзия первых лет революции» в издательстве «Наука», где он был одним из авторов, — замечательная книга, там блестящие очерки о поэзии Волошина, Цветаевой, Мандельштама и Пастернака революционных времен. Тогда это было чем-то беспрецедентным по уровню. И, наконец, только что, буквально за месяц до ареста Синявского в серии «Библиотека поэта» с его огромным предисловием вышел сборник стихов Пастернака. Мне эту книжку с большим трудом удалось достать, и она до сих пор в моей библиотеке. Так что Синявский в моем представлении был известным литературоведом. Статья о Пастернаке — просто великолепно: так и надо писать о поэзии — без ненужного социологизма, каких-то конъюнктурных уступок. Просто великолепный, настоящий филолог в расцвете сил! И вдруг все узнают о его аресте.

¹⁵ ВОЛЬПИН Надежда Давыдовна (1900–1998), поэт (входила в группу имажинистов), переводчица, мать А.С.Есенина-Вольпина.

¹⁶ Вечер памяти поэта Н.М.Олейникова (расстрелян в 1937) состоялся на факультете журналистики МГУ в марте 1965.

Про Даниэля мы тогда не знали, я даже не помню, называлась ли эта фамилия, я радио в то время, по-моему, не слушал, а все сведения были из устных источников: забрали Синявского, забрали Синявского, забрали Синявского... Естественно возник вопрос: «За что забрали?» Опять же пошли слухи. Кто-то сказал: за то, что он написал роман «Суд идет». Это название — «Суд идет» — мне хорошо запомнилось.

Сам факт ареста за книгу, опубликованную на Западе, конечно же, не был чем-то шокирующим. Мы не знали, есть ли в Уголовном кодексе статья, по которой можно посадить человека за то, что он написал роман, но понимали, что действия Синявского не вполне законные. Тем не менее обычной эту историю назвать тоже было трудно. Все помнят, что Пастернака за его «Доктора Живаго» никто не арестовывал. Я не слышал фамилии Абрам Терц, не знал также и про Тарсиса. Хотя, когда я сказал кому-то из своих знакомых, что вот, говорят, есть такой Тарсис и что Синявский это и есть Тарсис, то он ответил, что это не так, что Тарсис — какой-то сумасшедший. Мы с трудом тогда различали Абрама Терца и Тарсиса. И вот в этой обстановке в ноябре 1965 года на филологическом факультете МГУ, на черной лестнице появляется листовка. Потом эту листовку сунули в почтовый ящик Людмиле Владимировне [Поликовской].

На филфаке эти листовки нашел мой однокурсник, некий Хитрово, парень, никогда никакого отношения к диссидентству ни до, ни после не имевший. Он сделал великолепный ход — принес листовку на семинар по истории партии. На этом семинаре присутствовало человек 30—35 из нескольких групп сразу, и он эту листовку предложил для обсуждения, и листовка была прочитана. Дама-преподавательница стала говорить, что она уже про это знает, что это антисоветская идеологическая диверсия, что ходить, конечно, ни на какие демонстрации не нужно. Но дело было сделано: весь семинар узнал, что есть такой документ, что собирается демонстрация, были названы дата, час, место. Наш курс — двести человек — узнал, факультет узнал. Притом к нему нельзя было придраться, потому что он не стал расклеивать дальше, не понес куда-то, а принес куда следовало — своему старшему идеологическому товарищу. Насколько я знаю, неприятностей у него никаких не было из-за этого.

Факультет гудел, только и было что разговоров о листовках, демонстрации. Некоторые преподаватели приняли соответствующие меры. Например, Владимир Николаевич Турбин, который потом отличился тем, что среди других преподавателей подписал заявление против Синявского. Он тогда был вольнодумец, сторонник модернизма, вел в журнале «Молодая гвардия» специальную колонку, которая была очень популярна. Он вел семинар по Лермонтову, на котором своих девиц всячески готовил к научной деятельности, воображая, что они и есть будущая элита. Он их не только предупредил, чтобы они

никуда не ходили, но они даже вели соответствующую агитацию на факультете, чтобы люди не портили себе жизнь, что их вовлекают в провокацию, что никаких демонстраций не нужно. Одной из активных участниц этого движения контрпропаганды была Наталия Иванова¹⁷, нынешняя известная критикесса. Видите, как меняются идеологические ориентиры. Я был, наоборот, одним из тех, кто агитировал за то, чтобы пойти и во всяком случае посмотреть.

У нас было несколько человек, которые ходили на семинар к Ивану Федоровичу Волкову¹⁸, тех, кто собирался участвовать в составлявшемся под его редакцией, но так и не вышедшем студенческом альманахе «Слово». Там был Эдуард Молчанов, впоследствии пострадавший за участие в демонстрации. По-моему, о демонстрации ему сказал лично я... Потом был такой Савчук¹⁹, он тоже участвовал в демонстрации, из наших студентов. Потом Геннадий Ефимов²⁰... Это все из семинара И.Ф.Волкова. Они все были так или иначе репрессированы. Потом был такой Борис Ерхов²¹. Он был на демонстрации, но сумел остаться незамеченным и никогда больше не упоминал об этом факте своей биографии вплоть до последних лет. Мы были с Людмилой Владимировной. Кроме того, там был еще мой друг Александр Васильевич Дранов²². Он тоже никогда больше в демонстрациях не участвовал, но эта демонстрация переломала ему всю жизнь, ничего подобного у него ни до, ни после не было. В отличие от всех нас, он уже был аспирантом. А также была такая поразительная личность, о которой много можно говорить, — Олег Воробьев. Он стал заметным деятелем диссидентского движения. По-моему, о демонстрации сказал сму я. Остановлюсь на этом человеке, потому что это достаточно любопытно.

В момент нашего знакомства ему было двадцать пять. Из Перми. Он приехал в Москву в конце 50-х годов в возрасте примерно восемнадцати лет и успел к 1965 году поучиться в трех или четырех вузах. Везде это кончалось большим скандалом: или выступлением на какой-нибудь лекции или семинаре, или скандалом в общежитии, или вы-

¹⁷ ИВАНОВА Наталья Борисовна, литературный критик. Живет в Москве, 1-й зам. главного редактора журнала «Знамя».

¹⁸ ВОЛКОВ Иван Федорович (1924–1995), литературовед; в 1965 доцент кафедры теории литературы филфака МГУ, впоследствии доктор филологических наук, профессор, декан факультета (1981–1991).

¹⁹ САВЧУК Борис Григорьевич (р.1938), в 1961–1968 студент филфака МГУ, в 1966 перевелся на заочное отделение.

²⁰ ЕФИМОВ Геннадий Павлович (р.1938), поэт; в 1965 студент 4-го курса филфака МГУ.

²¹ ЕРХОВ Борис Александрович (р.1942), в 1962–1967 студент филфака МГУ, впоследствии литературовед-скандинавист, переводчик, библиограф. Живет в Москве, сотрудник научно-библиографического центра ВГБИЛ.

²² О нем см. в главе 3.

крикванием каких-нибудь антиправительственных лозунгов, или вообще дракой, — во всяком случае милицией, приводом, отчислением.

Наружность его незабываема. Молодой человек с внешностью старого каторжника: бритая голова, глаза навывкате, злобные, полные ярости, землистого цвета лицо. Такое ощущение было, что человека только что выпустили откуда-то из подземелья. И железные зубы. Встретишь — испугаешься!

Он был настроен резко антикоммунистически, своих настроений не скрывал нигде и никогда, по любому поводу был готов броситься в драку, как только кто-то заявлял, что в коммунистах, в партии есть что-то хорошее. Однажды он пришел — был конец октября или ноябрь — и с гордостью сказал, что сегодня он «срезал» преподавательницу истории партии и теперь она его выгонит. На семинаре, по-моему, обсуждался Ленский расстрел или Кровавое воскресенье, студентов спросили, есть ли вопросы, и он спросил: «А что? Рабочих расстреливать нехорошо?» Преподавательница, пораженная вопросом, ответила: «Конечно, а в чем вы, собственно, сомневаетесь?» — «А что ж вы, большевики, тогда в Новочеркасске расстреливали?» Она, потрясенная, удалила его с занятия и написала на него докладную записку, заявила, что отстраняет его от дальнейших занятий и соответственно не допускает до сессии. То есть было уже под сомнением его дальнейшее учение. Он явно нарывался на то, чтобы его отчислили. Ему самому было как-то неудобно: как это у него все так хорошо идет! И, конечно, узнав про эту демонстрацию, он обрадовался и был среди самых активных ее участников.

Вот так, значит, приближался этот роковой день — 5 декабря. Чем это все кончится, никто не знал. Как это все будет, тоже никто не знал. Во всяком случае понимали, что это нечто неординарное. Не могу сказать, что я был смелым человеком, и вся моя дальнейшая биография подтверждает это, но тем не менее ощущение того, что здесь надо присутствовать, у меня было твердое. Я не могу сказать, что был настроен так, как Воробьев, который готов был бросаться всюду, где ругают большевиков, рвать рубаху на груди, крича: «Стреляйте, гады!» У меня такой потребности не было.

Было ощущение, что происходит нечто такое, чего раньше не происходило. Этого ощущения не было совершенно, когда смогисты устраивали весной демонстрацию. Там было чистое любопытство, я совершенно не разделял их лозунгов и воспринимал это как бесплатный спектакль. Здесь же было нечто иное. Если вы помните текст, в нем подчеркивалось, что действия сугубо конституционные, никаких подстрекательских призывов; лозунг предлагался: «Требуем гласного суда!» Не случайно была выбрана и дата — День Конституции. Я понимал, что арест известного писателя без объяснения причин есть дело

возмутительное, причем были слухи, что его арестовали за статью о Пастернаке. Это уже ни в какие ворота не лезло: только что издали книгу и тут же за статью в ней человека арестовали! Факт публикации за границей еще не был достоянием общественности, в прессе об этом не сообщалось. Хотя преподавательница по истории партии, которая зачитала листовку, всем объяснила, что арестовали Синявского только за публикацию антисоветских пасквилей (которых никто не читал). В общем, было ощущение, что туда идти нужно, что это событие историческое, — у меня это ощущение было совершенно точно. Некоторый озноб все же был, но я не думал, что будет какое-то массовое избиение: всех не поволокут в кутузку.

Рассказывает Эдуард Молчанов

В МГУ филологический факультет в какой-то степени был относительно прогрессивным, в отличие от всех остальных. Там много учились ребята, которые уже где-то или обучались, или что-то уже закончили — естественный факультет или естественный вуз. Я тоже прежде, до армии, учился в МЭИ, но спустя год после демобилизации поступил в МГУ. Мы, дети военного и послевоенного поколений, за пределами школьных ворот видели иную жизнь и слышали иные речи: нищету, затаенное недовольство и страх.

В МГУ была довольно свободная атмосфера, свободное посещение. Образование в основном получали не на лекциях, а в библиотеках или кулуарах. Александровский сад, «психодром» — так назывался дворик на Моховой между памятниками Огареву и Герцену (о «психодроме» еще говорили: здесь девочки представляются проститутками, а проститутки девочками), курилки общей и научной библиотек, кафе «Марс», «Подмосковье» (так мы называли кафетерий на первом этаже в гостинице «Москва» со стороны Моховой) стали нашими кафедрами и трибунами, где проводились дискуссии, рассказывались анекдоты, обсуждались статьи «Нового мира» или «Воплей»²¹, здесь же распространялся и самиздат, здесь же прилипали к нам и стукачи, которых мы, конечно же, знали. До 1960-х годов таких кафе не было в Москве. Они образовались в годы «оттепели», оборудованные венгерскими кофеварками, которые варили «одинарный» или «двойной» кофе. Я постоянно торчал в «Марсе», хотя и не любил его из-за архитектурного дискомфорта, к тому же там вскоре появились глупые зеркала, но здесь всегда можно было заказать рюмку коньяку. Не помню, каким образом оказалось у меня в руках «Обращение», но помню, что это было именно в «Марсе», помню себя, отражающегося в зеркале за стойкой, вчитывающегося в довольно невнятный текст.

²¹ В среде филологов так называли журнал «Вопросы литературы».

Аресты обсуждались главным образом в коридорах филфака и на «психодроме». Насколько я помню, первым об этом сообщил Дима Зубарев. Большинство из нас воспринимали систему, не соблюдающую права человека и собственную конституцию, негативно. Соответствующими были и разговоры. Никто не сомневался в самих принципах социализма (это было в генах), но каждый полагал, что ему можно придать человеческое лицо. И в этом отношении мы с Зубаревым не были согласны. Я с иронией относился к подобной позиции (модернизация социализма) — был постарше, чуть больше знал, больше испытал этот социализм на себе. К тому же у меня был свой круг общения — писатели, художники (Рахтанов, Шкловский, Алиса Порет...²⁴). Самиздат ходил массовыми тиражами, и многие из нас были «издателями», не принадлежа ни к каким «обществам». У меня была пишущая машинка, которая брала пять экземпляров, и я ночами выстукивал на ней все, что попадалось и чем хотелось поделиться с теми, кто испытывал интеллектуальный голод. Попался мне Роже Гароди²⁵ «О реализме без берегов». Я прочел, восхитился. «Литературка» разразилась критикой, но никто не знал, что это такое. Восторженный, я сел за машинку. Для нас, филологов, Гароди был откровением. Я помню, как много мы рассуждали о нем с Зубаревым²⁶ и Драновым в Тимирязевском парке, сидя с пивом под кустом. О Синявском я знал и раньше. «Новый мир» был в какой-то степени нашим катехизисом. Мне впервые предъявили обвинение в идеологическом разложении взвода в армии только за то, что я регулярно в полковой библиотеке брал «Новый мир», прочитывал его, а потом с солдатами вел разговоры, вовсе не преследуя какой-либо идеологической цели. Критические статьи Синявского в журнале резко отличались стилем и четкостью формулировок, чего была лишена советская литературная критика, ориентированная не на читателя, а на цензора. Хорошим подспорьем для филологов явилась книга Меньшутина²⁷ и Синявского «Поэзия первых

²⁴ РАХТАНОВ (наст. фам. Лейзерман) Исай Аркадьевич (1907–1979), писатель; ШКЛОВСКИЙ Виктор Борисович (1893–1984), писатель, филолог, литературный критик; ПОРЕТ Алиса Ивановна (1902–1984), художница, ученица П.Н.Филонова. Все трое выступали в 1960-е в Москве как хранители памяти о литературно-художественном авангарде 1920–1930-х.

²⁵ ГАРОДИ (GARAUDY) Роже (р.1913), философ, политический деятель (Франция); в 1940–1950-е один из основных теоретиков ФКП, член ЦК (с 1945), Политбюро (с 1956), в 1970 исключен из партии как «рвизионист»; в начале 1970-х переводы его произведений были изъяты из библиотек и книготорговли в СССР.

²⁶ Д.Зубарев не помнит эту встречу, но отрицает свой интерес к экзотическому для него Р.Гароди.

²⁷ МЕНЬШУТИН Андрей Николаевич (1923–1981), литературовед, соавтор А.Д.Синявского (кн.: Поэзия первых лет революции, 1917–1920. М., 1964. В 1974 изъята из библиотек и продажи); вскоре после процесса по делу Синявского и Даниэля уволен из ИМЛИ (1966).

лет революции», которую я впервые увидел в руках Зубарева. Она до сих пор лежит у меня на полке. Не помню, Даниэлю или Синявскому принадлежит «Суд идет», но помню помятые слепые листки на «психодроме». И хорошо помню повесть Даниэля «Говорит Москва», наверное, потому, что он близок мне по писательскому стилю. Он поразил меня откровенной ненавистью к «этим». До сих пор цитирую его по памяти: «Ты помнишь, как это делается: бросок, привстал, швырнул и от живота веером». Естественно, мы знали, что их преследуют за то, что печатались во Франции. В этом факте мы обнаруживали психологическое открытие — о возможном канале для нас, и как это здорово. Ходили слухи, каким образом вычислили Терца (и Аржака?) — по формулярам Ленинской библиотеки, где он (Синявский) извлекал цитаты из неопубликованного в СССР Ленина, с которыми мы позже знакомимся в обратном переводе с французского.

Было недоумение на фоне приблизительной информации, «психодромных» слухов и невнятных шумов из Мюнхена или по «Голосу Америки», но страха не было. Простое возмущение на уровне эмоций, когда хватаешь первого попавшегося, ему говоришь, он тебе говорит — словно гасишь в себе что-то. Университет — рассадник информации, он ее формулировал, изыскивал откуда-то, он ее распространял, это такая естественная кухня была, но в этой кухне не было кока — организующего начала. Брожение умов, не более. Вопросы «идти-не идти» не было. Но это уже касается лично меня, точнее, моего характера: я всегда делаю то, перед чем испытываю страх, иначе потом по ночам буду стонать в бессильной ярости на свою трусость. Было ощущение освобождения, я как бы оправдывался перед кем-то за то, что я на свободе, или за то, что бездельничал. Когда поступаешь по совести, приходит облегчение.

Рассказывает Людмила Алексеева

...Что касается демонстрации на Пушкинской площади 5 декабря 1965 года, то я принимала в этом событии активное участие, но вовсе не потому, что я была демонстрантом, а потому, что я пыталась отговорить Алика Вольпина от этой затеи.

Когда мы с моей близкой подругой Наташей Садовой узнали о готовящейся демонстрации, мы очень перепугались. Вообще мне эта идея жутко не понравилась, я считала, что это Аликовы закидоны. Мы не знали, что будет с этими демонстрантами, но думали, что дело кончится плохо — похватают людей. А что с ними дальше сделают, я даже представить себе не могла. Может, обойдется, а может, не обойдется. Возьмут да и арестуют всех. Не хватало нам кроме Синявского и Даниэля еще десятка арестованных. Зачем это нужно?

Надо сказать, что мы с Аликом были близкими друзьями и он очень хорошо ко мне относился и до и после этой истории. Вот мы с Наташкой и стали разыскивать Алика, чтобы как-то его остановить.

Оказалось, что он ушел из дома — боялся, что власти его схватят, чтобы на демонстрацию не попал. Ведь о его планах было уже широко известно по Москве. Тогда мы стали обзванивать людей, у которых Вольпин мог быть: Айхенвальдов, Лену Строеву, других. Я понимала, что даже если он и находится в одном из этих домов, к телефону он не подойдет. Всюду я просила передать ему, чтобы он зашел ко мне домой.

Он пришел только вечером накануне демонстрации. Мы ждали его, и Наташка была у меня. Вдвоем мы уговаривали его, что не нужно всего этого делать и чтобы он сам туда не ходил. Уговаривали полночи, а он нам все доказывал, что это нужно. Потом очень устал от того, что мы на него так сильно наседали, и сказал: «Ну хорошо, предположим, что вы меня убедили. Но вы себе представляете, каково это будет? Я все это затеял, я распространил это «Гражданское обращение», я всех позвал. Все придут. Я же не могу им теперь сказать, чтобы они не приходили, — я ж не знаю, кто придет! Кем же я буду, если сам туда не пойду?» Тут мы обе застыли с открытыми ртами — вот об этом мы не подумали. Конечно, мы поняли, что он должен идти. Но мы сами были резко против этой демонстрации, и ни малейшего желания идти на нее у нас не было. Кроме того, мы просто боялись.

Рассказывает Марья Розанова

— У меня нет по это никаких воспоминаний. По той простой причине, что где-то в конце ноября пришел ко мне мой друг Игорь Голомшток и говорит: «Вот следствие, переживания, усталость... Вы так устали от всего этого... Мы решили с Глебом Поспеловым²⁸ увезти вас в город Каргополь. Давайте поедем в Каргополь, дня два передохнем. Это такой замечательный город. Вы, конечно, его прекрасно знаете, но вы бывали в Каргополе летом, а никогда не были зимой. А вот зима, сугробы, лес, древнерусская архитектура, замечательный город. Давайте съездим на два дня. И я подумала, что в самом деле зима, лес, сугробы, никогда не была... Короче говоря, действительно никогда не были — дай-ка в самом деле оторвусь от Москвы, от всех дел на пару дней. И увезли меня где-то то ли 3-го, то ли 4-го. Поехали мы в Каргополь. И вот когда мы уже были в Каргополе, мне сказали, что увезли меня вовсе не просто так. А увезли для того, чтобы я не ринулась на эту демонстрацию. Должна быть такая демонстрация, закоперщик

²⁸ ПОСПЕЛОВ Глеб Геннадьевич (р. 1931), искусствовед. Ныне доктор искусствоведения, зав. отделом Государственного института искусствознания. Живет в Москве.

этого мероприятия Алик Есенин-Вольпин. И поскольку была очень большая опасность, что я туда рвану, чтобы этого не случилось, меня скоренько, быстренько, раз-раз и увезли. Поэтому я ничего про эту демонстрацию сказать не могу. Я ее не видела, знаю про нее исключительно по слухам.

— Как вы к этому отнеслись? Как вам эта идея?

— Идея мне очень понравилась. Единственное, о чем я жалела, что со мной не обсудили.

— То есть вы заблаговременно ничего не знали?

— Абсолютно...

— А с Вольпиным вы познакомились задолго до этого?

— С Вольпиным я познакомилась, простите, в 1947 году, когда еще никакого правозащитного движения не было. Познакомились мы с ним в университете, в клубе МГУ на вечере в честь 800-летия Москвы. Так что Вольпина я знала задолго до всех этих правозащитных дел.

— А его фиксация на юридических моментах? Вам такая позиция нравилась?

— Мне она нравилась, но дело в том, что он правозащитник, а я по характеру своему нарушитель законов. Поэтому он за соблюдение законов, а я не могла признать бандитские законы законами. Понимаете, я могла в своей жизни подделать документ, а он нет. Он — правозащитник, а я — авантюрист. Вот и все. Это очень разные склады характера.

— Когда вы узнали про демонстрацию? Вам рассказали, какие там лозунги будут?

— Да, конечно.

— Как вам казалось, требование гласности процесса сыграет какую-то роль?

— Понимаете ли, в чем дело, я считала, что вообще процесс незаконен. В принципе. Поэтому, с одной стороны, мне приятно, что требуют гласности и кто-то вступается, а, с другой стороны, я понять не могла, как можно было вообще по этому поводу устраивать суд. Я утверждала и утверждаю по сей день, что литература — дело неподсудное. Кстати, здесь одна из моих претензий к Синявскому — в процессуальной вертушке есть такой вопрос — «Доверяете ли вы суду?». И Синявский, и Даниэль ответили: «Да, доверяю». На мой характер, я потом Синявскому про это много раз говорила, я бы сказала: «Нет, я суду не доверяю. Я не могу доверять суду, который принял к производству это дело. Дело незаконное». Вот так! Поэтому «Требуем гласного суда!» включает в себя: «требуем гласного», но и «требуем суда». А суда здесь не может быть. Это дело ни один грамотный судья не может принять к производству.

— Кто-то из ваших близких знакомых наверняка был на этой демонстрации?

— Конечно.

— Скажите, а саму идею требовать гласности как люди вашего круга воспринимали? Я знаю, что многие, даже придя на площадь, не ощущали, что они демонстрируют по поводу гласности этого процесса, а считали, что пришли на демонстрацию по поводу гласности вообще. Вот такого вы не слышали? Не было вокруг вас такого отношения?

— Нет. У меня совершенно иной подход к этому.

Из воспоминаний Анатолия Левитина (Краснова)²⁹

Как-то в сентябре встречаю университетского парня, студента с исторического факультета. Он мне говорит: «Новость, арестовали Синявского».

Я: Какого Синявского? Радиокомментатора?³⁰

Он: Нет, писателя.

Я: А разве есть такой писатель?

Этот диалог очень характерен: радиокомментатора Синявского, который комментировал футбольные матчи, знала вся Россия. Писателя Синявского не знал решительно никто, как и его товарища Даниэля. Через две недели о них говорил весь мир.

Взбудоражена была вся Москва. Их имена были у всех на устах. Иностранные радиостанции передавали о них с утра до вечера. В любом доме, где собиралась интеллигенция, говорили о них, и только о них. И все это при полном молчании официальной прессы.

Еще за двенадцать лет до этого бесследно исчезали десятки, даже сотни писателей, литераторов, ученых — никого это не поражало, никому во внешнем мире это не было интересно, никого это не волновало. И эти писатели, ученые, литераторы, общественные деятели носили общеизвестные имена, иной раз прославленные на весь мир, а тут арест двух никому не известных писателей вызвал такую бурю.

Это было знаменательно. <...>

Россия, взбаламученная, взъерошенная, стала протестовать. Толки и разговоры повсюду. Затем они перехлестнули через границы. Взбаламутили мир.

Это было грандиозно. Через много времени после этого, в апреле 1969 года (правильно: 1971. — *Сост.*), я имел беседу с А.И. Солженицыным по поводу ареста Владимира Буковского. Он сказал: «Для чего

²⁹ Левитин (Краснов) А.Э. Родной простор: Демократическое движение. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. С.75–77.

³⁰ СИНЯВСКИЙ Вадим Святославович (1906–1972), спортивный журналист, радиокомментатор, особой популярностью пользовались его репортажи с футбольных матчей.

все эти протесты? Каждый из нас делает свое дело — это и есть наш ответ». Я ответил вопросом: «Как вы думаете, Александр Исаевич, если бы не подняли такого шума вокруг ареста Синявского и Даниэля, кто бы был следующий?»

«Не знаю, может быть, я».

«Да, это были бы вы. Как вам известно, Шелепин³¹ потребовал тогда двадцать тысяч голов³². И только международный шум заставил советское правительство отступить».

Да, так было. И в ноябре этот шум достиг и нас, пришли в движение демократические мальчики и девушки.

Решено было провести митинг, первый в России митинг, в самом центре Москвы, на Пушкинской площади.

Главным инициатором был Александр Сергеевич Есенин-Вольпин, которого я ни разу до этого не видел. 1 декабря Алексей Добровольский³³ на квартире Якуниных вручил мне отпечатанное на машинке объявление.

Рассказывает Александр Вольпин

Я торопился к поезду в Москву. Малоознакомый человек остановил меня и сказал: «Синявского арестовали». Жаль, что арестовали; но я не понял, о ком идет речь. А дней через пять до меня дошло, что автор, известный как Абрам Терц, и есть Синявский. Я, признаться, к этому времени не держал в руках ни книг Терца, ни Аржака—Даниэля — этого имени я даже и не знал. Но меня заинтересовал сам случай ареста Государственной безопасностью.

Помню тогда, в сентябре 65-го, я бродил в Голицыно в роще один и думал: что-то же надо делать. И тут мне пришло в голову, что эти черти наверняка будут закрытое судебное дело вести. Так самое время требовать гласности суда! Пусть они осудят ребят, но пусть слова, вроде сказанных Шатуновским на моем с ним процессе: «С нашей партийной точки зрения не имеет значения общечеловеческое понятие клеветы» — пусть вся эта псевдоаргументация прозвучит не на гражданском, а на уголовном процессе. Хотя в общем-то природа про-

³¹ ШЕЛЕПИН Александр Николаевич (1918–1994), политический деятель, член Политбюро ЦК КПСС (1964–1975), в середине 1960-х считался соперником Брежнева в борьбе за лидерство в партии и государстве.

³² Распространенный слух того времени.

³³ ДОБРОВОЛЬСКИЙ Алексей Александрович (р. 1938), рабочий, публицист; организатор подпольной группы «Российская национально-социалистическая партия» (1957); член НТС (1966–1967), автор самиздата; неоднократно арестовывался, политзаключенный (1958–1961, 1964–1965, 1967–1969). После «покаяния» на «процессе четырех» (1968) отошел от оппозиционного движения. Живет в д. Весенево Кировской области, один из руководителей русских язычников (волхв Доброслав).

цесса одна. Чем больше будет таких случаев, тем быстрее этим репрессиям будет положен конец. Потому что в конце концов это бьет по властям. Им просто будет не в расчет ловиться на том, что их собственные суды так трактуют законы — и все это лишь для того, чтобы оставить какого-нибудь более-менее двусмысленного автора, печатающегося за границей, да еще под псевдонимом. Это все можно делать до тех пор, пока никто серьезно про законы не спрашивал. Пока люди, которые освещают такие события, хотя бы и иностранные журналисты, пишут об этом с точки зрения сплетника, наблюдающего, кто что сказал. А как здесь можно что-то умное сказать, не вникая в элементарные правила судопроизводства? А как вникнуть, если все происходит при закрытых дверях? Само требование гласности было явно конституционным. Так в чем же дело?

Такие вещи уже давно кажутся очевидными, значит, мы, в известном смысле, успеха добились. Но в то время, когда я начал говорить о митинге окружающим, первая реакция была: как хорошо! Но вторая была: да ты что, всерьез? в самом деле? ты что, не подумал? ты что, не знаешь, где живешь? и т.д.

В последнюю неделю сентября мы это обсуждали у Айхенвальдов. Юра какое-то время поддерживал эту идею, а потом занял другую позицию. Он стал говорить, что личность ничего не может сделать против истории. Я отвечал: «Да плюй ты, на фиг, на историю! Речь идет о юридическом факте! Если что надо менять, то, может, именно историю, чтобы новое человечество жило по кодексу. Разве нет?» — «Да, только так не делается». Я говорил: «Может быть, так и не делается, но я уже решил. И это не очень трудно». — «Нет, это не годится».

В том же доме, где жила моя мать, на несколько этажей выше была квартира Тарсиса, и мы с ним встречались. Но, откровенно говоря, он был слишком эмоционален. Он поддерживал саму идею митинга гласности, которую я выдвинул, но хотел, чтобы это было внешне эффектно. Я таких вещей не слушал.

Тут надо вспомнить о Валерии Никольском. Теперь этого человека нет в живых. Тогда он был совсем молод. Выслушал меня и сразу: «Ну, так что?» Я бы еще подумал, как да что, и, вероятно, пришел бы к выводу, что все-таки надо устраивать митинг, но этот — сразу по рукам, и никаких сомнений. Вперед и все! Как танк... Это было в конце сентября или на первой неделе октября.

По-моему, числа восьмого октября мы собрались. К этому времени я написал какой-то очень длинный текст. У меня не получалось. Нужно было «Гражданское обращение», суть которого состояла бы в том, что вот арестованы двое людей, надо требовать публичного суда, поскольку суды такого рода всегда происходят при закрытых дверях. Я там вдавался в историю, а этого делать не следовало — текст должен

быть компактным. Я писал, что в случае такого рода арестов у нас есть средство добиваться гласного судопроизводства — митинги: собираться в определенном месте и требовать публичного суда, выкрикивая лозунги или показывая соответствующие плакаты. И больше ничего другого. Это должна быть единственная тема такой демонстрации или митинга. А по первому требованию властей расходиться — разойтись, сообщив властям о цели митинга. И эта цель достигнута: пришли, потребовали — они услышали. А кто не разойдется — его ошибка и его ответственность, если что. Чего долго стоять? Если затянуть, кто его знает? Там может многое произойти, что в планы инициатора и организатора не входит. И заканчивалось: «Ты, читатель, приглашаешься такого-то числа туда-то».

Кстати, я проводил линию, что демонстрация — это, когда идут по улице с флагом или чем-то, то есть шествие. А митинг — любая встреча. Демонстрация есть митинг, а митинг не обязательно был в моем понятии демонстрацией, шествием. Я сам в ходе подготовки употреблял слово «митинг», потому что у нас под демонстрацией понималось шествие. Уже после этого митинга, когда появилась реакция на него, употреблялось слово «демонстрация». Ну, демонстрация так демонстрация.

Никольский сформулировал: так как в печати не сообщалось об этих арестах, есть основания опасаться нарушения законов о гласности судопроизводства. Коротко и ясно! Очень хорошо! Текст получился все-таки длинноватый, но намного короче первоначального.

И вот надо было решить: где и когда. У меня был план: до 7 ноября за неделю собраться напротив здания ЦК. А потом, если ничего не получится и не подействует, во второй раз собраться 7 ноября. Но Валерию это не понравилось, да и мне нравилось умеренно. Дату мы тоже обсуждали. Шел уж октябрь. На перепечатку и размножение нужно было время. Не успеем. А Валерий говорит: «Вот праздник будет 5 декабря». — «День Конституции? Так сам Бог велел этот день и использовать!» Договорились сразу.

Стали перебирать разные места: здание Прокуратуры, здание Верховного Суда — все перебрали в уме. Но, как нарочно, все эти здания расположены так, что возле них большой демонстрации не организуешь. Выбрали площадь Пушкина, напротив газеты «Известия» — поскольку газета, по идее, рупор гласности. Валера первым назвал день и место.

Теперь главное было — оповещать людей. Моя идея состояла в том, чтобы каждый, кто хочет принять в этом участие, сам размножил «Гражданское обращение», по крайней мере в двух экземплярах, и передал другим. Эта идея была выражена в Обращении, потому-то и надо было сделать его коротким. Так пойдет в геометрической про-

грессии. Но довольно ясно, что прогрессия будет затухающая — не каждый будет, на самом деле, это делать. Так или иначе, лучшего средства я не имел. Вообще меня все больше начинала интересовать эта прогрессия: как она будет работать?

И вот мы пошли по нашей интеллигентской публике распределять Обращение. Валерий знал, где живет жена Синявского. Привел меня, познакомил. Это было где-то в Хлебном переулке. Она в разговоре сказала, что завтра у Синявского день рождения. Было это 8 октября. Мы некоторое время, час или полтора, проговорили. Вскоре и Лара Богораз³⁴, жена Даниэля, появилась. Мы довольно быстро с ними договорились, что они будут за городом в это время. Иначе слишком сильно искушение явиться. А им это ни к чему.

Октябрь прошел в кулуарной полемике в нескольких интеллигентских домах. Текст менялся без конца. Айхенвальд предлагал собирать людей 5, 15, 25, чтобы они ничего не говорили, но чтобы большой поток прохожих, идущих мимо, их видел. А власти будут знать и воспринимать это как демонстрацию. Я подумал, что в 1948 году, может быть, и нужно было действовать так, но мы уже в 65-м. В конце концов ребята решили не втягивать никакие молодежные круги: Буковского и других. Мы с Никольским как раз благожелательно относились к участию молодежи, но было ясно, что если в доме Айхенвальдов произнести фамилию Буковского, то вообще скажут, что я спятил. Буковского они знали как молодого смутьяна.

Но еще и Буковскому нужно было объяснять значение задуманного. Правда, он успел посидеть в тюрьме и вернулся в начале 65-го из Ленинградской спецпсихбольницы. Кой-чему научился. И все-таки он был еще очень молод и неопытен.

У меня не было способов распространить документ иначе, чем через этих интеллигентов. Однако я почувствовал: дело идет к тому, что, сказав мне «да», они не остановятся и, ничего не предпринимая, будут говорить мне: «Мы все отдали... Да ты того парня не знаешь... 5 декабря придем». А 5 декабря кое-кто из них действительно придет и даже что-нибудь там скажет. Но так, что на это и вправду не стоит обращать внимания. Их больше будет интересовать, как бы поскорее увести меня оттуда и распить дома бутылку. Я увидел, что такая тенденция есть, и решил с этим салоном дело иметь поменьше.

Позже, в начале ноября, Лена Строева перепечатала «Гражданское обращение». 9 ноября у нас с Викой в доме оказался молодой человек С.Н., который бредил какими-то совершенно незрелыми идеями, ненавидел власть. Он был когда-то студентом МГУ, но к тому

³⁴ БОГОРАЗ Лариса Иосифовна (1929–2004), филолог, общественный деятель, жена Ю.М.Даниэля; активистка движения в защиту прав человека в СССР, участница «демонстрации семерых» на Красной площади 25 августа 1968; в 1968–1971 в ссылке.

времени уже, наверное, не был. Как выяснилось потом, стоило его потрясти немного, как он начал называть своих друзей и пр. А тогда я подумал: может быть, и через таких распространять? Вика не хотела, чтобы мы говорили в квартире, и мы поехали куда-то на Белорусский вокзал. И там я быстренько передал ему этот текст. Я его не стал подписывать. Я понимал, что власти-то знали, чем я занимаюсь. (Потом я узнал наверное, что им это было известно³⁵.) Но самому мне подписывать — зачем? Я сделал так: пускай в этом тексте участвуют и другие, пускай это будет коллективное действие, некое гражданское выступление, не являющееся обращением одиночки. Я видел основания к этому в том, что Лена, перепечатывая текст Обращения, внесла туда свою правку.

С.Н. взял у меня листок с «Гражданским обращением» и куда-то его понес. И тут я понял: лед сломан! В тот же день или на следующий я поехал к Буковскому. Его долго убеждать не пришлось. Он как раз такой был парень, что захотел это делать. Я даже пожалел, что не обратился к нему раньше. Он сказал: «Мы это разбрасываем в университете». В Обращении предлагалось передать текст двум другим, но если он берется разбросать, пусть будет так. Я больше на прогрессию полагался, но одно не исключает другого.

Я вообще-то считал, что студенты должны учиться. Вообще говоря, диссидентское движение было в плачевном состоянии отчасти потому, что молодежь очень торопится действовать. Это мешает сосредоточению мысли. Молодой человек должен пройти некоторый этап и, кстати, обзавестись дипломом, потому что дальше, если он превратится в диссидента, ему это будет очень трудно. Но если кто-то из них созрел, то пусть — отговаривать не стану. Только он должен знать об ответственности. А жалости как таковой у меня не было. Взятся — так что же? Но ведь нам самим нужна интеллигенция, а не полуинтеллигенция. И мы можем выродиться, если лучшие из нас в студенческом возрасте вынуждены будут расстаться с продолжением образования. Это я, конечно, понимал. И об этом думал. И высказывал. Во всяком случае активно я не сделал ни одного шага по приглашению студентов. Но, по-моему, Буковский и прочие сделали именно это. Спорить с ним по этому поводу? В конце концов, создавая это Обращение, пуская его в свободное распространение, я тем самым иду на то, что часть студентов откликнется на него. Я не мог сказать, что оно их не касается. Хотя, может быть, именно какие-то такие предостережения надо было включить в «Гражданское обращение» более чем что-нибудь еще. Но, так или иначе, они не были включены. Да и тот же Буковский, и тот же С.Н. не поддержали

³⁵ Председатель КГБ В.Е.Семичастный в записке в ЦК КПСС называет «Гражданское обращение» анонимным.

бы этой мысли. Таким образом, среди студентов Обращение получило распространение, и до меня потом дошло, что репрессии были, что кого-то исключили из университета. Хотя я так и не узнал до сих пор ни одной фамилии, ни одного случая достоверно не знаю.

Иностранных корреспондентов мне было не с руки звать. С меня было достаточно предыдущих встреч с иностранцами³⁶. За это взялась Лена Строева.

В салоне Айхенвальда разные были люди. Люда Алексеева, Наташа Садомская, например. От Наташи где-то в октябре я узнал о ходе дела Синявского и Даниэля. И я ей сказал, что читать эти произведения не буду. Я иду на митинг, не читая этих вещей. Меня интересует не литература. Вообще, если кто хочет устраивать литературный митинг, то пусть устраивает, только в другом месте. Речь идет о процессуальной статье — требовании гласности судопроизводства. Она нужна в данном случае двум писателям. А какие они писатели — хорошие или плохие, — я не знаю. Кроме того, это первая демонстрация такого рода, а следующая может быть вовсе не по поводу писателей. Не надо быть писателем для того, чтобы состоялась такая демонстрация. Эти рассуждения вызывали большое удивление.

Лена Строева не поддержала того, чтобы собраться у редакции «Известий». Ей захотелось поближе к Пушкину — поэту. Она перепечатывала текст обращения и внесла такую правку. Я бы этого не допустил, это уклонение в сторону. Но им нужны были такого рода уклонения. Литературные ассоциации хороши и где-то необходимы. Наше мышление — вообще ассоциативный процесс, но бывает нужна сосредоточенность, и тогда ассоциации отстраняются. Но вот именно сосредоточенности публике явно не хватало. Если моя роль в чем-то и обнаружилась, то именно в том, что я в силу ранее приобретенного мною опыта оказался больше, чем другие люди в моем окружении, способным сосредоточиться на процессуальной стороне события, которое должно было состояться, — суд над Синявским и Даниэлем. Судопроизводство — проблема, которая всегда была на последнем месте. Всегда подчеркивалось, что Россия — неправовое государство. А я говорил, что неправовых государств не существует, государство по определению правовой институт. Государство не может сказать, что оно неправовое. Это в переносном, метафорическом смысле говорится, что оно неправовое. Любое государство, соблюдает оно свое законодательство или нет, является правовым институтом, коль скоро оно к чему-то обязывает людей. Без этого не может быть системы прав и обязанностей.

³⁶ Факт общения с иностранцами фигурировал в двух первых делах А. Вольпина (в 1949 и 1959).

Мне возражают, что у государства есть права и очень мало ограничений, а у нас только обязанности. Но это прежде всего неконституционная точка зрения! Если так, то бессмысленны и конституции, и сами преследования — все бессмысленно.

Мне говорят: «Так оно и есть, вы что, не видите?» — «Вижу, но почему при всем этом видении я должен сидеть молча, когда происходят эти процессы?» — «Да ты знаешь, — говорили мне, — что с тобой сделают?» А я думаю, что если бы такие демонстрации происходили в 1920-х — 1930-х годах, если бы они тогда составляли фон московской жизни, то Сталину просто не удалось бы захватить ту власть, которую он получил. Мы должны быть все-таки готовы к тому, чтобы встретить будущее и не дать им повторить прошлое.

В двадцатых числах ноября меня дней на десять отправили в командировку в Тбилиси. Там была очередная конференция семиотическая или еще какая-то, не помню. Событие такого рода, к которому я, вообще говоря, бываю причастен. И это использовали. Меня в этот раз очень охотно отправили в Тбилиси, чтобы я там застрял. Хотели явно меня задержать под всякими предложениями. Предлагали почитать там лекции, создавали некоторую, так сказать, мини-популярность. Но я уехал вовремя и 2 декабря вернулся в Москву.

Едва я вернулся, мне сказали, что Володя Буковский в психушке — исчез в двадцатых числах ноября, что возле нашего дома смотрят. И я из дома ушел. Последние два дня я ночевал не дома. Никто не знал, где я. Зачем? Но перед демонстрацией до меня все-таки добралась Наташа [Садомская], затащила к Людке [Алексеевой]. Помешали выспаться, черт возьми! Туда надо было идти в хорошем состоянии. А они мне с утра до ночи мозги пудрили тем, что кого-то вызывали на допросы и прочее. Припоминали дело Шатуновского и говорили: «Ну как, получил урок или нет?» Но это не публично было, без шума. А теперь я попытаюсь дать властям урок по вопросу гласности суда. Пускай Люда вспоминает, как они меня терзали. Я из-за этих двух баб тогда не выспавшись пошел.

Арест? Ну, к тому времени я уже сидел раза четыре — так будет пятый. Психушка? Этого я тоже не очень боялся. Общество, которое уже начинало приспособливаться, подделываться под нравы Брежнева и его администрации, вызывало только отвращение. Не хочется здесь всю эту патологию вспоминать — это было патологическое время. Как, впрочем, и всякое другое при коммунистах.

Главное, был миф, что приспособливаться в какой-то мере должен каждый, что без этого нельзя. Но почему нельзя? Кто сказал? Если всего бояться, то, может быть, и нельзя. Но бояться надо только страха. Эту мысль потом и я, и Буковский много раз высказывали. И до меня это говорили. Всегда были люди, которые говорили: потому и плохо,

что у нас нет элементарной гражданской смелости, мы разобщены, разрознены. Этого добились коммунисты, а вообще-то Россия такова испокон века.

Мне говорили: «Идея гласности идиотская, надо требовать свободы!» — «Почему? Гласность поведет к свободе. А свобода — к гласности? Это еще вопрос; разное бывает». Мне возражали: «Где мы видели, хотя бы на Западе, чтобы требования демонстрантов состояли в гласности?» — «А где мы видели на Западе негласные суды? Если там кого-то будут судить так, как судят здесь, то вполне возможно, что именно такие демонстрации и будут. Во всяком случае мы имеем дело с нашей проблемой, а не с проблемой где-то в другой стране».

В таком духе мы разговаривали в ночь на 5-е у Людки. А Коля Вильямс³⁷ ходил за мной по квартире и шепотом, чтобы не слышали женщины, говорил: «Интересы Синявского и Даниэля, конечно, прежде всего, но именно гласность им и нужна. Без гласности с ними можно разделаться». К шести вечера надо было идти на площадь...

³⁷ ВИЛЬЯМС Николай Николаевич (р. 1926), математик, узник сталинских лагерей (1945–1950); муж Л.М.Алексеевой. В 1977 эмигрировал в США, вернулся в Россию в 1993. Живет в Москве, пенсионер.

Глава 2. Пятое декабря

В публикациях, посвященных митингу 5 декабря 1965 года, много места уделяется численности демонстрантов. Разброс оценок достаточно велик: от 50–60 человек (эту цифру называет Л.Алексеева в своей книге «История инакомыслия в СССР»; те же цифры содержатся в записке председателя КГБ В.Е.Семичастного в ЦК КПСС) до 200–300 (О.Воробьев, В.Буковский; последний, правда, — с чужих слов). Этот разброс абсолютно закономерен, ибо никакой «истинной» цифры не существует в природе, поскольку не существует формального критерия, кого считать участником демонстрации. Понятно, что в их число не входят члены оперотрядов, сотрудники КГБ, комсомольские активисты и другие, находившиеся на площади по обязанности (а ведь вполне возможно, что кто-то из свидетелей и даже участников, не умея отделить своих от чужих, и их зачислил в «демонстранты»). Те же, кто пришел туда по собственной воле, вовсе не обязательно расценивали свой приход как участие в демонстрации. Нет даже полной уверенности в том, что все они разделяли цели и направленность митинга. См., например, в главе 3 нашей книги «объяснения» студентов Г.Н. и С.Б. Впрочем, в одном из этих случаев объяснение является заведомой маскировкой; весьма возможно, что и в другом — тоже.

Многие же из тех, кто заведомо сочувствовал демонстрантам, осознавали себя скорее наблюдателями, чем участниками. К этой категории относит себя Л.Алексеева, хотя она и находилась недалеко от памятника Пушкину. Можно предположить, что определенная психологическая дистанция сохранялась между учащейся молодежью и представителями московской интеллигенции, уже находившимися на достаточно престижных ступенях социальной иерархии (например, присутствовавшими на площади восходящими светилами советской филологической науки В.В.Ивановым и В.Н.Топоровым), и что эта дистанция влияла на соотношение себя с лагерем «участников» или лагерем «доброжелательных наблюдателей». (Интересно было бы выяснить, существует ли коррелирующая зависимость между этим соотношением и чисто физическим расстоянием от памятника поэту.)

На самом деле события на площади Пушкина вечером 5 декабря ставят перед исследователем всего один, но необычайно важный вопрос: почему демонстрация вообще состоялась?

Ведь госбезопасность была отлично осведомлена и о подготовке к митингу, и о распространении «Гражданского обращения», и о личностях основных инициаторов. Действия «органов» — сосредоточение на площади оперотрядов, присутствие на ней «куратора» КГБ в МГУ Е.Б.Козельцевой (и, вероятно, других офицеров госбезопасности), транспорт, заранее подготовленный, чтобы увозить арестованных, и пр. — не производят впечатления импровизации. Очень несложно технически было бы задер-

жать главных инициаторов, если не на подходах к площади, то непосредственно у памятника, в течение десяти-пятнадцати минут, прошедших между объявленным заранее временем открытия митинга и его фактическим началом.

Мнение В.Буковского, будто «разгон демонстрации прошел не так, как хотелось властям», из-за того, что во время инструктажа бойцов комсомольских оперотрядов сотрудниками ГБ «комсомольцы неожиданно взбунтовались»¹ и отказались выполнять приказы, представляется несколько наивным. То есть вполне возможно, что кто-то из оперотрядчиков и пытался оспорить полученные инструкции (Буковский называет фамилию своего школьного приятеля Ивачкина, исключенного за это из комсомола), однако весь ход событий убедительно показывает: те комсомольские активисты и бойцы оперотрядов, которые присутствовали на площади, приказам начальства подчинялись.

Проблема в следующем: что это были за приказы? Судя по всему, они могли формулироваться примерно следующим образом: «Наблюдать за происходящим и пресекать эксцессы». К эксцессам, видимо, были отнесены любые плакаты и любые попытки выступлений. Задержания, произошедшие по ходу митинга, были связаны именно с этими попытками, а также со стычками между оперотрядчиками и демонстрантами при изъятии плакатов и пресечении речей.

Таким образом, действия властей отнюдь не были направлены на то, чтобы не допустить митинг, а ограничивались попытками удержать действия митингующих в известных рамках. Кроме того, комсомольские активисты МГУ и, возможно, некоторые преподаватели присутствовали на площади «с той стороны». Как показали дальнейшие события, их задачей были опознание и фиксация «своих» студентов; некоторые из них, однако, пытались вмешаться в ход событий и уговорить или заставить студентов покинуть площадь.

Все это наводит на мысль: может быть, КГБ просто не придавал особого значения затее нескольких московских чудаков, наперечет известных органам и к тому же связавшихся с полудетями из скандального литературного кружка? Семичастному ли, совсем недавно сыгравшему ключевую роль в свержении грозного «кукурузника», бояться подобной публики? Да и откликнется ли кто-нибудь на безумный призыв чокнутого математика — выйти на улицу? На всякий случай можно, конечно, нагнать к памятнику Пушкину побольше оперотрядчиков, чтобы выходка «антиобщественных элементов» не обернулась чем-нибудь непредсказуемым. Кстати, с оперативной точки зрения предполагаемый митинг может принести и определенную пользу: если он все же состоится, представится прекрасная возможность выявить контингент неустойчивых, идейно шатких представителей московской молодежи. Не для арестов, избави Боже! Органы по-прежнему ориентированы на «профилактирование» враждебных проявлений. Вот их-то, неустойчивых, и будем профилактировать.

Версия о неадекватно спокойной реакции госбезопасности на готовящуюся акцию косвенно подтверждается отсутствием сведений о каких-либо информационных материалах КГБ, направленных в ЦК КПСС в дни и недели, предшествовавшие демонстрации. Маловероятно, что такие материалы существуют и просто ускользнули от нашего внимания, —

¹ Буковский В. И возвращается вестер... М.: Демократическая Россия, 1990. С.194.

в этом случае в записке Семичастного от 6 декабря (см. главу 3 нашей книги) обязательно была бы ссылка на них. Для того, кто изучил привычку ГБ запрашивать мнение Центрального Комитета по любому мало-мальски значимому поводу, отсутствие подобных запросов может свидетельствовать лишь об одном: чекисты считали предстоящую затею настолько чепуховой, что готовы были принимать решения на свой страх и риск.

Не исключено, что идея демонстрации была первоначально воспринята властью так же, как и некоторой частью общества, — как продолжение экстравагантных выходов творческой молодежи. На эту версию работало и активное участие ряда смогистов в распространении «Гражданского обращения», и даже личность инициатора митинга: хотя А.Вольпин и рассматривался как «антиобщественный элемент», но «антиобщественность» его относилась, по мнению властей, к литературно-художественной, а не к неприкосновенной политико-идеологической сфере. Об опасности, таившейся в идее защиты права, еще никто не догадывался. Почему, собственно говоря, В.Е.Семичастный должен был оказаться умнее, чем виднейшие представители творческой интеллигенции, посмевавшиеся над неожиданным союзом чудаков со скандалистами и полагавшие, что все закончится если не мордобоем, то чтением стихов и распитием спиртных напитков?

Для того чтобы по-настоящему оценить последствия успешного проведения «митинга гласности», Владимиру Ефимовичу Семичастному нужно было бы быть не самим собой, а Александром Сергеевичем Вольпиным.

Действующие лица

ВОРОБЬЕВ Олег Иванович (р. 1939), до 1966 студент филфака МГУ.

В 1970 арестован за распространение самиздатовской литературы, приговорен к 6 годам лагерей. В 1977 эмигрировал в Австрию, вернулся в Россию в 1994. Живет в Санкт-Петербурге, пенсионер.

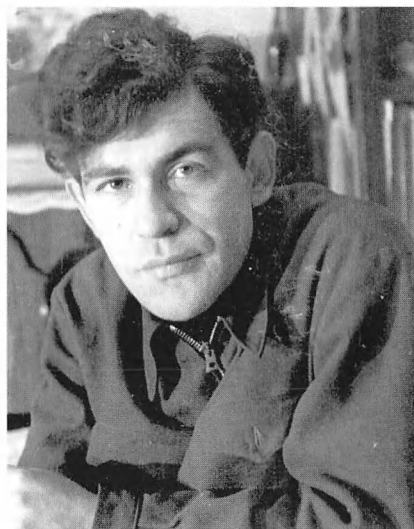
ГАЛАНСКОВ Юрий Тимофеевич (1939–1972), поэт, публицист. Участник поэтических чтений на площади Маяковского в Москве в 1959–1961. Редактор-составитель машинописных поэтических и литературно-публицистических альманахов «Феникс» (1961, 1966). Арестован в январе 1967, осужден вместе с А.Гинзбургом, А.Добровольским и В.Лашковой, приговорен к 7 годам лагерей. Умер в лагерной больнице в Мордовии после неудачной или запоздалой операции по поводу язвы желудка.

ГЕРШУНИ Владимир Львович (1930–1994), рабочий, поэт, журналист, общественный деятель; узник сталинских лагерей (1949–1955); автор, редактор и распространитель самиздата, участник движения в защиту прав человека в СССР, узник спецпсихбольниц (1969–1974, 1982–1987).

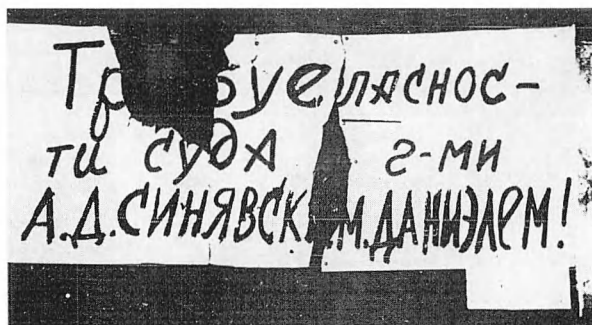
ГИНЗБУРГ Александр Ильич (1936–2002), журналист, общественный деятель. Составитель машинописного поэтического альманаха «Синтаксис» (1959–1960) — видимо, первого в СССР неподцензурного периодического издания, получившего широкую общественную известность. В 1960 был

Андрей Синявский

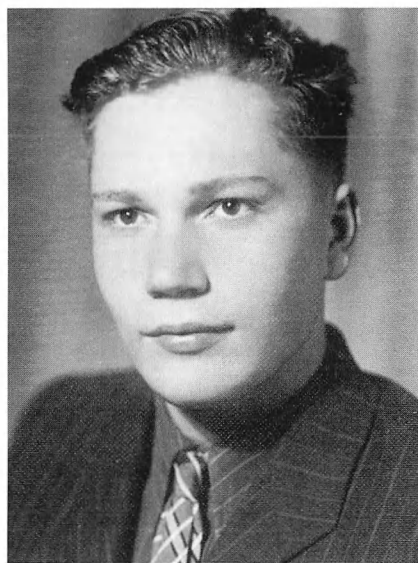
Юлий Даниэль

УВАЖАЙТЕ КОНСТИТУЦИЮ
/ОСНОВНОЙ ЗАКОН/
СОЮЗА ССР!

Александр Есенин-Вольпин

Валерий Никольский

Елена Строева и Юрий Титов с дочерью

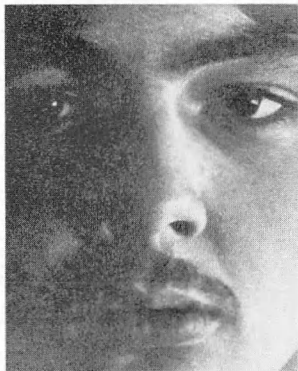

Леонид Губанов

Юрий Киселев

Владимир Батшев сослан

Владимир Батшев, 1946 года рождения, москвич. Отец его занимает ответственное положение в Главлите.

Сообщение о ссылке Батшева
в журнале «Грани»

Юлия Вишневская

СВОБОДУ В.К. БУКОВСКОМУ
И ДРУГИМ, ПОМЕЩЕННЫМ В ПСИХИА-
ТРИЧЕСКИЕ БОЛЬНИЦЫ —
В СВЯЗИ С ЭТИМ МИТИНГОМ
— ГЛАСНОСТИ!

Владимир Буковский

Наталья Садомская

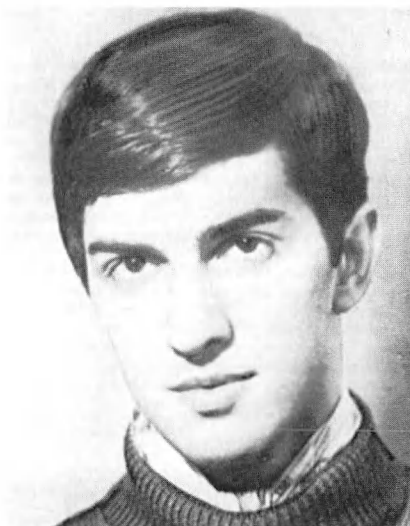
Людмила Алексева

Виктория Вольпина

Л.Кац (Кушева), В.Паршунов
и С.Колосов пришли к больнице
им.Кащенко повидать Е.Кушева
(февраль 1966 г.)

Евгений Кушев

Людмила Кац (Кушева)

Юлий Полюсук

Ирина Кристи

Ирина Якир

Юрий Айхенвальд

Александр Гинзбург

Юрий Галансков

Сергей Морозов

Аполлон Шухт

Наталья Смирнова (Шухт)

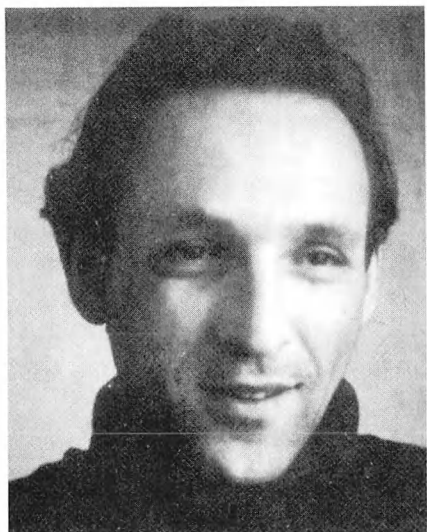
Геннадий Шиманов

Анатолий Левитин (Краснов)

Владимир Гершуни

Юрий Глазов

Виктор Хаустов

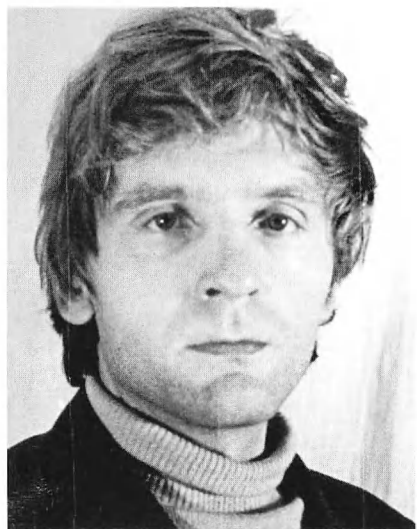
Аида Болтрукевич

Анатолий Якобсон

Олег Воробьев

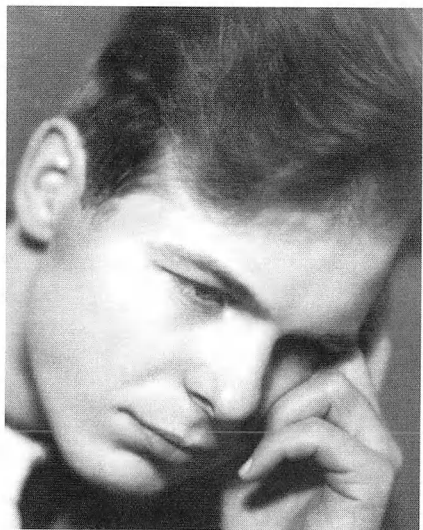
Эдуард Молчанов

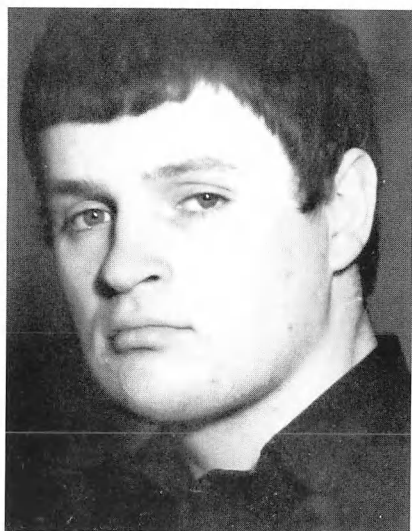
Дмитрий Зубарев

Людмила Поликовская

Геннадий Ефимов

Александр Дронов

Борис Савчук

В. КАНЕВ

ПОТОМКАМ ДЕКАБРИСТОВ

В тот день морозный и студеный
Казалось – вот, свобода близко...
Вы поняли, вы не студенты,
А вы потомки декабристов.

Законы врут – вы это поняли,
Пусть слишком поздно или рано
Вы вашу веру в небо подняли
Вы вспомнили, что ваши раны
Кровавиться не перестали,
Что тосноту мороз полощет
И что воскреснет Сталин,
Коль вы не выйдете на площадь.

Пора бежать от глупых лекций,
Как поп бежит от глупой пасты.
Жизнь – единственный ваш лекарь,
А время – лучшее лекарство.

Не надрывайтесь вы надеждою
От жизни правду отделять,
И не глядите вы на Запад –
Самим решать вам все дела.

Отбрасывайте листья фиговые,
Как кольца золотые с рук,
Отбрасывайте в сторону книги вы,
Пора вам поглядеть вокруг.

Глядите в упор непоседа.
Сегодня берут соседа,
А завтра и вас посадят,
А вы смеетесь весело,
Как лястры над коллонами,
Для вас нет истин вечных,
И нет для вас каноннов.

Срывай со стен портреты,
Топчи все флаги павшие,
Что вам авторитеты,
Государства, партии.

Обутые, босые...
На власть глядите косо,
Бойцы нужны России,
Забудь, что ты философ.

Плевать на мать и бога,
Забрось портфель свой в ящик,
Дымящемся ящуром
Достань скорее бомбу.

Я знаю, вас засудят
И сплетни растрезвонят.
Но в вас жива Засулич,
Вы новые Созоновы...

Глядеть вам в небо синее.
На вас глядит судьба.
Вам переделывать Россию,
Вам переделывать себя.

Потомки декабристов
Нет, не нам разряжать пистолеты...

Н. Нор

Нет, и нам разряжать пистолеты.

А. Щукин

В тот день морозный и студеный,
казалось, вот свобода близко.
Вы поняли, вы - не студенты,
а вы - потомки декабристов.
Вы вашу веру к небу подняли,
быть может поздно или рано.
И - слава Богу - снова поняли -
что очень долго ваши раны
кровавиться не перестанут,
пока мороз кумач полощет ...
Вы поняли - воскреснет Сталин,
коль вы не выйдете на площадь.

Пора бежать от глупых лекций,
как поп бежит от глупой пасты,
Жизнь - не единственный ваш лекарь,
а время - лучшее лекарство.
Не надрывайтесь вы надсадно
от жизни правду отделять,
и не глядите вы на Запад -
самим решать вам все дела.

Отбрасывайте листья фиговые,
как кольца золотые с рук,
отбрасывайте в сторону книги вы,
пора вам поглядеть вокруг.
Срывай со стен портреты!
Сжигай все флаги павшие!
Что вам авторитеты
и государств, и партий?
Обутые ль, босые,
на власть глядите косо...
Борцы нужны России,
забудь, что ты философ.

Я знаю, вас засудят
и сплетни растрезвонят.
Но в вас живы Засулич,
вы - новые Созоновы.

Глядеть вам в небо синее,
на вас глядит судьба.
Вам переделывать Россию,
как переделывать себя!

Стихотворение написано мною
в сумасшедшем доме «Матросская тишина»,
(психбольница № 3), куда я был помещен
после ареста 2 декабря 1965.

В. Батшев

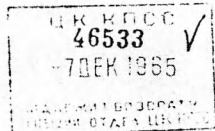
СССР
КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

„ 6 „ декабря 1965 г.

№ 2685-с
гор. Москва

Секретно

178

Ц К К П С С

Докладываю, что 5 декабря с.г. в Москве около памятника Пушкина собралась группа молодежи в количестве 50-60 человек, преимущественно студентов различных московских вузов и техникумов, молодых сотрудников некоторых научно-исследовательских учреждений, а также лиц без определенных занятий.

В 18 часов 30 минут отдельные участники собрания под флагом соблюдения гражданских свобод начали выкрикивать демagogические лозунги. Один из участников собрания ВОЛЫНИН (Есенин) А.С., младший научный сотрудник института научно-технической информации Академии наук СССР, душевнобольной, пытался развернуть принесенный с собой лозунг: "Уважайте Конституцию (Основной закон) Союза ССР". Кроме того, у участников собрания два лозунга: "Требуем гласности суда над СИНЯВ-ЛЕМ!" и "Свободу В.К.БУКОВСКОМУ и другим, помещен-трические больницы - в связи с этим митингом глас-КОВСКИЙ, без определенных занятий и ЕШНЕСКАЯ, класса 710 средней школы, являются душевнобольными дней назад с согласия родителей помещены на психиатрическую больницу).
ными мерами удалось предотвратить активные попытки участников собрания вызвать беспорядки и выступить с ими заявлениями.
щью заранее подготовленного комсомольско-оператив-и дружинников было задержано и опрошено в город-ародных дружин 28 человек. В числе задержанных:

Елена Козельцева

mol. Бреннелъ М. - Дессимо
9.12.65

ПОСТАНОВИЛИ:

За политическую незрелость, выразившуюся
в участии в антисоветской демонстрации 5 I
1965 г. на площади Пушкина, исключить С
из рядов ВЛКСМ.

С Г

Я, С. ..., был задержан во время,
так называемого, "Митинга гласности". Узнал я о
нем из "Трибуны" из обращения, которое мне дал
в ноябре из "Молодежь" молодой человек. Дело происходи-
ло в кафе "Молодёжная", когда я вступил в спор о твор-
честве Ф. Кожки, в частности о его повелле "Голодёр".
"Трибуна" из обращения в тот момент произвела на
меня большое впечатление. Будучи сам глубоко
убежден в принципиальной важности принципа гласности
существовать, боюсь, как одного из основных принципов
прав, искренне думая, что участие в подобном митинге
я буду содействовать укреплению социалистической закон-
ности, я пришел на площадь Пушкина 5 декабря.

Своей виной прежде всего считаю то, что я не разобрался
до и не пытаясь разобравшись в подлинных целях митинга,
которые не совсем понятны мне и в настоящее время.
Как стало мне недавно известно, этим митингом, во время
зависел империалистическая пропаганда в своих корыстных
целях. ~~Трибуна~~ Трибуна убогие в митинге,
несмотря на мое убеждение, что я неслучайно тут только во
имя советского строя, я несколько сморил на руку. Я решил
вряд ли митинг был не только успешен, но и бурен, так
как его, как неорганизованное по существу собрание, можно
только было превратить в антисоветский, что, и ввертел, и так
и пыталась сделать. Решение нашего ВЛКСМ, является спору-
ли бы, но полностью тетики показав, что перед душой в это
и не берется. Всегда ищется я с искренним и искренним
способом укрепить социалистическую законность и
таким образом и митинг.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОМУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ
КОМИТЕТ ВЛКСМ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени М. В. ЛОМОНОСОВА

9 декабря

Выписка из протокола № 7 заседания Комитета ВЛКСМ от 8 декабря 1965 г.

СЛУШАЛИ: Персональное дело студента I курса биолого-поч

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВ. СЕКРЕТНО

✓

№ П20/63

Секретариату ЦК КПСС,
ЦК Компартий союзных республик;
т. т. Брежневу, Подгорному, Воронову, Игнатову,
Руденко, Семичастному, Савинкину, Георгадзе.

Выписка из протокола № 20 заседания Политбюро ЦК КПСС
от 15 сентября 1966 года

О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-
процессуальный кодексы РСФСР.

1. Одобрить проекты Указов Президиума Верховного Совета РСФСР по этому вопросу (прилагаются).
2. Рекомендовать Президиумам Верховных Советов других союзных республик внести соответствующие изменения и дополнения в Уголовные и Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Ю. С. Орлов

Подлежит возврату не позже чем в 7-дневный срок
в ЦК КПСС (Общий отдел, 1-й сектор)

арестован и приговорен к 2 годам лагерей. В 1966 составил документальный сборник по делу Сняевского и Даниэля («Белая книга»), за что был вновь арестован; осужден вместе с Ю.Галансковым, А.Добровольским и В.Лашковой, приговорен к 5 годам лагерей. После освобождения жил в г.Таруса Калужской области. Первый распорядитель Русского общественного фонда помощи политзаключенным (1974–1977). В мае 1976 вошел в состав Московской Хельсинкской группы. В 1977 арестован в третий раз и приговорен к 8 годам лишения свободы и 3 годам ссылки. В 1979 выслан из СССР. Долгое время жил во Франции, до 1997 был ведущим политическим обозревателем газеты «Русская мысль». Умер в Париже.

ГЛАЗОВ Юрий Яковлевич (1929–1998), лингвист, востоковед, переводчик; в 1965 сотрудник Института востоковедения АН СССР, участник движения в защиту прав человека в СССР. В 1972 эмигрировал в Канаду.

ЗДОРОВЦОВ Валерий Иванович (р. 1943), поступил на филологический факультет МГУ по комсомольской путевке в 1962. До поступления — инструктор Семилукского райкома ВЛКСМ (Воронежская обл.), член райкома ВЛКСМ, с июля 1962 кандидат в члены КПСС. В декабре 1965 член курсового и факультетского бюро ВЛКСМ, член КПСС, избран в партбюро факультета. Окончил МГУ в 1967, рекомендован в аспирантуру.

КИСЕЛЕВ Юрий Иванович (1932–1995), художник. Участник правозащитного движения. В 1978 организовал и возглавил Инициативную группу защиты прав инвалидов в СССР — одну из первых независимых социальных ассоциаций в СССР.

КОЗЕЛЬЦЕВА Елена Борисова, сотрудник органов госбезопасности, в 1948–1980 старший куратор МГБ–КГБ по МГУ (официальная должность зам. проректора по режиму), в 1965 подполковник. Живет в Москве.

ПОЛИКОВСКАЯ Людмила Владимировна, филолог, журналист, участница поэтических чтений на площади Маяковского в Москве в начале 1960-х (в 1997 издала книгу «Мы предчувствие, предтеча...» о феномене «Маяка»). В 1963–1967 студентка филфака МГУ. Живет в Москве, член Союза российских писателей.

ШИМАНОВ Геннадий Михайлович (р. 1937), рабочий, публицист, православный религиозный мыслитель, автор самиздата. Живет в Москве.

ШУХТ Аполлон Викторович (р. 1941), поэт, математик, участник поэтических чтений на площади Маяковского в начале 1960-х. Живет в Москве, работает аудитором.

ЯКИР Ирина Петровна (1948–1999), историк-архивист. В 1965 ученица 11 класса. Впоследствии принимала активное участие в правозащитном движении. В 1970–1972 играла одну из ключевых ролей в выпуске «Хроники текущих событий». Дочь известного деятеля правозащитного движения 1960-х — начала 1970-х П.Якира.

Рассказывает Александр Вольпин

...Лозунги писались на квартире у Лены Строевой. Ее муж, художник Юра Титов, мог лучше других изготовить плакаты. Я при этом не присутствовал. Про гласность он написал с моих слов, а от себя добавил: «Уважайте Советскую Конституцию — основной закон СССР!» Я бы сказал — «соблюдайте». Но уже не было времени менять. Как написано, так оно и пошло. Это я даже приветствовал: уважайте Конституцию — конечно! Тем более это было 5 декабря — День Конституции.

Я не хотел ничего, кроме того, о чем написано в Обращении. Но это не «кроме», это как раз то самое.

Лозунгов было по два или по три каждого вида. Поскольку Буковского забрали, а накануне митинга Юлю Вишневскую упекли в психушку, в последнюю минуту добавили лозунги об освобождении Буковского и Вишневской.

Вика [Вольпина] придумала способ, как доставить меня на площадь Пушкина, чтобы меня не перехватили по дороге. Даже в кино² показывали: Юра Киселев привез меня на инвалидной машине.

Ночевал я накануне не дома и на площадь приехал не из дома. Меня Юра привез ровно в шесть.

Публика стоит, я обошел — кое-кого знаю. Я насчитал человек семьдесят. Другие насчитывали и сто, и двести. Люди ходили по улице Горького, фланировали туда-сюда. Некоторые наблюдали, стоя у того места, где кинотеатр «Россия». Конечно, их сосчитать я не мог. Но по мне, что восемь, что восемь тысяч — важно, что были и что лозунги были развернуты. Я почти не видел знакомых. Вот Наташа Садомская вроде была возле «России», как она говорила, но я не видел.

Валерию Никольскому, еще до того, как начали разворачивать лозунги, я сказал, чтобы он ушел. Мне казалось, что в случае неудачи, если митинг пройдет, но мало что даст, — надо будет повторять, а меня заберут. Так надо, чтобы кто-то другой был в курсе. И поэтому я Валерию с площади отправил. Рад, что он тут, но больше он не нужен. Он стоял, мялся, я сказал: уходи!

Люди собрались в шесть, но де-факто митинг начался минут в семнадцать седьмого. Я посмотрел на часы, которые там висели: ну что? так и будем стоять? Все спокойно. Вижу эти лозунги свернутые. Тут корреспонденты, которых Ленка привела, справа стоят, на площадке перед памятником. Если повернуться спиной к Пушкину, то на внешней стороне сквера. Тут рядом С.Н. стоит. Ну хорошо, надо начинать, и все!

² Имется в виду документальный фильм о Вольпине, демонстрировавшийся по российскому телевидению в начале 1990-х. В этом фильме В.Буковский ошибочно утверждает, что Вольпина привез на площадь Павел Улитин.

Минут в семнадцать седьмого я сказал ребятам... Развернули лозунги, оба развернули. Я тоже один взял, как раз про Конституцию. И второй «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем!» развернули. Каждый из этих лозунгов был в двух как минимум, а может быть, и в трех экземплярах, но не больше. Так что ничего особенно грандиозного не произошло. Но не прошло, по-моему, и полминуты, как подошли «кооперативники в штатском» и один из них вырвал из лозунга слово «гласность». Лозунги были на бумаге, и можно было просто взять и вырвать. Тогда у нас еще не было опыта, а на дальнейшее мы учли, что нужна матерчатая подкладка.

...Лозунг об освобождении Буковского и Вишневской был у Юры Титова. Ему, кажется, не удалось развернуть лозунг, власти отобрали его. Вот Юлька Полюсук, который там был, говорил, что вообще не успел ни одного лозунга прочесть. Но, может, он не там стоял. Я видел лозунги, разглядывал.

Ну и, конечно, поволокли нас куда-то, мы еще не знали куда, потом обнаружили. Почти сразу после того как «гласность» вырвали, меня взяли под руку и повели куда-то в сторону памятника Долгорукому. Там у них был какой-то штаб.

Разговаривал со мной довольно грузный человек, коренастый, очень много в нем туши. Не совсем культурный. Говорил мягко. Он представился работником Моссовета, но не удивлюсь, если на самом деле он был из ГБ. Была беседа, как толчая воды в ступе, — тягомотина: «А почему вы тут пишете то-то?.. Почему вы собрались в День Конституции?.. Кому вы это обращение показывали?..»

— Почему я должен об этом говорить?

— Тарсису показывали?

— Спросите у Тарсиса.

— А вот вы пишете: «Уважайте Конституцию», так что же, кто-нибудь ее не уважает?

Я говорю:

— Если человека, стоящего в День Конституции с такой надписью, уволакивают с площади, то, наверное, эти люди не очень уважают Конституцию.

Так проговорили минут пять. Он спросил, почему мы требуем гласности суда, ведь это основа судопроизводства, основная гарантированная процессуальная норма. И отчеканил:

— У нас суды всегда гласные!

— Тем лучше. Если так, может быть, я ошибся. Но раз суды гласные, значит, наши требования только соответствуют Конституции и все в порядке.

Ну и все, и день закончился. Сидел там часа три, потом привезли домой.

Кроме меня было еще много задержанных. Забрали Титова, я его с Леной увидел в последующие дни, когда все мы сошлись и узнали, что в общем-то все на свободе.

Ну, митинг остался позади. Тут уж я свободен читать Синявского и Даниэля. Прочитал, конечно, все, что они написали. В общем мне понравилось. Рассказывал об этом знакомым. Ходил по домам, расспрашивал о новостях.

Рассказывает Виктория Вольпина

...В день демонстрации мы ушли из дома рано. Я хотела, чтобы на площадь он приехал не на городском транспорте и не на такси. Он должен был появиться там неожиданно. Мы ездили в метро: сначала по кольцу, потом еще как-то. Когда поняли, что оторвались от любого преследования (во всяком случае, мне ничего в глаза не бросилось), мы встретились с Юрой Киселевым. Он художник, инвалид, без обеих ног выше колена. И у него была на трех колесах «блешка», сейчас этих машин уже нет. Маленькая коляска, где было одно водительское место впереди и два крохотных места сзади. Алек согласился, что приехать на такой машине будет очень уместно, что вряд ли кто-нибудь заподозрит такую машину. Кроме того, Юра как инвалид мог остановить машину на любом месте, хоть на тротуаре, и поэтому мог подъехать прямо к толпе.

Юра въехал на тротуар Пушкинской площади со стороны «Известий», подъехал так, что Алеку надо было пройти буквально пять метров.

Алек вышел. Я продолжала сидеть в машине, так как решила, что не буду светиться, чтобы иметь возможность Алека быстро эвакуировать, когда все это кончится. Я увидела, как он вошел в толпу. Через несколько мгновений над толпой взметнулись белые пятна лозунгов. Это продолжалось буквально не больше минуты. Сейчас мне это уже видится как в замедленном кино, а в тот момент все произошло мгновенно. Лозунги взметнулись, затем я увидела руки, тянущиеся к ним. Ничего не слышно — гул. Гул машин, тянущиеся руки, лозунги падают. Дальше была различима только слепленная куча, в которой происходило какое-то очень плотное движение. Потом эта куча на моих глазах начинает распадаться на маленькие кучки.

По моим понятиям, демонстрантов было человек шестьдесят. У меня ощущение, что оперативников в толпе не было — они рванулись с внешней стороны. А у самого памятника стояла очень небольшая кучка тех, кто откровенно принимал участие в демонстрации. Кто-то стоял на той стороне Тверской, а кто-то — как бы за кустами. То есть вокруг этой небольшой группы, которая собралась, стояли люди, которые пришли посмотреть, что будет. Среди них были и люди, которые сочувство-

вали, но по разным причинам не решились или не захотели принять участие. И, конечно, там было огромное число стукачей. А вокруг, ничего не боясь, ходили корреспонденты со своими фотоаппаратами.

Я видела, как людей заталкивали в машину, стоящую напротив памятника Пушкину, там, где проезжая часть. Всего там стояло несколько машин, не «воронки», а какие-то машины типа «рафиков». Когда я увидела, что кого-то заталкивают и что толпа расплзается, я почувствовала тревогу и вышла из машины. Я подумала, что Алеку пора бы уже, по крайней мере, объявиться. Подхожу, начинаю ходить от кучки к кучке — нигде его нет. Натыкаюсь на Наташу Садомскую, спрашиваю:

— Ната, где Алек?

— Вичка, не беспокойся, его тут свои ребята куда-то увели в безопасное место.

Я четко понимала, что безопасного места вообще нет и уж, по крайней мере, никаким «своим ребятам» он не дал бы себя увести, не предупредив меня, когда я сижу в пяти метрах. Я все поняла и завопила дурным голосом: «Дура! Какие «свои ребята». Его взяли!» Наташа на меня, конечно, не обиделась, потому что мое состояние можно было понять. Тут мы проверили всех присутствующих и поняли, что Алека нет. Органы очень аккуратно сработали. Они чрезвычайно чисто сумели выхватить из толпы далеко не всех, а только тех, кто им действительно был нужен.

Я уехала к матери Алека, где в этот момент уже сидел Юлий Андреевич Полюсук и ждал — может быть, нужно будет чем-то помочь. И мы стали ждать. Как сейчас помню, мы рассказывали невероятное число анекдотов и очень «веселились». Когда что-то случалось, мы всегда начинали друг друга подбадривать анекдотами. Рассказываем анекдоты, ужинаем, и я помню ощущение, что ситуация не вполне трагична: интуиция, наверное, работала. И, действительно, через два с половиной часа, где-то около девяти вечера раздается звонок и голос Алека:

— Вичка...

— Где ты?

— Вичка, тут меня задержали...

— Где ты?

— Вичка, меня задержали, мы поговорили, и, наверное, мне скоро... (В сторону.) Мне можно будет поехать?.. Да, вот мне говорят, что меня скоро отпустят.

Дальше трубку взял какой-то сотрудник и произнес буквально следующее:

— Мы бы вашего мужа отпустили и раньше, но скажите ему, чтобы он отвечал на вопросы...

На что я сказала:

— Нет уж, скажите ему это сами.

Ситуация была комическая. Алека взяли с плакатом «Уважайте Советскую Конституцию». День Конституции. Его берут с этим лозунгом.

— Александр Сергеевич, зачем вы пришли на площадь?

Он отвечает абсолютно обтекаемой фразой. Только математический логик может сказать фразу совершенно точно, но при этом не несущую никакой информации. Они не понимали, что Александр Сергеевич — математический логик, человек, собаку съевший на тавтологических определениях, занимавшийся этим как ученый, что он будет крутить их по кругу и что он за пределы этой логики, не содержащей никакой интересной для них информации и тем не менее абсолютно точной формально, не выйдет.

И вот он отвечает что-нибудь вот в таком духе:

— Чтобы выразить то, что я стремился выразить.

— Ну а все-таки, вас задержали с лозунгом в руках...

— Не я же себя задерживал. Зачем они меня задержали?

— Нет, ну а все-таки у вас был лозунг «Уважайте Советскую Конституцию»? Был?

— Да, был.

— Зачем вы написали такой лозунг?

— Чтобы уважали Советскую Конституцию.

— А что, вы считаете, что ее кто-нибудь не уважает?

— Здесь этого не написано.

— Почему в этот день?

— А если бы я вышел на площадь первого мая с лозунгом «Уважайте Первое мая!» — это бы вас удивило? Сегодня День Советской Конституции.

И так далее.

Это ведь был 1965 год, и они еще не знали, куда повернется. Хрущевское время кончилось совсем недавно. Поэтому они еще вежливы. Пока еще вежливы. В 68-м, когда разгоняли демонстрацию на Красной площади, уже били, а в 65-м еще пытались соблюдать декорум. В течение трех часов они пытались снять с него допрос. Причем, по-видимому, у них не было задания его в этот момент арестовывать. Всех отпустили в этот же вечер, только допросили и отпустили. Нужно было, видимо, ликвидировать как можно быстрее всю эту ситуацию. Потому что предстоял суд [над Синявским и Даниэлем], а вой стоял и так грандиозный.

Когда они позвонили, был еще не конец допроса. Они решили, что я повлияю на Алека, чтобы он захотел быстрее вернуться. Примерно через полчаса после звонка он был дома. Алек был последним, кого отпустили.

Рассказывает Юлий Полюсук

Я приехал туда ровно с одной целью: если будет побоище (а я полагал, что оно наверняка будет), то мне нужно быстро-быстро схватить этого лысого³ за шкурку и куда-нибудь в подворотню утащить. Как-нибудь его прикрыть, чтобы его к чертовой матери на месте не убили. Я поехал только за этим. Больше ни за чем. Я как был несогласен, так и остался несогласен... Я ринулся на площадь, в эту толпу, и стал искать. Нету. Я прочесывал толпу (неоднократно) в поисках этого типа, увертываясь и подставляя задницу разным фотоаппаратам, коих там было до черта, явно не иностранцев, а служащих соответствующего учреждения, которые пытались зафиксировать состав присутствующих. Я постоянно отворачивался, крутился. Я искал Алика, но при этом я не мог не видеть, как со свистом подлетают черные «Волги», закручивают руки, швыряют туда людей, как они, в нарушение всех правил уличного движения, тут же разворачиваются, пулей куда-то уезжают, пулей подлетают следующие — эдакий конвейер... Но я был с абсолютно служебной функцией... Потом выяснилось, что в самые первые минуты к Алику подошли двое в штатском, сказали: «Пройдемте!», и он с ними пошел. Без всяких рукоприкладств, без ничего.

Никаких плакатов я не видел, вернее, видел какие-то остатки. Но, в общем, уже все было разорвано. Что-то валялось на земле. В руках — нет. Это очень быстро произошло.

Потом уж я там насмотрелся на некоторых известных людей (не хочу их называть), которые стояли у кинотеатра «Россия»... Стоит там человек, подзывает меня, я подхожу, и он начинает шепотом сообщать мне, что он здесь стоит с определенной целью, а не просто боится подойти... Человек, с одной стороны, как бы там был, а на самом деле не был. В сферу опасности он не попадал.

Рассказывает Людмила Алексеева

...Муж еще одной нашей близкой подруги Ады Никольской, Валерий, был верным пажом Алика во всей этой затее. Валерий Никольский распространял «Гражданское обращение», вместе с Вольпиным выбирал место для демонстрации и, естественно, собирался идти на нее, хотя Адка умоляла его не делать этого. В конце концов стало ясно: и Алик, и Валерий на демонстрацию пойдут. И Адка тоже решила пойти, она говорила: «Муж-то пойдет, надо хоть посмотреть, как все это будет происходить, быть рядом».

Я тоже не могла не пойти. Алик и Валерка идут — надо же посмотреть, что с нашими друзьями будет, если они туда поперлись.

³ Имется в виду А.Вольпин.

И Наташка [Садомская] решила идти из тех же соображений. Короче говоря, мы все втроем — Ада, Наташа и я — тоже двинули на демонстрацию.

А мой муж Коля Вильямс не ходил. Вот уж он совершенно не создан был для того, чтобы ходить на демонстрации и вообще участвовать в таких делах. Он полностью таким предприятиям сочувствовал, однако в них не участвовал, причем и то, и другое было совершенно органично и естественно. Потому что он другого склада и других интересов человек. У Коли был такой приятель, Витя Иоэльс⁴, который, в отличие от всех людей, праздновал не день своего рождения, а день зачатия. И по его расчетам день зачатия был как раз 5 декабря. Это был нерабочий день, и у всей Колиной компании было железное правило: из года в год в День Конституции праздновать день зачатия Иоэльса. Какая там демонстрация? День зачатия был гораздо важнее всех демонстраций на свете. Уже с середины дня все они с поллитрами в кармане сбредались к Вите.

Итак, мы трое пошли посмотреть на демонстрацию. Это оказалось так интересно! Мы боялись, конечно, но, когда подходили к площади, увидели, что дело обстоит так, как если бы мы шли в консерваторию на какой-нибудь эпохальный концерт или куда-нибудь на вернисаж. Каждую минуту мы говорили кому-то: «Здравствуйте... Здравствуйте», — столько было вокруг знакомых лиц. И каждый понимал, куда все идут. Но мы не собирались участвовать в демонстрации, и все, с кем мы здоровались, тоже не собирались участвовать. Им так же, как и нам, было страшно за демонстрантов и не хотелось в такой момент сидеть дома. Все мы были наблюдатели. Какое там участие в демонстрации! Все мы тогда думали, что не для демонстраций созданы.

Мы пришли немного раньше. Адка подумала вдруг, что ей надо забежать, купить что-то из еды для маленькой дочки, потому что еще неизвестно, чем все это кончится и успеем ли мы потом попасть в магазин. Мы побежали в «Елисейский», а оттуда уже рысью на площадь.

Первый, кого я увидела, когда мы подошли, был Юра Титов, стоявший с индифферентным видом ко всем спиной. Под пальто у него были плакаты. Потом подошел Алик Вольпин, еще какие-то незнакомые нам молодые ребята. Позже я видела, как одного из них тащили, и запомнила его. Это был молодой парень в короткой черной кожаной курточке. Когда его тащили, он упирался и кричал. Его запихнули в машину и увезли. Потом я узнала, что это был Олег Воробьев⁵.

⁴ ИОЭЛЬС Виктор Михайлович (р. 1929), в конце 1960-х организатор и завсегдаый неформальных встреч московской интеллигенции в кафе «Артистическое». Ныне издатель. Живет в Москве.

⁵ Это ошибка. Сам Воробьев говорит, что его никто не трогал. Вероятно, речь идет о Ю.Галаанкове.

На самом деле демонстрантов было мало, на мой взгляд, человек пятьдесят. Было много нас, наблюдателей. Должна сказать, что очень многие теперь рассказывают, что они были на демонстрации, а на самом деле они были такие же наблюдатели, как и мы. Я не могу согласиться с Буковским, который написал, что демонстрантов было человек двести. Ведь сам он не был на площади, его до этого замели, и написал это с чьих-то слов. А я запомнила именно кучку демонстрантов: тех, кто с плакатами стоял, и тех, кого потом забирали.

Плакаты подняли Вольпин, Титов, кто-то еще. Они едва успели поднять плакаты, как их уже похватали. Это мгновенно было: раз — и подняли плакаты, и тут же их потащили к машинам. И все это под вспышками фотоаппаратов. Фотографировали и западные корреспонденты, и агенты КГБ. На меня все это произвело очень сильное впечатление: вспышки эти, и то, как их тащат. Алика и Валерку [Никольского]⁶ утащили, а мы никак не могли уйти с площади, все ходили, как потерянные. Появились и Коля с компанией, праздновавшей день зачатия, уже выпивши как следует. Не удержались и тоже прибежали на площадь.

Людей на площади действительно было очень много. И тут мы поняли, что площадь полна топтунов. Стало ясно, кто свои, а кто ходит высматривает.

В общем, все это произвело на меня очень большое впечатление. А через несколько дней пришел ко мне Алик и сказал, что он нас с Наташкой не уважает за то, как мы его терзали накануне демонстрации. Для Алика при его мягкости по отношению к друзьям это очень сильное выражение своего «фе». И я ему сказала: «Алик, мы это заслужили. Мы были неправы, а ты — прав». Надо отдать ему должное, он сразу кинулся меня целовать, как только я попросила прощения, и наше примирение состоялось.

* * *

Через несколько дней Коля Вильямс услышал в пивной такой рассказ: «У Есенина есть сын. Он организовал демонстрацию. Тысяча человек шли за ним по улице Горького, и каждый нес плакат. Потом он вошел в КГБ, бросил на стол список и сказал: „Здесь имена всех участников, но братъ не смейте, за все отвечаю я“. Никого, бля, не боится. А зовут его Вольф». В таком виде слух о демонстрации просочился в массы.

⁶ Вероятно, тоже ошибка. См. рассказ А. Вольпина.

Рассказывает Ирина Якир

Я очень много времени проводила в квартире у Айхенвальдов, а там бывал и Алик Вольпин. Не помню точно, от кого именно я узнала, может быть, и от него, может быть, от самого Айхенвальда, может — еще от двадцати человек. «Гражданское обращение» я видела еще в сыром виде, когда его Алик только делал.

Айхенвальды относились к этому неодобрительно. И Петр Иванович [Якир] отнесся к демонстрации достаточно недоверчиво. Он включился в диссидентское движение гораздо позже, а тогда, помню, говорил, что ему не нравится, что они публиковались на Западе под псевдонимами. Идея требовать гласность его устраивала, но еще не было такой близости с людьми этого круга, и на демонстрацию он не ходил. Что до меня, то я не понимала, чем это может кончиться. Я об этом просто не думала. Вообще в юности редко думаешь о чем-нибудь серьезном.

Я пришла, встала в стороне. Я ведь пошла без разрешения. В доме было сказано: не ходить и об этом вообще забыть. У нас дома было авторитарное правление: отец решил не ходить, значит, никто не идет. Кроме того, я органически не переношу публичные действия. Потом я много раз ходила 5 декабря на демонстрации на Пушкинскую площадь, и всякий раз это было для меня большим мучением.

Видела каких-то отдельных знакомых, сейчас даже не помню кого. Двух-трех человек. Тошку Якобсона⁷ помню, я с ним была знакома с детства.

Успела увидеть лозунги, но прочитать их уже не успела. То, что бросались и хватали, меня не удивило. Для моего сознания это привычная картина, хотя бы в силу того, что я росла в ссылке⁸. Я видела, как бьют, хватают, и мою нежную душу это не потрясло. Хотя я этого не ждала и не знала, чем это может кончиться, а как раз думала, что хватать не будут.

После того как все же похватали, я еще походила, посмотрела. А потом пошла к Юре Айхенвальду, как сейчас помню.

Для меня это было совершенно конкретно: демонстрация именно в защиту Синявского и Даниэля. Юридическую идею Александра Сергеевича Вольпина я до сих пор с трудом перевариваю.

Очень скоро, через полгода-год, стало ясно, что основным толчком движению дал процесс Синявского и Даниэля и все, что связано с ним. Но, как мне кажется, не демонстрация, а в первую очередь письма, которые были написаны в защиту Синявского и Даниэля. Я их тогда видела

⁷ ЯКОБСОН Анатолий Александрович (1935–1978), литературовед, переводчик, педагог, публицист. Во второй половине 1960-х — начале 1970-х один из самых заметных деятелей правозащитного движения; с 1969 член Инициативной группы защиты прав человека в СССР. В 1970–1972 играл ключевую роль в издании «Хроники текущих событий». В 1973 эмигрировал. Покончил с собой в Иерусалиме.

⁸ И.Якир родилась в лагере и провела раннее детство на спецпоселении.

и читала. Лично меня демонстрация, может быть, поразила меньше, чем эти письма, потому что совершенно разные люди подписывались под ними совершенно открыто. Меня это просто потрясло.

Из воспоминаний Евгения Кушева⁹

Сквер вокруг пушкинского памятника запружен людьми. Все чего-то ждут.

Атмосфера нервная, воздух словно наэлектризован. Впрочем, быть может, нам это только кажется. Быть может, все эти люди пришли сюда, не зная ни о каком митинге, а просто так — поразмяться, проветриться. Но все же чувствуется какое-то напряжение, томительное ожидание событий. Да и непривычно много людей, слишком много.

Снуют какие-то типы в бесформенной одежде и в шапках «пирожком». Физиономии наглые, манеры хамоватые, а глазки зыркают по сторонам. Ну, ясное дело, стукачи. Глядим на Пушкина. Пушкин — на нас. Часы показывают ровно шесть. Наступает неумолимая тишина. Отчетливо слышны какие-то пьяные вопли со стороны здания «Известий», гул публики у кинотеатра «Центральный»...

В таком молчаливом оцепенении проходит несколько минут. Женщина, где-то совсем близко, отчетливо произносит: «Пора уходить, все равно ничего не будет. Холодно». Но ее друзья не уходят. Стоят, мнутя с ноги на ногу. Но вот происходит какое-то легкое движение в толпе. На часах — шесть часов десять минут.

И вдруг перед самым памятником, над головами собравшихся, взмывают вверх два белых транспаранта. В свете прожекторного луча ясно различимы надписи: «Уважайте собственную конституцию!», «Требуем гласного суда над Синявским и Даниэлем!».

Сначала — какой-то шок. Потом вся площадь устремляется к демонстрантам. Толкотня, давка. Случайные прохожие интересуются: «Что происходит? Скажите, что происходит?» Никто им не отвечает.

Стукачи, словно с цепи сорвавшись, врзаются в толпу. Их много. Работают кулаками. Все ужасно злые. Транспаранты сорваны. Что происходит там, впереди, разглядеть не удается. Людской водоворот. Опять вопросы: «Что происходит?» Ответ: «Демонстрация». Снова вопрос, полный недоумения: «Какая демонстрация?!»

Пронзительный крик. Возгласы: «Отпустите женщину! Стыдно!» Серые фигуры волокут девушку лет двадцати. Толпа нехотя расступается. Девушку впихивают в легковой автомобиль. Через заднее стекло видно, как она распахивает противоположную дверь, выскакивает и смешивается с толпой. Стукачи в явном замешательстве. Страшно суеться

⁹ Кушев Е. Десять лет тому...: Глава из книги воспоминаний «Тридцать месяцев» // Русская мысль. 1976. 29 января.

тятся, ругаются между собой. Видно, впервые пришлось иметь дело с уличным митингом. Отсутствует еще «опыт». Но вот они ухватили еще кого-то. Остервенело тащат по мостовой молодого человека в сером пальто. Он без шапки. Не сопротивляется, но громко повторяет одно и то же: «Мы требуем, чтобы вы соблюдали свои же собственные законы. Конституция гарантирует свободу демонстраций». Его вталкивают в машину, окруженную на этот раз плотным кольцом стукачей, и увозят.

«Кого это? За что?» — спрашивает пожилой мужчина с армейской выправкой¹⁰, свидетель происшедшего. «Воришку поймали, в карман залез», — благосклонно роняет некто «в штатском», рыжеватый и в золотых очках. «Нет, вы лжете, — горячится свидетель, — я своими глазами видел, что этот молодой человек читал конституцию». Но тут уже некто в штатском грозно рычит: «Проходите, гражданин, пока вас самого не забрали!» Но гражданин не унимается: «Пожалуйста, хватайте меня! Ведите меня к этому юноше! Я не знаю его, но он — мой друг!» Собираются люди. Их сочувствие тоже на стороне юноши. Назревает крупный инцидент. Некто в штатском предпочитает удалиться...

Впоследствии я познакомился с «воришкой». Им оказался Юрий Галанцов, поэт, публицист, тонкий и честный человек. Его замучили в концлагере. Познакомился я и с тем «в штатском». Он допрашивал меня спустя год с лишним, когда на этот раз уже меня приволокли с площади Пушкина на Лубянку. Это был генерал, тогда еще полковник госбезопасности Абрамов¹¹, чтоб ему провалиться! А вот имя смелого свидетеля так и осталось неизвестным.

Из воспоминаний Ирины Кристи¹²

Итак, где-то в 5.30 вечера 5 декабря 1965 года я с невинным видом стояла около памятника Пушкину. Стали появляться люди, по виду тоже «наблюдатели», всего человек шестьдесят. Помню одну даму с лыжами и в лыжном костюме (позже я узнала точно, что эти лыжи были только декорацией).

Появился Саша Асаркан, друг Вольпина и Айхенвальда, сидевший при Сталине в Ленинградской тюремной психиатрической больнице, театральный критик, еще один «гений», человек над схваткой —

¹⁰ Возможно, это был С.В., отец С.Б.

¹¹ АБРАМОВ Иван Павлович (р. 1927), с 1943 в органах госбезопасности. В 1961 окончил ВЮЗИ. В 1963–1967 зам. начальника 2-го отдела УКГБ по г.Москве и Московской области, затем в 5-м управлении КГБ. С 1973 зам.начальника, с 1983 начальник 5-го управления КГБ, генерал-лейтенант (1984). С мая 1989 зам. Генерального прокурора СССР.

¹² Из воспоминаний Ирины Кристи о демонстрации 1965 года. Бостон. 1996. Архив НИПЦ «Мемориал».

наш общий учитель жизни. Асаркан — яркий, блестящий, ироничный — уж конечно, пришел как наблюдатель, и был уверен, что никакой демонстрации не будет, что никому не дадут ни рта раскрыть, ни лозунги развернуть. Но все-таки он пришел.

Он привел с собой какого-то парня, который держал в руках не то коробку с тортом, не то коробочку конфет и, по-моему, никакого отношения к демонстрации не имел, даже на уровне любопытства. Саша спокойно представил нас друг другу, вел себя так, как будто мы на самом деле на прогулке. Мне он сказал: «Ира, не уподобляйтесь суетливым дамам-активисткам». Его тон действовал успокаивающе.

Через некоторое время появились Алик Вольпин, Юра Титов (остальных не помню). Я несколько изменила своей позиции наблюдателя и поздоровалась с Аликом, который публично поцеловал мне руку посреди кольца стукачей. Позже он называл это «поцелуем Иуды», но я не в претензии, ибо не уверена, что в этот момент хотела остаться просто наблюдателем. Я спросила Алика, будут ли лозунги; он сказал, что будут.

Развернули плакаты. Лозунг, который держал Алик, я не успела увидеть, но разглядела другой: «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем». Кажется, один конец этого лозунга держал Титов, и возникло секундное замешательство: кто будет держать второй конец? Потом кто-то (не помню кто) его подхватил. Парень, который пришел с Асарканом, по-моему, тоже схватил один лозунг; слава Богу, он успел потом вовремя смыться, его не задержали. Лозунг, который я разглядела, продержался около минуты.

Вдруг раздался резкий звук разрываемой бумаги, кто-то в штатском подлетел сзади, выхватил плакат и, по-моему, разорвал его пополам. Тут же Титова и еще кого-то схватили под руки и грубо (как мне показалось, выламывая руки) потащили к машине. Засверкала вспышка фотоаппарата. Но кто снимал — ГБ или иностранные корреспонденты, — я понять не успела.

Как взяли Алика, я не видела. Как Галансков влезал на парапет, тоже не помню. Все это производило какое-то чарующее впечатление. Да, у меня было четкое ощущение, что я присутствую при некотором историческом событии. Я видела мельком Наташу Садомскую. Видела Вику, жену Алика. Она спрашивала, где Алик, металась по площади.

Саша Асаркан, не оставляя своего иронического тона, заметил: «Честно говоря, я думал, что это будет гораздо менее эффектно», — и спросил меня шепотом: «Вы едете к Юрке (Айхенвальду)?» Я ответила: «Да». Мы с Асарканом пошли в кофейню на Пушкинской площади и выпили кофе, после чего он поехал домой и доложил Айхенвальду по телефону, что я жива-здоровая и собираюсь к ним. А я из любопытства вернулась на площадь, нарушив тем самым единственное указание в Гражданском обращении, где рекомендовалось разойтись сразу после митинга.

Площадь все еще кипела, кто-то подошел и сфотографировал меня в упор (это были явно не иностранные корреспонденты!). А затем я встретила человека, которого никак не ожидала там встретить: это был Всеволод Андреевич Дарвойт¹³, инженер-электрик и большой театрал. Мы до этого встречались всего один раз случайно в Средней Азии, но он обладал столь породистой внешностью, что я узнала его мгновенно. С ним была молодая девушка — Галя Носова¹⁴ (впоследствии жена Венедикта Ерофеева). В.А. предложил пойти к нему попить кофейку. Я отказалась, ибо спешила к Айхенвальдам.

Затем я увидела С.Я., моего старого товарища по мехмату. Я знала его как молчаливого и надежного парня, много ходившего в трудные походы в горы и в Приполярье. Там он был великолепен. Я рассказывала ему о предстоящей демонстрации, но отнюдь не приглашала туда. И, к сожалению, не позаботилась о его просвещении на случай задержания, ибо находилась под гипнозом его бесспорной человеческой надежности в походах.

Вместе с С.Я. мы окончательно покинули площадь, перешли улицу Горького и направились в сторону центра. Вдруг примерно напротив кинотеатра «Центральный»¹⁵ (кажется, там был магазин «Одежда») нас крепко схватили за руки два парня и сказали: «Садитесь в машину». Все это произошло настолько быстро, что мы не успели даже крикнуть. С.Я. пытался сопротивляться. Он сказал: «Что вы хватаете, вы что, пьяные?» Я, кажется, не сказала ничего, но считала, что всему конец, что это арест.

Нас привезли в 50-е отделение милиции, буквально в двух шагах от места нашего задержания. Там оказалось еще человек двадцать задержанных, среди них — Галя Носова; больше я никого не знала. У нас потребовали паспорта. С.Я. предъявил паспорт и сказал: «Ира, я потерял работу». Его работа считалась идеологической: он работал в Доме пионеров, в клубе юных космонавтов, имел дело с молодежью.

Через некоторое время меня пригласили — по-моему, первой из всей компании. В комнате, в которую я вошла, было несколько мужчин и одна женщина. Один мужчина начальственного вида сидел за столом. Он спросил меня, какими судьбами я оказалась на Пушкинской площади. Я ответила, что просто гуляла в выходной день.

¹³ ДАРВОЙТ (ДАРВОЙД?) Всеволод Андреевич (1916–1984), в годы студенчества арестован, узник сталинских лагерей (1936–1939), освобожден за прекращением дела. Участник и инвалид Великой Отечественной войны. Жил в Москве.

¹⁴ НОСОВА Галина Павловна (1941–1993), экономист. В 1965 студентка МЭСИ, затем сотрудница ЦСУ, кандидат экономических наук. С 1976 жена писателя Венедикта Ерофеева. Покончила с собой.

¹⁵ Ошибка памяти: направляясь от Пушкинской площади к центру по ул. Горького, нельзя было пройти «напротив кинотеатра "Центральный"», он находился на месте современного здания газеты «Известия».

— Знаете ли вы Вольпина?

Я ответила, что он учил меня математической логике. Дальше он назвал серию фамилий, которых я тогда не знала: Строева, Батшев и т.д. Об организации демонстрации я, естественно, тоже «ничего не знала».

Женщина, представившаяся преподавательницей университета (думаю, что это была упоминавшаяся многими Елена Борисовна), стала говорить, что она не понимает, чего мы добиваемся: «Что за глупый лозунг — «гласность суда»? Зачем требовать то, что и так будет выполнено?»

«Это провокация! — сказал мужчина за столом. — Что это за демонстрация, где главные организаторы — все шизофреники! А собрались случайные люди: пьяницы, хулиганы и даже проститутки!» Мои собеседники не скрывали, что сомневаются в моей искренности. «Мы вас заметили на площади. Вы были очень взволнованы, и вы явно ждали Вольпина. Хорошо, допустим: вы ничего не знали о демонстрации; но о чем вы говорили с Вольпиным на площади?» Тут я не знала, что сказать, и отказалась отвечать.

Уговаривали долго. Все удалились, пришел какой-то другой чекист, рыжий и непрезентабельный, который меня чуть не час уговаривал: «Что вы упираетесь? Добро бы вы были физически неполноценная, а не такая дивчина!» Были полуугрозы: «Мы бы хотели, чтобы этот разговор кончился здесь, а не в другом месте. Вы нас понимаете?» Между делом сообщили, что они и так «всё знают», что чуть ли не Вольпин им все и рассказал.

— А зачем вы тогда спрашиваете?

— А чтобы проверить вашу искренность.

Сказали, что Вольпин, видимо, уже дома. Это сообщение, признаться, меня обнадежило.

Потом появился прежний начальник. «Ну, не хотите отвечать — не надо, — сказал он. — У вас интересная работа? Если неинтересная — мы вам можем помочь».

— Спасибо, интересная, — сказала я. На этом меня отпустили.

Я позвонила Айхенвальдам, которые заявили, что на меня обижены, так как после демонстрации я не пришла к ним, как обещала. После звонка Асаркана они были уверены, что со мной все в порядке. Им в голову не пришло, что я могла быть схвачена прямо на улице.

Я поехала к ним, по дороге забежав к подруге, чтобы забрать свой самиздат, который отнесла к ней перед демонстрацией. Я ведь готова была ко всему — даже к обыску и аресту. Юра Айхенвальд долго и очень подробно выспрашивал меня, заставляя буквально воспроизводить каждую фразу. В целом мое поведение было одобрено; но еще долго после этого Юра дразнил меня: «Софочка Перовская».

Рассказывает Александр Гинзбург

- Вы были на демонстрации 5 декабря 1965 года?
- Да.
- И вы были с демонстрантами?
- Да. Только меня не хватало, потому что я не орал ничего.
- Вы о ней узнали задолго до события?
- Как это задолго? Я был в общем-то одним из первых, кто узнал.
- И как вы к этой идее отнеслись?
- С удовольствием. Я вообще любил все, что придумывал Александр Сергеевич.
- Вы, конечно, не отговаривали его устраивать митинг?
- Абсолютно не отговаривал. Это была хорошая идея.
- А вы не считали, что там всех похваляют, попрячут, посажают?
- Посажает — нет, но похвалят — да. Что и произошло на самом деле.
- Интересно, сколько, по-вашему, там было демонстрантов, а не наблюдателей?
- Демонстрантов было человек пятьдесят. Ну, может быть, чуть больше. Всех остальных было примерно столько же. Людей, так сказать, противоположного лагеря.
- Вы заметили людей, которые пришли посмотреть на это и стояли в сторонке?
- Дело в том, что я тоже не стоял с лозунгом.
- Но вы стояли в той кучке, которая демонстрировала?
- Да.
- Вас не забрали?
- Нет.
- Какие лозунги вы помните?
- Я помню, как Галансков залез на эту самую хреновину, на парапетик, и закричал: «Граждане свободной России!..» Тут его понесли за ноги.
- Он был тоже без лозунга?
- Он был без лозунга. Я сейчас не помню, у кого там были лозунги.

Из воспоминаний Анатолия Левитина (Краснова)¹⁶

И вот 5 декабря 1965 года. Официальный праздник. День сталинской Конституции.

И в этот же день еще один праздник. Мой шеф Анатолий Васильевич (бывший редактор «Журнала Московской патриархии») в этот день празднует именины. Захожу в магазин. Покупаю торт. С тортом

¹⁶ Левитин (Краснов) А.Э. Родной простор: Демократическое движение. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. С.78–80.

подхожу к памятнику Пушкина на Страстной (ныне Пушкинской) площади. Сквер около памятника полон работниками КГБ: тут и знатные эмгэбисты, подъехавшие на автомобиле, тут и чином поменьше — курносые, с бегающими глазами. И бесконечное количество шпиков. Меня оглядывают с подозрением. Но никто меня не задерживает. Как говорила мне потом Юля Вишневская: «Уж очень у вас мирный вид. Впечатление: еврейский отец семейства пошел за кефиром и ввязался из любопытства в уличный скандал».

Подхожу к памятнику. Сажусь на скамейку. наших нет. Рядом со мной молодой мужчина (лет тридцати) с ребенком. Немного подальше мрачный мужчина с бородой. Как я узнал потом — Гершуни, племянник великого террориста, эсера, многолетний узник советских лагерей, товарищ по узам Солженицына.

Но вот часы показывают *шесть*. Откуда-то внезапно появляются ребята. Все знакомые мне лица: Галансков, Кушев, которому я вручил накануне приглашение явиться на Пушкинскую площадь, и другие. И девушки: Вера Лашкова¹⁷, Люда Кац¹⁸, Юля Вишневская¹⁹. Быстрым шагом идут к памятнику, поднимают плакат — вспышки магния, щелкают фотоаппараты иностранных журналистов. На ребят набрасываются дружинники. Свалка. Я ухожу с площади. Ко мне подходит журналист из «Daily Telegraph» Миллер: «Что здесь происходит?»

Я (сердито): «Сами догадайтесь! Какой же вы журналист, если не понимаете?» На глазах у шпиков мне не хочется продолжать с ним беседу. Считаю, что все кончено. Иду на именины. В 10 часов вечера приходит парень, который был на площади. Оказывается, это было только начало. За первой волной ребят последовала вторая, потом третья — до 10 часов продолжался митинг. Это был, собственно, не митинг, а демонстрация. В ней приняли участие больше сотни человек. Дружинники неистовствовали — заталкивали ребят в автомобили, одну девушку схватили за волосы; иностранные журналисты защелкали аппаратами — кадр попал во все иностранные газеты и журналы²⁰. Уже в 11 часов вечера Би-Би-Си сообщило о митинге протеста на Пушкинской площади. На другой день о том же сообщили телеграфные агентства всего мира. И газеты Запада были полны подобными сообщениями.

¹⁷ ЛАШКОВА Вера Иосифовна, машинистка, распространительница самиздата. В 1967–1968 политзаключенная («процесс четырех»). Печатала «Хронику текущих событий», участвовала в работе Русского общественного фонда помощи заключенным. Живет в Москве, пенсионерка.

¹⁸ КАЦ (в замужестве КУШЕВА, ныне Зорина) Людмила Абрамовна, библиотечкарь. Участница правозащитного движения. В 1974 эмигрировала. Живет в США.

¹⁹ Ошибка памяти мемуариста — см. воспоминания Ю. Вишневской.

²⁰ К сожалению, эту и другие фотографии митинга пока обнаружить не удалось.

Из статьи Геннадия Шиманова²¹

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..

Блеснет твой луч и оживит,
И сон разгонит и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,

Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, —
Кто их излечит, кто прикроет?...
Ты, риза чистая Христа...²²

Ф.И. Тютчев

<...> Публика собралась молодая, в основном студенты, художники, поэты. В то время сильно опасались, что власти в обход советской конституции и существующих законов устроят тайное судилище над Сиянским и Даниэлем, и целью митинга было потребовать соблюдения законов и гласности суда над писателями.

К назначенному времени начал собираться народ. Сидели скромно на лавочках, будто просто отдыхающие, стояли кучками возле памятника, ходили по окраинам площади, посматривая издали, — что-то будет?.. Народу становилось все больше и больше, а митинг не начинался. Некоторые уже решили, что он не состоится совсем, и хотели уходить. Как вдруг что-то случилось: все побежали, потянулись к центру, где над давкой людей взметнулся и тут же был погашен, прижат к земле, разорван и спрятан бумажный плакат, призывавший к соблюдению советской конституции. Дюжие молодцы в штатском — агенты КГБ — вырывали по одному человеку из горстки ухватившихся друг за друга участников «митинга», вели к легковым машинам, стоявшим тут же, затаскивали в них, и машины с легким шумом уносились от глаз удивленных и ничего не понимающих обывателей.

²¹ Шиманов Г. Площадь Пушкина. М., 1970. Публ. по самиздатскому экземпляру (ГАРФ. П-72617. Т.5. Л.313).

²² В самиздатском экземпляре стихотворение Тютчева цитируется неточно.

Из воспоминаний Юрия Глазова²³

И наступил приснопамятный День сталинской Конституции — 5 декабря 1965 года! Мог ли покойный вождь полагать, что тот основной закон, который он даст стране и миру как новую потемкинскую деревню, — мог ли он, бедный, предполагать хотя бы в уголке своего досужего на такие догадки ума, что каким-то людям, прошедшим великолепную школу в советских психиатрических больницах, придет в голову отстаивать букву Конституции, великодушно предоставляющую советским гражданам право на демонстрации, свободу слова, совести, организаций? Мог ли он предполагать, что каким-то людям, знающим наизуток ту Конституцию, которую он дал народу для «чистой мебели», придет в голову писать трактаты в защиту самой демократической Конституции и даже демонстрировать? Ведь скольким людям, ссылавшимся на статьи 124 и 125 Закона, уверенные в своей правоте и безнаказанности лейтенанты-вохровцы говорили, мусоля в уголке рта «Казбечину» или «Беломор», что Конституция написана для дураков и для заграницы! И ведь скажут же в отделении милиции вечером того дня сыну сердечного русского поэта-анархиста Александру Есенину-Вольпину, ссылавшемуся на свое право демонстрировать, дарованное ему 125 статьей Конституции, — скажут же ему ответственные люди с укоризной и искренней надсадой: «Ведь мы с вами говорим серьезно!», ибо ссылки на Конституцию даже сами власти рассматривали до недавней поры как несерьезные.

Каждый, в ком сохранилась живая совесть, каждый, кто благодаря своим живым связям с людьми знал, что на месте снесенного Страстного монастыря у прекрасного опекушинского памятника должно состояться «действие», пришел к шести часам повидаться с Александром Сергеевичем Пушкиным. Все пространство вокруг памятника было заполнено людьми. Без пяти минут шесть еще можно было свободно прохаживаться перед поэтом, к чьим ногам опять пришли вольнолюбивые сыны России. <...>

Вокруг Пушкина стояло много людей, и неясно было, пришли ли они сюда просто постоять на скверике и поболтать со знакомыми или пришли сюда увидеть то, чего не было на Руси десятилетиями: в шесть часов должна была состояться демонстрация в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля. Но кто мог знать, что там, подальше от памятника, на ступеньках, идущих к фонтану, к обеим Дмитровкам и новоотстроенному кинотеатру, застыли в ожидании десятки людей и издали наблюдали за тем, что могло произойти? Их не было на этом пятачке вокруг Пушкина, но потом многие десятки людей будут говорить:

²³ Глазов Ю. Тесные враги. Возрождение русской интеллигенции. Лондон: ОРИ, 1973. С. 153–156.

«Мы были, мы видели!» Перед зданием бывшей аджубеевской газеты стояла темная толпа и кошачьими взглядами устремлена была в ту сторону, где стоял под накрапывающим дождем поэт с непокрытой курчавой головой.

За две минуты до шести все вдруг засуетилось. Словно из-под земли выросли иностранные корреспонденты с фотокамерами. И началось представление, которое должны помнить наши внуки. Они должны будут увековечить память тех трех подвижников, в руках которых появились продолговатые и свернутые предметы. Воздух был так наэлектризован, что счетчик начал бы отмеривать бегущий сильный ток.

Дрожащими, неуверенными, костылеобразными движениями художник Юрий Титов развернул и поднял над головой совсем небольшой транспарант с надписью: «Гласный суд над писателем Синявским!» Второй транспарант не успели толком развернуть из-за какой-то странной возни, поднявшейся вокруг центральной группы. Но вот над головами этой группы уже более уверенным взмахом рук был поднят опять же очень небольшой транспарант с надписью: «Уважайте советскую Конституцию!» То был банальнейший лозунг, который могли читать тысячу раз, но на этот раз в нем было что-то совсем другое, и переодетые чекисты вместе с дружинниками бросились как тигры на Есенина-Вольпина, решившегося на такой отчаянный каламбур. Все событие продолжалось не больше двух-трех минут. Бумажные транспаранты были немедленно смяты руками чекистов и дружинников. Ключья уже летели в стороны, и нескольким лицам, стоявшим в самом центре, уже крутили назад руки, отталкивая тех, кто пытался отбить демонстрантов. У обочины тротуара появились легковые машины, к которым вели задержанных со скрученными назад руками. Кое-кто загораживал дорогу, кое-кто пугливо отступал в сторону, освобождая дорогу. Несколько человек посадили в машины и увезли в ближайшее отделение милиции.

Через две минуты весь пятачок вокруг памятника был забит людьми до отказа. Протиснуться сквозь толпу было трудно, и тем не менее в толпе шныряли какие-то ловкие люди, присматривались к лицам стоящих, делали кому-то знаки и начинали крутить руки новым жертвам, ведя их к вновь прибывшим легковым машинам. Страх вошел в души. Каждый из стоявших чувствовал, что могут схватить его и поволочь неизвестно куда — в Сибирь ли или на смерть. Что же подкашивал в ту минуту страх? Хотелось как можно быстрее убежать оттуда, чтобы сохранить себя.

А на парапете высотой в человеческий рост, идущем по левую руку от Пушкина, стояло несколько десятков людей. То были обычные молодые люди и миловидные девушки. Эти несколько десятков

людей с серьезными лицами молча и напряженно смотрели, что происходило у подножия памятника. Из толпы продолжали вырывать отдельных людей. Невозможно было отличить людей благонамеренных от людей агрессивных, а последние стояли вокруг толпы, рыская взглядами и выискивая кое-кого, продираясь сквозь толпу, прислушиваясь к рассказам. Один тридцатилетний мужчина начал рассказывать, что произошло в шесть часов: его тут же поволокли к машине. Напряжение не спадало, и так продолжалось минут сорок-пятьдесят. Постепенно возбуждение стихало, и росло убеждение, что больше не будет ни интересного, ни страшного. С неохотой стали расходиться. С парапета спускались люди, стоявшие несколько десятков минут как статуи, как посланцы Немезиды.

Из статьи Владимира Гершуни²⁴

Расправа над писателями, которые *контрабандой* осуществляли свое конституционное право на *свободу* слова и печати, вызвала в первых нескольких сотнях граждан решимость осуществить *открыто* свое конституционное право на демонстрацию. Разумеется, идея родилась не в сотнях голов, кто-то должен был сообразить это раньше других. Мне известно, что активнейшую подготовку демонстрации проводили Юрий Галансков и Аида Хмелева²⁵, распространяя в МГУ воззвания. <...>

5 декабря 1965 года было реакцией на первую явную реваншистскую вылазку сторонников ресталинизации. От петиций теперь переходили к требованиям: «Мы требуем *открытого* суда над Синявским и Даниэлем!» — гласил один из поднятых лозунгов. Оговорю, что этот лозунг оказался тем «первым блином комом». Не предусмотрели, что лозунг может быть развернут всего на несколько секунд — больше никто не обещал! Через два или три дня я услышал от знакомой из далекого города:

— Что это было за выступление на Пушкинской площади? Опять расправы сопровождаются одобрениями «общественности»? Говорят, несли плакат с требованием суда над Синявским.

Да, забыли инициативники, что внимательно прочесть плакат никто не успеет. Вероятно, разумнее было бы требовать не открытого суда, а свободы арестованным писателям.

²⁴ Гершуни В. Пушкинская вахта свободы. (Публ. по: Абовин-Егидес П. Наш звездный час. М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2000. С.373–378. Впервые: Поиски [самиздат]. 1979. № 5; Поиски. Париж, 1983. № 5/6. С.350–352.

²⁵ ХМЕЛЕВА (БОЛТРУКЕВИЧ, урожденная Топешкина) Аида Моисеевна, поэтесса, художница, участница поэтических чтений на площади Маяковского (1958–1961), автор самиздата, коллекционер авангардной живописи, устроительница неофициальных выставок. Живет в Париже.

В эфире сообщали вечером того же дня, что в демонстрации участвовало около двухсот человек. Не знаю, откуда это и кто мог сосчитать участников, если с самого начала они были смешаны с гуляющими и назначившими встречи у памятника, со стукачами, с теми, кто подошел поинтересоваться, почему здесь народ. Мне временами казалось, что у памятника человек пятьсот, а временами — тысяча. Когда начали хватать, людская масса сделалась подвижной, подавалась то в сторону Елисеевского магазина, то внутрь сквера, то в сторону площади. Стояло много легковых машин. Брали немногих. Первым схватили Вольпина и другого с лозунгом. (Второй лозунг — «Уважайте Конституцию — наш основной закон!».) На моих глазах взяли только двоих. Пожилой интеллигент, потрясая брошюрой «Конституция РСФСР», называя номер статьи о свободах, требовал, чтобы «штатские» прекратили провокации в толпе (провокации были самые опереточные — давали советы, хохмили, чтобы только не забывали об их присутствии, считались с ними). Когда подошел молодой милиционер, привлеченный его активностью, он рассвирепел: «В день Конституции нарушаете Конституцию! Вмешиваетесь в дела демонстрации!» Оказалось, что милиционер подошел ради любопытства, а теперь пытался объяснить, что никого не собирался трогать, но его джентльмен уже не слушал, а обращался ко всем с негодующими речами — в них не было ни малейшего повода для придинок, если не считать поводом темперамент. Подогнали незаметно машину, потихоньку, продолжая увещевать, отесняли оратора к этой машине, затем ловко запихнули в нее и отъехали. В другом случае при мне брали высокого парня, с которым я успел поговорить еще до начала демонстрации. Он пытался отстоять кого-то, водворяемого в машину; его толкнул стукач, а он стукача, тогда и его в эту машину заталкивать стали. Парень упирался, его рост помогал упираться, и в машину запихнуть его было трудно. Я взялся за его локоть двумя руками и тащил от машины, надеясь, что помогут другие, но другие смотрели на происходящее с двухметрового расстояния. «Чего смотрите? Чего стоите?» — кричу, а они остаются на той же черте, только неуверенно шелохнулись. Оказалось, что «штатские» делали цепочки, взявшись за руки, и так ограничивали движение публики. (Евтушенко в нашумевшей когда-то «Автобиографии» рассказал, что он призывал делать такие цепочки на сталинских похоронах, и этим будто было спасено немало людей.)

Дивный эпизод: юноша, стоявший на самом углу гранитной облицовки сквера, ближе к Пушкину, вскоре после лозунгов произнес: «Граждане свободной России!» Не знаю, думал ли он продолжать или ожидал немедленного налета, и больше, чем первые слова, сказать не надеялся, но только наступила пауза, а его не брали — до него было высоко, да и не всегда они управлялись тотчас же, по причине густоты

народа. Наконец двое ревнителей совершили прыжки вверх, и юноша как статуя рухнул в толпу, был подхвачен несколькими парами охранительных дюжих рук и доставлен прямо в машину, что стояла около «Известий». Подбежавший шофер расшумелся яростнее того пожилого джентльмена, приняв засевшую в его машину компанию за пьяных хулиганов. Их объяснений слушать не хотел. Подошел высоченный полковник милиции, и водитель бросился к нему с жалобами, но тот голосом статуи Командора приказал: «Садитесь за руль!»

Через несколько дней мне рассказали, что юноша в отделении комически удивился своему задержанию, сказал, что ему не дали договорить — он хотел сказать, чтобы граждане свободной России шли по домам. Это, по моим сведениям, был Галанков.

Часу в десятом оставалось у памятника всего несколько человек. Я уж, наверно, надоел «штатским», но почему-то не трогали. Подошли двое непосвященных: «Вы не знаете, что тут происходит?» Отвечаю чисто автоматически, ничего не подозревая: «Я не знаю, но крепко догадываюсь». Расхохотались и пошли в глубь сквера, а должны бы были подойти к другому, чтобы задать тот же вопрос. «Слушайте сегодня радио», — кричу им вдогонку, а они оборачиваются и снова смеются. Потом узнал, что именно так и брали — кто начинал им объяснять, того и хватали. А у меня сработала интуиция. Между прочим, был у них просчет: когда подошли ко мне, народу уже не было, и надо было им просить иначе: не «что происходит», а «что произошло».

Рассказывает Людмила Поликовская

О том, что 5 декабря на Пушкинской площади состоится демонстрация в защиту Синявского и Даниэля, у нас на факультете знали многие. Откуда? Кажется, были какие-то листовки, но я их не помню. И, кажется, одну такую листовку я нашла в своем почтовом ящике (мы жили тогда прямо напротив Пушкинской площади), ни содержания, ни ее внешнего вида не помню совершенно, лишь смутно помню сам факт.

Никаких колебаний — идти или не идти — у меня не было. Я однозначно знала, что пойду. И не потому, что была такая уж безумно смелая или уж очень переживала за Андрея Донатовича [Синявского] или Юлия Марковича [Даниэля]. Я не только не была знакома с ними лично, но не читала ни одной строчки ни Абрама Терца, ни Николая Аржака и даже, к стыду своему, Синявского (хотя студентке четвертого курса филфака надо было бы знать его литературоведческие работы).

Но к этому времени я уже хорошо понимала: большевики — зло, страной правит банда, и если эта банда кого-то преследует, то мои сим-

патии, конечно же, на стороне гонимых. Что конкретно написали Терц и Аржак, чем так обозлили власти, — это меня, конечно, тоже интересовало, но вне связи с вопросом об их виновности или невинности; также меня совершенно не интересовало, есть ли в нашем Кодексе статья, запрещающая писателю печататься на Западе. В отличие от организаторов этой демонстрации, я совершенно не уповала на советские законы.

Страха никакого не было, может быть, по легкомыслию. Я просто не думала о последствиях. И, честно говоря, авантюрный интерес был сильнее гражданского долга.

Мы собрались у меня дома: я, Дима Зубарев и девушка из моей группы, Нелли Сащенко²⁶. Мама знала, куда мы намереваемся идти, и боялась за меня, но — надо отдать ей должное — не отговаривала (наверное, потому, что понимала: бесполезно).

Ровно в шесть мы вышли из моей квартиры и через три минуты были на площади. Народу было много. Я увидела множество знакомых лиц и по факультету, и по кафе «Артистическое», и по «Маяку», среди них и тех, кого вовсе не ожидала здесь увидеть, — казалось, они зареклись когда-нибудь еще выходить на площадь. Но, конечно, было много и совершенно незнакомых. Милиции, кажется, не было. Переодетые кагэбэшники, конечно, были, и мы понимали, что они есть, но опять-таки не думали об этом.

Встречи с друзьями, со многими из которых я не виделась несколько лет, желание посмотреть, нет ли в толпе еще кого-нибудь из старых знакомых, радость узнавания — все это как-то отвлекло меня от цели демонстрации. О том, что происходит важное историческое событие, которым через тридцать лет будут интересоваться историки, я совершенно не думала. И не знала, что «курьеры» беспрестанно бегают с площади в ВТО, где сидит американский корреспондент Стивенсон, и что сегодня же вечером (или завтра — уж не помню) об этой демонстрации будут трубить все радиостанции мира.

Может быть, поэтому я плохо помню, что же, собственно, происходило на площади. Единственное, что врзалось в память и сейчас звучит у меня в ушах, — это дикий Наташкин²⁷ крик: «Апоша!», когда ее мужа Аполлона Шухта какие-то люди в штатском зачихнули в машину и куда-то повезли.

²⁶ САЩЕНКО Нелли (Нсопила) Александровна, в 1962–1967 студентка филфака МГУ. В 1959–1960 работала инструктором в Хабаровском крайкоме ВЛКСМ.

²⁷ ШУХТ (урожденная Смирнова) Наталья Анатольевна, физик, в 1965 студентка 3-го курса физического факультета МГПИ им.Ленина. Живет в Москве, пенсионерка.

Рассказывает Дмитрий Зубарев

...И вот настало 5 декабря. Людмила Владимировна [Поликовская] тогда жила прямо около Пушкинской площади, в одной минуте ходьбы от нее, в доме на улице Горького. Из ее квартиры мы вышли, с нами была еще одна наша сокурсница, пришли к указанному часу на площадь. Конечно, ощущение было крайне нервное: маленькие кучки незнакомых людей, кроме того, большая толпа, которая стояла еще на тротуарах, в то время там был кинотеатр «Центральный», он сейчас снесен, там редакция «Известий». А с другой стороны, где сейчас «Московские новости», тоже довольно много народу стояло и просто смотрело на то, что делается около памятника Пушкину. А около самого памятника выделялись следующие категории: активные участники, которые ходили с явно гордо поднятой головой и что-то громко говорили, и агенты наружного наблюдения — их было очень много, и они почти откровенно фотографировали всех присутствующих.

А еще и «с другой стороны» были студенты — комсомольские активисты, которые явились на площадь по заданию партбюро. Я помню двоих таких с нашего факультета: Здоровцова и Смирнова²⁸ (оба с четвертого курса). Они фиксировали студентов филфака, которые явились на демонстрацию. Причем к некоторым они подходили и требовали, чтобы те удалились. Например, к Дранову, о котором я уже упоминал, они подошли и довольно бесцеремонно предложили идти домой, хотя он был аспирант, а они студенты. Он, естественно, отреагировал резко: «А кто вы, собственно, такие, чтобы командовать?!» — за что потом и поплатился. Конечно, они не могли знать всех — на филфаке тысяча студентов училась тогда на дневном отделении: на каждом курсе по двести человек. Поэтому остались люди, которых они не «зарегистрировали». Но у тех, кого они опознали — у Дранова, Молчанова, Воробьева, Ефимова, Поликовской и у меня, — у всех были в той или иной степени неприятности.

Была и явная милиция. Когда попытались поднять плакаты, людей начали хватать и — в «воронок». Женские крики, сопротивление; обстановка идейного и физического противостояния продолжалась около часа. Я вел себя достаточно спокойно, мы там были в сопровождении девушек, в основном стояли на одном месте и озирались во все стороны. Даже когда были попытки кого-то задержать, мы не бросались поглядеть. А вот Дранов вел себя крайне активно: где какой шум или заваруха, тут же бросался, расталкивая всех руками, и лицезрел, что же там делается. Несколько раз были попытки поднять плакаты с надписями, которые предлагались в листовке. Потом постепенно стали рассасы-

²⁸ СМИРНОВ Александр Васильевич (р.1940), в 1962–1967 студент филфака МГУ, член КПСС. В дальнейшем преподаватель русского языка иностранцам.

ваться. Всего мы там были около часа. В общем, демонстрация состоялась: те, кто хотел высказать свои взгляды, пришли и сделали это!

Рассказывает Аполлон Шухт

Возвращаемся мы с Наташей, Саркисяном²⁹, Эмилем³⁰ и Мирель³¹ откуда-то из загорода и узнаем, что на Пушкинской сейчас демонстрация или митинг в защиту Синявского и Даниэля. Мы подошли к площади. Эмиль с Мирель стояли с противоположной стороны у аптеки и оттуда смотрели на происходящее, про Саркисяна не помню, а мы с Наташей пошли. Арест писателей меня глубоко, просто по-человечески возмутил — политикой я не занимался с 1961 года.

...Меня удивило, что на площади очень много самого разного народа: студенты (помню группы студентов мхатовского училища) и пенсионеры, мои друзья по «Маяковке» и совсем незнакомые люди. Я думал, что общество находится в состоянии политической апатии — оказалось, нет: какие-то круги задействованы, что-то бродит.

«Гласность» — это красивое слово было тогда впервые употреблено публично. «Требуем гласности суда!» — это прозвучало. И стало с тех пор политическим инструментом.

...Меня задержали какие-то люди в штатском, никаких документов они не предъявили, засунули в такси и отвезли в отделение милиции на Советской площади. Они заплатили за такси и потом несли меня на руках — я не шел. Продержали недолго, несколько часов... — тоже, что называется, ни к чему.

Как только я появился дома, ко мне пришел Галансков (он был на площади, но его не задержали³²) и стал подробно расспрашивать: как велся допрос, что хотели узнать и т.д. Мы с ним начали обсуждать ситуацию.

...К тому времени стали использоваться и официальные ходы — люди, пользующиеся уважением общества и занимающие определенное положение, стали писать групповые письма с протестами против каких-то правительственных акций.

Я ни в чем не участвовал. Только в 1972 году, когда умер Галансков, подписал некролог, содержащий довольно резкие слова против властей. Но я это сделал просто потому, что хорошо знал Юру и его смерть — на мой взгляд, это было убийство — глубоко задела меня лично.

²⁹ САРКИСЯН Игорь, журналист, в 1960-е работал на иповещании Всесоюзного радио.

³⁰ КОГАН Эмиль Исаакович (р. 1941), журналист, литературовед. В 1968 эмигрировал. Живет в Париже. Автор книги о А.И.Солженицыне.

³¹ КОГАН Мирель, жена Э.Когана, француженка.

³² Ошибка. Галансков был задержан.

Рассказывает Эдуард Молчанов

Не было ощущения сверхъестественности происходящего, скорее любопытство и настороженность в ожидании неясного конца. Мы пришли на площадь за несколько минут до объявленного начала, до тех пор выжидали время у меня дома (я снимал тогда комнату на улице Огарева, около Центрального телеграфа) — нас было несколько человек. Сейчас не могу с точностью вспомнить фамилии собравшихся у меня, так как потом мы смешались со многими с филфака на самой площади и в памяти я уже не в состоянии дифференцировать их. Знакомых было много, гораздо больше, чем их называли Воробьев, Зубарев, Поликовская. Просто им запомнились фамилии тех, кого впоследствии так или иначе травили. На площади было достаточно много людей, хотя, по правде, я ожидал больше. Кучковалось около двухсот человек, и не было ясно, кого больше: тех, кто следит за теми, кто пришел сюда сам, или пришедших независимо. К тому же они разбавились людьми, вышедшими из кинотеатра по окончании сеанса. Кинозрители, в отличие от нас, кучкующихся, метались между группами с вопросами: что здесь происходит, чего собрались?

Помню немногих: Дима Зубарев, Лев Шопин³³, Борис Савчук, Геннадий Ефимов, Олег Воробьев, Саша Дранов... Я называю тех, кто пришел туда по зову, а не по заданию. Увы, многих я не могу вспомнить, как не могу вспомнить ни одной женской фамилии, хотя там были и девушки, кроме Г. с факультета журналистики, которую знал еще до учебы в университете. Память помнит только их бесфамильные лица — слишком много в моей последующей жизни было событий и людей, а я никогда не отличался вместительностью памяти на имена.

Мы просто стояли в ожидании, или приветствовали подходивших знакомых, или сами перекочевывали из одной группы в другую, повстречав там знакомых. Потом ко мне стали подходить уж совсем незнакомые люди с вопросами и, получив разъяснение, уходили со словами: «Ну и ну!» Смирнов, комсомольский секретарь, подошел и уговаривал уйти. Те же функции выполнял Здоровцов, из комсомольского бюро, правда, стыдливо, может быть потому, что он догадывался, что мне известна его роль стукача на факультете.

Вскоре подошла пожилая дама и стала с жаром объяснять «провокационную» суть происходящего, участливо предлагала разойтись, печалась о возможных последствиях. Я спросил, кто она, так заботящаяся о нас. Она отрекомендовалась преподавательницей итальян-

³³ ШОПИН Лев Алексеевич (р.1939), в 1965 студент 4-го курса филфака МГУ. После событий в университете, связанных с 5 декабря, в январе 1966 подал заявление об уходе из МГУ «по собственному желанию» и уехал из Москвы. В апреле 1966 восстановился на заочном отделении, в феврале 1968 отчислен «за академическую неуспеваемость».

ского языка какого-то (не помню) факультета. Нас окружили любопытные. И тут меня осенило. Я вступил с ней в дискуссию о свободе слова и печати и заговорил об «открытом» суде, на который не пускают даже мать Синявского³⁴. Я работал на публику, и получилось что-то вроде микромитинга. И она отошла. Ко мне подошел тот же самый Смирнов и шепотом сообщил, что она никакая не преподаватель, а гэбистка.

О ней разговор особый. Потом наши отношения с ней, вернее, ее со мной, тянулись очень длительно. Я так и не узнал ее фамилию — Елена Борисовна из управления Бобкова³⁵, курирующая университет.

Дальше события развивались весьма драматично. Кто-то, стоя на пьедестале Пушкина, пытался поднять плакат. Лозунга я не прочел — он тут же был разодран. Вокруг пьедестала образовалась пирамида из человеческих тел, из которой выдергивали одиночек и куда-то волкли. То тут, то там драки. Вот характерная сцена, настолько поразившая меня, что я потом описывал ее в своих опусах. В ней отразилась вся суть этой растерзанной, сумасшедшей страны, населенной не ведающими себя людьми. Двое лупят друг друга, вернее, размахивают руками, потому что в такой толчее ударить как следует невозможно, и ведут озлобленный диалог: «Ты антисоветчик, подонок!» — «Я подонок?! Я защищаю нормальные человеческие отношения! Я не хочу, чтобы опять сажали, чтобы люди бесследно исчезали!» — «Моего деда тоже посадили, но сейчас другое время!» — «Тогда куда ты меня волочешь!» Вот так. У Европы на виду Россия занималась самоедством. А между тем кого-то запикивали в черную «Волгу», откуда ни возьмишь подъехавшую к площади со стороны Тверской, кого-то вытесняли за памятник Пушкину в сторону «Московских новостей». Казалось, на моих глазах происходит народная забава «стенка на стенку», и я, не любитель толпы, принимаю в ней участие. В худшие для меня минуты я нахожу спасение в иронии. Хотя до сих пор не отдаю себе отчета, было ли то иронией или актом самозащиты, — я стал оратор: «Да здравствует советская конституция — самая демократичная в мире!» Митинг остался в моей памяти не как некое историческое событие, возможно, явившееся началом правозащитного движения, он остался в моей памяти открытием советского человека, у которого все смешено, все акценты — временные, ментальные, психологические. Передо мной обнаружилась совок...

³⁴ Вероятно, ошибка памяти мемуариста: мать А.Д.Синявского умерла задолго до ареста сына.

³⁵ БОБКОВ Филипп Денисович (р. 1925), в 1968–1991 начальник 5-го управления (по борьбе с идеологическими диверсиями) КГБ СССР. В 1990-е руководитель аналитической службы МОСТ-банка. Живет в Москве, советник РИА-Новости.

Разгоряченные, мы и не заметили, что остались одни. Никто нас не трогал. И от этого было неловко. Стали вести себя эпатажно. Шли в «Елисейский» за водкой, кажется, с Воробьевым, и орали во всю глотку «Замучен тяжелой неволей» и «Вихри враждебные веют над нами». Слишком громко. Почему нас не взяли — не понимаю (в то время в Москве уже строго действовали законы о нарушении общественного порядка). Потом собрались (уж не помню, сколько было человек) у мсня на Огарева. Сменили, конечно, репертуар на «Шумел камыш». «Революция», как всегда в России, закончилась пьянкой.

Рассказывает Олег Воробьев

А знаете, ведь это Дима Зубарев меня на 5 декабря и вытащил. Он же был в комсомольском бюро филфака. У нас раскидывались две листовки, филфак считался либеральным. Кто-то сразу же отнес листовки в комсомольское бюро, в том числе и к Диме они попали. Но ни один человек на факультете эти листовки не видел. А Дима, гад, про них все вытрепал, пошел и всем про эти листовки рассказал. Вот почему я появился 5 декабря на площади, хотя сам листовок не видел. Якобы что-то в связи с Синявским и Даниэлем. Кто такой Даниэль, я понятия не имел. А Синявский что-то про футбол говорил, вроде бы комментатор такой. Но Дима хитрый, он же не пошел по этому делу. Насколько я помню, он запасся билетом в кинотеатр «Россия», случись что — у него было вещественное доказательство. А сейчас он говорит, что якобы кому-то назначил свидание... Но за это дело он исключен не был. Хотя сейчас говорит, что у него были неприятности на факультете. Но по нашему делу шли только шестеро за этого Синявского и за этого Даниэля, которого я не знал. А пермяки³⁶ теперь так и написали, что я под воздействием Синявского и Даниэля стал антисоветчиком. Как будто они меня нашли где-то и обработали. А я их так ни разу в жизни не видел, кроме Сани Даниэля³⁷.

Прочту стихи.

Студентам-филологам, исключенным из МГУ за участие в демонстрации 5 декабря 1965 года, Воробьеву и всем остальным пятерым (только я не могу завывать так, как завывал автор).

Потомкам декабристов

В тот день морозный и студеный,
Казалось, вот свобода близко.
Вы поняли, вы не студенты,
А вы — потомки декабристов.

³⁶ Пермский «Мемориал».

³⁷ Сын Ю.М.Даниэля.

Вы это поняли, хоть слишком поздно или рано.
Вы вашу веру к небу подняли,
Вы поняли, что ваши раны
Кровавиться не перестанут,
Что в темноте мороз полощет
И что воскреснет Сталин,
Коль вы не выйдете на площадь.

Пора бежать от глупых лекций,
Как поп бежит от глупой паствы,
Жизнь — единственный ваш лекарь,
А время — лучшее лекарство.
Не надрывайтесь вы надсадно
От жизни правду отделять
И не смотрите вы на Запад,
Самим решать вам все дела.
Отбрасывайте листья фиговые,
Как кольца золотые с рук,
Отбрасывайте в сторону книги вы,
Пора вам поглядеть вокруг.
Глядите в упор, непоседы,
Сегодня берут соседа,
А завтра и вас посадят.
А вы смеетесь весело,
Как люстры над колоннами.
Нет истин вечных
И нет для вас канонов.
Срывая со стен портреты,
Тащи все флаги павшие,
Что вам авторитеты,
Государства, партии?
Обутые, босые
На власть глядите косо,
Бойцы нужны России,
Забудь, что ты философ.
Плевать на мать и Бога,
Бросай портфель свой в ящик,
Дымящимся ящером
Бросай скорее бомбу!

Я знаю, вас засудят
И сплетни растрезвонят,
Но в вас жила Засулич,
Вы новые Сазоновы.

Лететь вам в небо синее,
На вас глядит судьба.
Вам переделывать Россию.
Вам переделывать себя!³⁸

Во какой! Террором кончает; честное слово — не думал. Честное слово, о бомбе не думал. Тогда — еще нет. Мне говорили, что это Батшев, но я с ним не общался. Он же смогист, это же пацаны семнадцати-, восемнадцатилетние, а я же в возрасте и эмгэушник. Я был в это время мудист, у нас на филфаке был клуб мудистов, и я был в этом клубе почетный член. «Союз Молодых Гениев»³⁹, тоже мне нашлись! Я — мудист! И мы писали стихи намного лучше. Но в поэты из мудистов ни один не вышел, все почему-то стали нормальными людьми...

На площади было очень много народу, может быть, человек двести или триста, честное слово, не знаю. Толпа была, и все тусовались. Это была первая демонстрация, гэбисты были абсолютно не готовы и провели ее на низком уровне: они послали своих комитетчиков, послали Высшую школу КГБ и еще комсомольские оперотряды из разных элитных вузов, в том числе из МГУ. С филфака были Здоровцов и Смирнов (о нем я еще скажу). Никто не знал друг друга в лицо. Поэтому кто кого бил — там действительно было несколько драк, — сказать трудно. Они не знали, кого брать.

Мы вшестером держались плотной кучкой. Они хватали одиночек. Кто-то оторвался, его сразу же хватают и куда-то уводят. А он, может быть, шел молоко покупать. Отводили в «полтинник»⁴⁰. Если в центре что-то происходило — это всегда «полтинник». Вот где пивная, «Яма», напротив нее «полтинник». Теперь у него другой номер, но все равно все знают.

Мелькнул первый плакат: «Требуем гласного суда над Синявским и Даниэлем!» Тех, кто его развернул, схватили сразу же. Второй плакат я увидел и сразу же хотел уйти с площади. «Уважайте Советскую Конституцию!» А я в это время уже антикоммунистом был. Ну, честное слово, никак я не мог ее уважать. Я вышел на площадь под танки бросаться, ну прямо Матросов. А за «Советскую Конституцию» — ну нет у меня никакого позыва под танки бросаться или там ложиться на мины. Я говорю: «Ребята, может купим водочки? Пошли». И мы уже договорились, что сейчас купим водки и где-нибудь

³⁸ В период подготовки издания составители получили два варианта этого стихотворения: 1) самиздатская машинопись из архива Э.Молчанова (подписано: В.Капев); 2) текст, присланный по электронной почте автором — В.Батшевым. См. ил. в нашей книге.

³⁹ Имеется в виду СМОГ.

⁴⁰ 50-е отделение милиции на Советской площади.

посидим спокойно. Собрались уйти, договаривались, где купить, в Елисейском или еще где-нибудь. Место нашли, где пить будем. Тут подходит какая-то дама. Ей лет за сорок. И говорит: «Вы, ребята, из МГУ?» Ну, обычно, если шесть человек, то, конечно, выступаю я: «Чего ты лезешь-то? “Откуда мы”? Чего ты ко мне лезешь? Чего тебе надо вообще?» — «Нет, но вы учитесь в МГУ, с какого вы факультета?» Я: «Слушай, дамочка, не понимаешь, да? Ты посмотри на себя...» Я тогда молодой был, соответственно — красивый. «...Посмотри на себя — посмотри на меня. Ну, я, во-первых, моложе тебя на двадцать лет. Вали ты от меня. И, честное слово, я этих ребят знаю, никто не заинтересован знакомиться с тобой». — «Так вот, я узнаю, кто вы!» — «Слушай, перестань приставать. Иди, узнавай, но перестань приставать!» — «Я преподаватель с естественных факультетов». — «Слушайте, дамочка, вы можете идти на свои естественные факультеты и преподавать. Оставьте нас в покое. Мы не с естественных факультетов». — «Или вы уйдете с площади — или вы уйдете из университета». — «Ах так! Все сказала?» — «Все». — «Вали!» И дамочка свалила. После чего мы остались на площади. А уже было договорились, где пьем, где хата!

В результате не за антисоветчину, а за хулиганство меня исключили. Она оказалась подполковник ГБ. Та самая знаменитая Елена Борисовна — документов никто не видел, но вроде бы — Петропавловская. Так она представлялась⁴¹. Доверительно, с гордостью, она сказала мне потом, что выполняла работу, как Зоя Космодемьянская. Партизанка старая. У нас с ней потом были самые лучшие отношения. Я сказал, что мне бы очень хотелось, чтобы она стала такой же героиней, как Зоя Космодемьянская, и жаль, что этого не случилось. Каждый из нас вел себя по-своему, а мне эта история показалась очень забавной...

Мы стоим шестером. Абсолютно неизвестно, что делать, ничего не происходит. А уходить нельзя, потому что подумают, что мы испугались угроз этой дамы. Мы уже увидели университетских оперативников и других вычислили. Тут подходит пацан и говорит: «Слушайте, ребята, а вы не можете помочь?» — «А что тебе надо?» Черт его знает, кто он. «Ребята, мне надо два слова сказать». — «Парень, ну хочешь говорить, говори, тебе ведь здесь никто не мешает. Иди — говори. Чего тебе надо?» — «Понимаете, они не дадут, гады, сказать. Вы не можете как-нибудь встать и задержать их?» — «Слушай, пацан, иди и говори. Чего ты к нам-то пристал?..» Потом выяснилось, что это был Юра Галансков. И он, действительно, залез на маленький парапетик и закричал: «Граждане, вы видели, что здесь только что арестовали двоих...» Его и схватили. Тут у меня угрызения совести возникли, оказалось,

⁴¹ О.Воробьев путает. Петропавловская — фамилия инспектора курса. Фамилия же Елены Борисовны — Козельцева.

все-таки свой. И мы кинулись в драку. Юру мы не отдавали минут десять. Была большая драка, все били друг друга. После нее мы стоим, отдыхаем, подходит ко мне мужик и говорит: «Чего ж ты меня бил? Ты что, не видел, что я свой?» — «Ну, мужик, я откуда мог знать, что ты свой?» — «Разве ты не видел? Ведь я его тащил».

Мы стояли до восьми. Потом уж мы совершенно замерзли. Чтобы снимал кто-то эту тусовку, я не видел, честное слово. Несколько маленьких драк, одна большая — и все, больше ничего не было. Одного забрали, так над ним мы даже смеялись. Он спрашивает: «А что здесь происходит?» — «Не твое дело, иди». — «Не, а что здесь происходит?..» Пух... и его взяли и тут же увезли. Брали одиночек. Потом я слышал, что увезли человек тридцать. Нас никого не увезли. Мы ушли потом. Нормально купили водки, пошли ее пить.

А дальше? Исключили, конечно. Всего исключили двенадцать человек из МГУ¹². А я обрадовался, когда исключали: наконец-то я что-то могу делать! Не кому-то морду бить, а теперь уже — им, впрямую. Я вышел на них. То есть они вышли на меня. С того момента началась драка с ГБ. А Смирнова я встретил потом на улице в Вене, в конце 1980-х. Он приехал туда преподавать русский язык и понятия не имел, что я там живу. Ну и перепугался же он — я думал, умрет от страха!

¹² Составители располагают достоверными сведениями о двух исключениях из МГУ в связи с демонстрацией на Пушкинской площади — аспиранта А.Дранова и самого студента О.Воробьева.

Глава 3. После митинга

Только 6 декабря те, кому по должности надлежит заниматься подобными экзотическими сюжетами и держать ситуацию под контролем — замминистра охраны общественного порядка Петушков, секретарь Московского комитета партии Егорычев и, разумеется, Семичастный, — отсылают в ЦК КПСС записки, информирующие об уже состоявшемся митинге. 8 декабря к ним присоединяется еще один высокопоставленный партийный функционер — секретарь ЦК ВЛКСМ Павлов.

Первые три документа не производят впечатления панических. Особенно это относится к запискам Петушкова и Семичастного. Петушков предельно лапидарен, его отчет вполне соответствует стилистике руководимого им ведомства и больше всего напоминает рапорт участкового милиционера начальнику своего райотдела о пресечении распития группой учащихся ПТУ спиртных напитков в общественном месте. Никаких намеков на политическую или юридическую оценку происшествия в этом рапорте не просматривается; совершенно ясно, что генерал прекрасно понимает: место милиции в подобных инцидентах — шестнадцатое. Трудно ругаться, но почему-то кажется, что, составляя записку, заместитель министра слегка пожимал плечами.

При ближайшем рассмотрении ничего неожиданного не обнаруживается и в записке В.Е.Семичастного. Разумеется, председатель КГБ при Совете Министров СССР, в отличие от заместителя министра охраны порядка, не может уйти от необходимости дать произошедшему вразумительную характеристику, а также объяснить, «кто виноват» и «что делать», сформулировать предложения на будущее. Он это и делает, не особо заботясь о соответствии одного другому.

Что произошло? Владимир Ефимович дает на этот вопрос совершенно ясный и недвусмысленный ответ: группа психически больных людей попыталась выступить с демагогическими заявлениями, но благодаря заранее принятым мерам оперативного характера эту попытку удалось предотвратить. О том, какое ведомство разработало и приняло эти спасительные меры, Семичастный скромно умалчивает.

Кто виноват? Слабый уровень политико-воспитательной работы среди учащейся молодежи и творческой интеллигенции, вот корень зла. И соответственно вина на тех, кто за этот уровень отвечает. Поэтому на вопрос «что делать?» председатель КГБ уверенно отвечает: усилить эту самую политико-воспитательную работу. (Естественно, ни автору записки, ни, вероятно, ее адресатам нет дела до того, что связь между уровнем политико-воспитательной работы и психическим здоровьем граждан, мягко говоря, неочевидна.) А кто за эту работу несет ответственность? Уж во всяком случае не КГБ. В своей записке Семичастный предлагает сделать «крайним» Московский горком партии, то есть товарища Егорычева.

А что же товарищ Егорычев? А он в этот же день посылает в ЦК текст, в котором фактически солидаризуется с концепцией «коллективной акции психов», но при этом подробнейшим образом — гораздо подробнее, чем у Семичастного, — описывает фактуру событий и меры *оперативного* характера, уже принятые (конечно же, горкомом КПСС) и позволившие «предотвратить массовое выступление на площади Пушкина» или планируемые в связи с произошедшим. Его записка начинается с сообщения о том, что органы госбезопасности знали о готовящейся акции еще в ноябре, и кончается тем, что органам госбезопасности поручено (кем? Неужто горкомом партии? Впрочем, вполне возможно: на дворе 1965 год, роль ГБ в партийно-государственной иерархии невысока, и территориальные управления фактически находятся в двойном подчинении: центрального аппарата Комитета госбезопасности и местной партийной власти) выявить «инспирированных» митинга.

В общем, если, закрыв «шапки» и подписи, предложить неискусенному человеку определить, какая из записок принадлежит партийному функционеру, а какая чекисту, тот наверняка ошибется.

Весь этот ведомственный пинг-понг не имеет особого значения для нашей темы и интересен лишь одним: и Семичастный, и Егорычев предлагают высшему руководству страны (к которому они и сами принадлежат) совершенно неадекватные объяснения событий 5 декабря и, соответственно, неадекватные меры реагирования. Неважно, что было тому причиной, — недостаток концептуального мышления или просто приоритет ведомственных интересов для авторов обеих записок. Важно другое: власть в целом, власть как механизм, столкнувшись с новым для себя вызовом, которому в дальнейшем предстояло многое определить во внутренней (а отчасти и во внешней) политике режима, оказалась не в состоянии даже осознать его как вызов, не говоря уже о том, чтобы осмысленно реагировать на него. (Интересно, что реакции советской власти на проблему диссидентской активности будут отмечены фатальным дефицитом осмысления вплоть до конца существования как диссидентства, так и самой советской власти.)

В этом контексте особняком стоит четвертая из публикуемых записок, отправленная в ЦК двумя днями позже вождем советского комсомола С.Павловым. В определенном смысле события 5 декабря входили и в его компетенцию: ведь митинг-то был по преимуществу молодежным. Конечно, в отчете Павлова, написанном гораздо более энергичным и живым языком, чем предыдущие, также присутствует ведомственный интерес, скорее даже ведомственный гонор: отмечены «быстрые и умелые действия» оперотряда МГК ВЛКСМ, а также роль работников ЦК и МГК ВЛКСМ в «беседах» с теми, кто был задержан на площади. О КГБ вообще ни звука, как будто его и нет. В записке — со скрытой гордостью — представлены собранные *его* организацией данные о большей части задержанных (в текстах Егорычева и Семичастного подобные сведения присутствуют в гораздо меньшем объеме). И самое главное, Павлов не пытается уклониться от оценки случившегося. Он предлагает рассматривать митинг в определенном событийном контексте — как очередную враждебную акцию антисоветчиков-смогистов, за которыми еще и не такое числится (вплоть до попыток создания террористической организации). Он характеризует митинг резко и определенно — как «заранее и тщательно продуманную антисоветскую провокацию», утверждая при этом, что за спинами душевнобольных орга-

низаторов стоят «более матерые мерзавцы». Кто? Не выяснено. Впрочем, важнее, видимо, кем не выяснены столь важные обстоятельства подготовки «антисоветской провокации». Павлов указывает и причины, сделавшие возможным проведение публичной антисоветской акции в центре столицы — «безнаказанность» антисоветчиков, по отношению к которым вновь и вновь применяются лишь меры «профилактики». И, наконец, он делает решительный вывод: «Профилактические действия среди организаторов этого сборища вряд ли возымеют воспитательное значение». Иными словами, Павлов предлагает перейти к уголовным репрессиям.

Слово «профилактические» в данном контексте имеет вполне определенное значение: с апреля 1959 года именно «профилактирование антисоветских проявлений» было провозглашено основной задачей КГБ. Павлов, по существу, призывает пересмотреть эту хрущевскую установку.

Перед нами — сжатый конспект программы новой, жесткой карательной политики, направленной не на контролирование «антисоветских проявлений», а на полное их искоренение. Была ли эта программа принята брежневским руководством? На тот момент, судя по дальнейшему развитию событий, в том числе и по отношению к замешанным в событиях 5 декабря, — нет, не была. Да и в дальнейшем — и после учреждения в КГБ 5-го управления, нацеленного на борьбу с «идеологической диверсией», и даже много позднее, с приходом Андропова к политической власти, — оперативные меры по «профилактированию» по-прежнему количественно преобладали в работе органов госбезопасности над арестами по политическим обвинениям.

Расправа со студентами МГУ, замешанными в «дело 5 декабря», проводилась именно по линии «профилактирования», против которой так горячо выступил секретарь ЦК ВЛКСМ. Ирония ситуации состоит в том, что заниматься этим «профилактированием» пришлось как раз комсомольской организации университета — разумеется, под руководством партийной организации и кураторов из КГБ.

* * *

Чтобы рассказать о репрессиях против организаторов и участников митинга 5 декабря, мы использовали два типа источников: интервью (прежде всего с теми, кто пострадал от преследований) и архивные материалы (в основном протоколы заседаний комсомольских и партийных организаций МГУ, а также еще несколько любопытных документов, имеющих, как нам кажется, отношение к делу). Кроме того, мы включили в эту главу короткий рассказ А.Вольпина о посещении им МГУ и несколько сообщений зарубежной прессы о происходившем в Москве.

Разумеется, собранный нами материал не исчерпывает тему.

Во-первых, на площади были не только студенты МГУ. Достоверно известно, что там находились студенты и аспиранты как минимум еще шести высших учебных заведений: МГПИ им.Ленина (Наталья Шухт), МЭСИ (Галина Носова), Театрального училища им.Шукина (Валерий Бугорский), МАИ (аспирант В.Черешкин), Школы-студии МХАТ (мы не знаем ни одного имени) и Историко-архивного института (Ю.Галансков). Однако проработки, проходившие в этих учебных заведениях, если и имели место, то не стали достоянием гласности.

Во-вторых, и в МГУ по большей части нам называли тех, кто учился на филфаке. Помимо этого были названы имена трех студентов с факуль-

тета журналистики, одного — с биолого-почвенного факультета и одной студентки исторического факультета. Мы не можем поручиться, что в архивах не лежат еще два десятка дел, в которых обнаружатся сведения об отчислениях или исключениях из комсомола студентов других факультетов МГУ или других московских вузов. Это маловероятно (листочки распространялись в старом здании на Моховой, где помещались именно журфак и филфак, а что касается студента-биолога, то имеются основания предполагать, что он-то листочки и распространял), но не исключено.

Есть, однако, и соображения иного рода.

Мы не можем быть уверены, что те или иные трудности, возникавшие у студентов, не подвергшихся персональному разбирательству, не связаны с их участием в демонстрации 5 декабря. Незачеты, переэкзаменовки, ограничения при распределении, сложности с поступлением в аспирантуру, — все это, конечно, могло быть вызвано естественным стечением обстоятельств. Но вполне вероятно, что истинная причина регулярных неприятностей заключена в некоей папочке, надежно запертой в сейфе университетского спецотдела. Иногда тайна неожиданным образом всплывает на свет — примером тому трагикомическая история, описанная Л. Поликовской. А в ее личном деле в МГУ эта история не оставила никаких следов — лишь два пожелтевших «корешка» для зачета по истории КПСС: от 21 января 1966 года («незачет») и от 17 февраля («зачет»).

И даже через много лет после окончания вуза пятно политической неблагонадежности могло сказываться на карьере ученого, особенно — гуманитария.

Все это надо иметь в виду при чтении протоколов заседаний партийных и комсомольских организаций. Зачастую мы обнаружим там вовсе не героическое поведение. «Декабристы», поставленные лицом к лицу с напористым партийно-государственным хамством, как правило, терялись. Неумело лгали, жалко каялись, впадали в истерику, всеми средствами пытались дистанцироваться от митинга и его целей, иногда даже называли имена других людей.

Меры наказания, грозившие участникам демонстрации, были, по нашим понятиям, не слишком серьезны. Собственно говоря, все, по-видимому, было решено на высшем уровне, и не исключено, что еще до 5 декабря. Осторожно-консервативная позиция Семичастного (докладная записка которого в ЦК в части выводов выдержана вовсе не в людоедских тонах) возобладала над революционными предложениями Павлова; во всяком случае все, что происходило зимой 1965/66 учебного года в МГУ, вполне укладывается в формулу «усиления политико-воспитательной работы в вузах». Излишне рьяное поведение партийно-комсомольских начальников низшего ранга (кроме руководителей комсомольских «первичек») и академических бонз филфака и журфака можно оценить, пожалуй, как попытку быть святее Папы. И все же сам факт, что *все* студенты, замеченные 5 декабря на Пушкинской площади, были исключены из комсомола, но при этом *никого* не отчислили из университета (кроме Дранова; но, что дозволено студенту — не дозволено аспиранту), демонстрирует сказочный либерализм эпохи. Невозможно представить себе, чтобы тремя-четырьмя годами позже студент, исключенный из ВЛКСМ за политический проступок, не вылетел бы немедленно с «волчьим билетом» из вуза!

В этих обстоятельствах знакомство с партийно-комсомольскими протоколами нельзя не предвратить неким общим замечанием.

На наше восприятие подобных документов наложило отпечаток многолетнее противостояние диссидентов и карательных органов. Ставкой в этой борьбе была чаще всего не более или менее успешная научная карьера, а свобода, и непокорным грозили многолетние лагерные сроки. В этих экстремальных условиях не только сложилась определенная мораль, содержащая жесткие требования и нравственные запреты, — вырабатывались приемы поведения при столкновениях с властью. Но все это произошло уже *после* 1965 года!

Те, кто пришел на площадь 5 декабря, в большинстве своем вовсе не собирались посвятить жизнь героической борьбе с тоталитарным режимом. Кого-то привело туда любопытство, кого-то — не очень-то глубоко осмысленное сочувствие целям митинга. В этом многообразии легко не заметить гражданские чувства, к которым, собственно, и апеллировало «Гражданское обращение». Было бы ошибкой судить о том, что привело студентов на площадь, основываясь на партийно-комсомольских протоколах. К сказанному ими во время проработок следует подходить с неменьшей осторожностью, чем к показаниям подследственных и подсудимых, какой бы пародией на следствие и суд ни казалось рассмотрение персональных дел комсомольцев. И нельзя забывать главное — они все-таки *были* на площади.

По прошествии какого-то времени многие, следуя примеру диссидентов, научились противостоять грубому давлению власти. Несомненно, что диссиденты расширяли границы общественной свободы не столько для себя, сколько для всего общества. И не только свободы поступка (перефразируя излюбленные юридические обороты А.Вольпина — «материальной свободы»), но и свободы поведения («процессуальной свободы»). Мальчики и девочки, которых вызывали на правож зимой 1965/66 года, стали первыми. И никаких диссидентов перед ними не было. Они были сами себе диссиденты.

Действующие лица

АЛЕШИН Станислав Владимирович, в 1959–1966 студент мехмата МГУ.

С 1964 зам. председателя, ответственный секретарь студенческого совета и член бюро комитета ВЛКСМ МГУ.

Г.Н., в 1961–1966 студентка факультета журналистики МГУ.

ДРАНОВ Александр Васильевич (1943–2004), литературовед, переводчик.

В 1960–1965 студент филфака МГУ, с октября по декабрь 1965 аспирант кафедры истории зарубежных литератур; восстановлен в аспирантуре в 1975. С 1980 работал в ИНИОН АН СССР (РАН).

ЕГОРЫЧЕВ Николай Григорьевич (1920–2005), партийный работник, дипломат, 1-й секретарь МК КПСС (1962–1967), член Президиума ЦК КПСС (1963–1966). Живет в Москве, советник ассоциации «Российский дом» Международного научно-технического союза.

ЗАСУРСКИЙ Ясен Николаевич (р. 1929), с 1965 декан факультета журналистики МГУ. В 1995 награжден ЮНЕСКО орденом Махатмы Ганди.

ЗЕНОВ Валерий Анатольевич (р. 1938), в 1960–1965 студент филфака МГУ. Член КПСС. Избирался в комитет ВЛКСМ МГУ, зам. секретаря по учебной работе. В 1966–1970 аспирант. В 1966–1968 работал в ректорате. По сообщению В.Газанджиева, впоследствии перешел на работу в горком ВЛКСМ, позже — в Министерство высшего образования.

ЗОЗУЛЯ Михаил Никитич (1904–1983), в молодости комсомольский работник на Украине. Член КПСС с 1927. В 30-е сотрудник аппарата Совнаркома РСФСР, уволен в 1937 с партийным выговором «за потерю бдительности» — не сумел разоблачить своего начальника, оказавшегося «врагом народа». Преподавал в ИФЛИ. В 1949–1977 зам. декана по учебной части филфака МГУ.

ИВАНОВ Владимир (Вадим) Алексеевич (р. 1940), студент мехмата МГУ, командир комсомольского оперативного отряда МГУ (с 1964). Несмотря на то, что на комсомольской конференции МГУ в 1964 его кандидатура была забаллотирована, с октября 1965 член бюро комитета ВЛКСМ.

КРАЙНОВ Борис Николаевич (1938–1977), сотрудник физфака МГУ. Член КПСС с марта 1965. С ноября того же года 1-й секретарь комитета ВЛКСМ МГУ, переизбран в 1966. Член МК ВЛКСМ. Зам. секретаря партбюро физфака (1971–1975).

М.А., студент 2-го курса вечернего отделения филфака МГУ.

Н-в, студент 4-го курса факультета журналистики МГУ.

ПАВЛОВ Сергей Павлович (1929–1993), партийный, государственный деятель, 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ (1959–1968), председатель Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР (1968–1983), председатель Олимпийского комитета СССР (1975–1983), посол СССР в Монголии (1983–1985) и Бирме (1985–1989).

ПЕТУШКОВ Владимир Петрович (1910–1974), с 1939 с перерывами в системе ГУЛАГа НКВД–МВД, в 1957–1966 1-й зам. министра внутренних дел (охраны общественного порядка) РСФСР.

ПОЛУПАНОВ Михаил Иванович (р. 1939), в 1964–1969 аспирант юридического факультета МГУ. Неоднократно избирался членом комитета ВЛКСМ МГУ, с 1963 занимал пост зам. секретаря. В 1970–1980-е преподавал в ВЮЗИ, вел юридическую рубрику в газете «Известия». Кандидат юридических наук. В 1997–2001 зам. директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

С.Б. (р. 1942), в 1963 переведен на дневное отделение факультета журналистики МГУ, в 1965 студент 5-го курса, внештатный сотрудник «Последних известий» на радио. Окончил университет в 1966.

С.В. (1911–?), отец С.Б., инженер-геодезист, работал по заданиям Министерства обороны. В 1965 пенсионер.

С.Н., в 1965–1968 студент биолого-почвенного факультета МГУ. Распространял «Гражданское обращение», активный участник «митинга гласности».

Участвовал в подготовке демонстрации в марте 1966 против предполагавшейся политической реабилитации Сталина. Допрашивался в КГБ. В 1968 отчислен из МГУ «по собственному желанию».

САМАРИН Роман Михайлович (1911–1974), литературовед. С 1947 зав. кафедрой истории зарубежных литератур филфака МГУ, декан (1956–1961). Беспартийный. Один из организаторов борьбы с «космополитизмом» в советском литературоведении. В конце 1940-х — начале 1950-х писал для МГБ обвинительные экспертизы к следственным делам своих коллег¹.

СЕМИЧАСТНЫЙ Владимир Ефимович (1924–2001), в 1961–1967 председатель КГБ.

СОКОЛОВ Алексей Георгиевич (1921–2004), литературовед, в 1961–1974 декан филфака МГУ, затем профессор кафедры истории русской советской литературы филфака МГУ.

ФОМИЧЕВ Анатолий Титович (р. 1936), в 1965 аспирант истфака МГУ. В 1963 избран в партбюро факультета. Член бюро комитета ВЛКСМ МГУ с 1964.

ХАСБУЛАТОВ Руслан Имранович (р. 1942), в 1965 аспирант экономического факультета МГУ. В 1965–1967 член бюро комитета ВЛКСМ МГУ. Впоследствии профессор, доктор экономических наук. В 1991–1993 Председатель Верховного Совета Российской Федерации. В октябре 1993 арестован по обвинению в организации массовых беспорядков в Москве. В феврале 1994 освобожден по амнистии. Живет в Москве, зав. кафедрой мировой экономики Российской экономической академии им. Плеханова.

ХАУСТОВ Виктор Александрович (р. 1938), рабочий, поэт. В 1965 участник СМОГ. В 1967 по ст.190³ УК РСФСР приговорен к 3 годам лагерей за участие в демонстрации на Пушкинской площади 22 января 1967 в защиту Ю.Галанскова и других. В 1973 вновь арестован и приговорен за «антисоветскую агитацию» к 4 годам лагерей и 3 годам ссылки. Ныне православный священник, живет в Иркутске.

¹ Из посвященной Самарину факультетской песни 1960-х: «И как слуга Лавруши [Л.П.Берия] / Один он стоил двух».

Записка председателя КГБ при СМ СССР в ЦК КПСС

6 декабря 1965
2685—с

Секретно

ЦК КПСС

Докладываю, что 5 декабря с.г. в Москве около памятника Пушкина собралась группа молодежи в количестве 50–60 человек, преимущественно студентов различных вузов и техникумов, молодых сотрудников некоторых научно-исследовательских учреждений, а также лиц без определенных занятий.

В 18 часов 30 минут отдельные участники сборища под флагом соблюдения гражданских свобод начали выкрикивать демагогические лозунги. Один из участников сборища ВОЛЬПИН (Есенин) А.С., младший сотрудник института научно-технической информации при Академии наук СССР, душевнобольной, пытался развернуть принесенный с собой лозунг: «Уважайте Конституцию (Основной закон) Союза ССР». Кроме того, у участников сборища имелось еще два лозунга: «Требуем гласности суда над СИНЯВСКИМ и ДАНИЭЛЕМ!» и «Свободу В.К.БУКОВСКОМУ и другим, помещенным в психиатрические больницы – в связи с митингом гласности!» (БУКОВСКИЙ, без определенных занятий, и ВИШНЕВСКАЯ, учащаяся 10 класса 710 средней школы, являются душевнобольными и несколько дней назад с согласия родителей помещены на излечение в психиатрическую больницу).

Принятыми мерами удалось предотвратить активные попытки отдельных участников сборища вызвать беспорядки и выступить с демагогическими заявлениями.

С помощью заранее подготовленного комсомольско-оперативного наряда и дружинников было задержано и опрошено в городском штабе народных дружин 28 человек. В числе задержанных: 11 студентов, 11 молодых специалистов, 1 рабочий, остальные – без определенных занятий; 12 задержанных являются членами ВЛКСМ².

Необходимо отметить, что среди наиболее активных участников сборища оказалось 7 человек, известных, как душевнобольные: четверо из них (ВОЛЬПИН (Есенин), ГАЛАНСКОВ, ТИТОВ, ХАУСТОВ) и ранее принимали участие в различных антиобщественных проявлениях.

² Здесь и далее воспроизведены подчеркивания в документах.

Сборищу у памятника Пушкину предшествовало распространение в высших учебных заведениях и молодежных клубах анонимного обращения с призывом принять участие в «митинге гласности» с требованием открытого судебного разбирательства по делу СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ.

В целях предупреждения сборища органами госбезопасности было выявлено 11 человек, причастных к распространению листовок, и с ними 2 декабря с.г. проведены профилактические беседы. С рядом лиц были проведены беседы представителями общественных организаций и администрацией учебных заведений.

В определенной степени проведенные мероприятия предупредили дальнейшее распространение листовок и ограничили число участников сборища.

Предварительный анализ, а также материалы о других идеологически вредных проявлениях среди творческой интеллигенции и молодежи, свидетельствуют, прежде всего, о слабой действенности политико-воспитательной работы, особенно в высших учебных заведениях.

Не оказывают необходимого политического влияния на молодежь и многочисленные творческие союзы и литературные объединения. В отдельных литературных объединениях нашли себе прибежище антиобщественные элементы, занимающиеся сочинением политически вредных произведений и толкающие молодежь на демагогические выступления. Некоторые из этих «произведений» передаются на Запад и используются в антикоммунистической пропаганде.

Полагал бы целесообразным поручить Московскому городскому комитету партии рассмотреть вопросы, связанные с усилением воспитательной работы, особенно среди творческой интеллигенции и студентов высших учебных заведений.

Комитетом госбезопасности принимаются меры к выявлению инспирированных антиобщественных выступлений и пресечению с их стороны возможных враждебных действий.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В.СЕМИЧАСТНЫЙ

РГАНИ. Ф.5. Оп.30. Д.62. Л.178–180. На бланке.

Пометы:

- 1) «тов. Брежневу Л.И. доложено, 9.12.1965» А. Александров³
- 2) «Хранить в архиве. 10.1.66», подпись неразборчива.

³ АЛЕКСАНДРОВ-АГЕНТОВ Андрей Михайлович (1918–1994), дипломат, партийный работник, в 1961–1982 помощник Л.И.Брежневца.

Записка зам. министра охраны общественного порядка РСФСР в ЦК КПСС

6 декабря 1965 г.
№ 1/т-6790

ЦК КПСС

5 декабря с.г. в 18 часов в гор.Москве на площади Пушкина у памятника А.С.Пушкину группа граждан в количестве 12 человек пыталась организовать митинг. Двое из присутствующих держали транспарант⁴ с текстом: «Требуем справедливого суда над Синявским и Даниелем»⁵. Около этой группы собралась толпа численностью до ста человек.

Задержаны наиболее активные участники из собравшихся. Транспарант изъят.

Задержанными оказались: С.Н., 1946 года рождения, студент I курса МГУ; Титов Ю.В., 1928 года рождения, пенсионер (они держали транспарант); Виленский Ю.М.⁶, 1944 года рождения, инвалид 2-й группы; Самотейкин В.В., 1939 года рождения, инженер предприятия п/я № 3657; Черешкин В.В., 1938 года рождения, аспирант МАИ; Носова Г.П., 1941 года рождения, студентка 6 курса экономико-статистического института; С.В., 1942 года рождения, студент 5 курса МГУ; Кристи И.Г., 1937 года рождения, инженер института экспериментальной физики; Яценко С.П.⁷, 1935 года рождения, методист Дворца пионеров; Хаузаинов В.А.⁸, 1938 года рождения, обойщик конторы по ремонту мебели.

На место выезжали сотрудники милиции и УКГВ гор.Москвы и Московской области.

ЗАМ. МИНИСТРА ООП РСФСР

ПЕТУШКОВ

РГАНИ. Ф.5.Оп.30.Д.462.Л.175. На бланке.

⁴ Здесь и далее в этом документе ошибочно — «транспарант».

⁵ Так в тексте.

⁶ ВИЛЕНСКИЙ Юрий Михайлович (1944–1989), поэт, автор самиздата (псевдоним Г.Недгар). Покончил с собой.

⁷ ЯЦЕНКО Сергей Павлович (р. 1935), в 1963–1967 методист Московского дворца пионеров. Живет в Москве, пенсионер.

⁸ Ошибка, правильно: Хаустов.

Записка секретаря МГК КПСС в ЦК КПСС

6 декабря 1965 г.

№ 145

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

В ноябре с.г. органам госбезопасности стало известно, что группа лиц намерена провести 5 декабря в 18 час. у памятника А.С.Пушкину митинг протеста с требованием «Гласности суда над Синявским и Даниэлем».

В МГУ и других местах ими распространялось так называемое «Гражданское обращение», в котором содержался призыв к явке на этот митинг.

Принятыми мерами было установлено, что инициаторами проведения митинга являются ВОЛЬПИН-ЕСЕНИН А.С., 1924 г.р., младший научный сотрудник Института научно-технической информации АН СССР, а также БАТШЕВ В.С., 1947 г.р., один из активных участников группы т.н. «смогистов», и БУКОВСКИЙ В.К., 1942 г.р., оба без определенных занятий. Все они являются душевнобольными людьми.

2 декабря с.г. в целях предотвращения митинга органами госбезопасности и Московским городским комитетом ВЛКСМ была профилактарована группа молодежи в количестве 11 человек. БУКОВСКИЙ, находившийся ранее по решению суда на принудительном лечении, был водворен в психиатрическую больницу. Одна из распространителей обращения ВИШНЕВСКАЯ Юлия, ученица 10 класса, у родителей которой имелась путевка о направлении ее в психиатрическую больницу, также была помещена на стационарное излечение.

Эти и другие меры, принятые Городским Комитетом партии, позволили предотвратить массовое выступление на площади Пушкина в День Конституции. Однако группа лиц численностью в 50–60 человек вечером 5-го декабря пришла к памятнику А.С.Пушкину и в 18 час. 30 минут некоторые из них развернули 4 плаката⁹ с демагогическими призывами: «Уважайте Конституцию Союза ССР», «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем», «Свободу Буковскому и другим, помещенным в психиатрические больницы в связи с этим митингом гласности!». Плакаты были тут же изъяты комсомольским оперативным отрядом.

Один из участников собрания пытался произнести на площади речь. После его заявления: «Граждане свободной

⁹ Лозунгов было три, но по крайней мере один из них фигурировал на двух плакатах. Вероятно, именно этим объясняются расхождения в числе плакатов, указанном в разных источниках.

России...» — он был задержан. Всего комсомольским отрядом дружинников за нарушение общественного порядка и подстрекательство было задержано 28 человек. Среди задержанных: 11 студентов и учащихся, Вольпин-Есенин, развернувший плакат: «Уважайте Конституцию», художник Титов Ю.В. и его жена — Строева Е.В., имеющие, по данным органов КГБ, постоянную связь с иностранцами; пенсионер С.В., 1911 года рождения, беспартийный, психически больной; Галансков Ю.Т. и Шухт А.В., которые в 1961 году были причастны к группе молодежи, выступавшей с антисоветскими произведениями на площади Маяковского и нелегально издававшей рукописные журналы «Феникс» и «Синтаксис», опубликованные затем за рубежом в изданиях НТС. При задержании у С.В. было изъято три экземпляра написанного им стихотворения антисоветского содержания, посвященного Конституции СССР и датированного 5-м декабря с.г. В числе задержанных 12 членов ВЛКСМ.

С задержанными лицами были проведены беседы, после чего они были освобождены.

В настоящее время в вузах и учреждениях, где работают активные участники сборища, партийными организациями проводится необходимая работа. Через органы здравоохранения принимаются меры к помещению на лечение в психиатрические диспансеры душевнобольных ВОЛЬПИНА-ЕСЕНИНА, ТИТОВА, С. [В.] и БАТШЕВА.

Поскольку в некоторых литературных объединениях, как, например, «Зеленый огонек» при клубе автомобилистов, подвизаются разного рода сомнительные лица и шизофреники (БАТШЕВ, ВИШНЕВСКАЯ и др.), причастные к этой провокации, Горкомом партии приняты меры к укреплению руководства литобъединений политически зрелыми людьми и очищению их от антиобщественных элементов.

В связи с тем, что факт появления «манифестантов» на площади Пушкина, где присутствовала группа итальянских стажеров из МГУ, может стать достоянием зарубежной прессы, считаем целесообразным опубликовать в газете «Вечерняя Москва» фельетон об антиобщественной деятельности ВОЛЬПИНА-ЕСЕНИНА, ТИТОВА и БАТШЕВА, не связывая их антиобщественное поведение с вылазкой 5-го декабря в День Конституции.

Одновременно органам КГБ поручено выявить всех инспирированных этого митинга.

СЕКРЕТАРЬ МГК КПСС

(Н. ЕГОРЫЧЕВ)

РГАНИ. Ф.5. Оп.30. Д.462. Л.166-168.

Пометы:

Ознакомились. Н.Савинкин¹⁰ С.Грачев¹¹

3024с НН
8. XII. - 65¹²

Архив, хранить. Трапезников¹³. 30. XII. 65 г.¹⁴

Записка секретаря ЦК ВЛКСМ в ЦК КПСС

№ 01/1834

8 декабря 1965 г.

ЦК КПСС

5 декабря с.г. в Москве у памятника Пушкину состоя-
лось сборище так называемых «смогистов». Вдохновителями
и организаторами этого «митинга» были небезызвестные
Галансков, Вольпин/Есенин/, а также Буковский, Хаустов,
Батшев¹⁵. Трое последних, по всей вероятности, исполняли
всю подготовительную работу. Они были известны МГК
ВЛКСМ, органам КГБ и раньше.

В феврале-марте 1965 года Буковский – нигде нерабо-
тающий, Хаустов – работник мебельной фабрики Первомай-
ского района города Москвы, Батшев – слушатель Литера-
турного института создали СМОГ – «самые молодые
одаренные гении». Эта группка взяла явно антисоветский
курс, ее идейным и организационным наставником был т.н.
писатель Тарсис.

«Смогисты» дважды в этом году устраивали сборища у
памятника Маяковскому, на которых читали нигилистиче-
ские, антипартийные стихи. 14 апреля 1965 года на площа-

¹⁰ САВИНКИН Николай Иванович (1919–1993), партийный работник, зам. зав. (1960–1968), зав. (1968–1987) Отделом административных органов ЦК КПСС (отдел курировал деятельность МВД, КГБ, судебных и прокурорских органов, непитенциарных учреждений).

¹¹ ГРАЧЕВ Сергей Иванович (1914–?), в 1963–1969 зам. зав. Отделом административных органов ЦК КПСС, в 1969–1975 зам. председателя ЦК ДОСААФ СССР.

¹² Вероятно, реквизиты записки КГБ. Помета перечеркнута крест-накрест.

¹³ ТРАПЕЗНИКОВ Сергей Павлович (1912–1984), историк КПСС, партийный работ-
ник. В 1956–1983 зав. Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС. Член-коррес-
пондент АН СССР (1976).

¹⁴ Публикаторы сочли возможным не воспроизводить приложения к записке Егорыче-
ва, так как одно из них – фотографии плакатов, изъятых у демонстрантов (см. ил.
в нашей книге), а второе – стихи С.В., представляющие интерес только потому, что
стались предметом переписки между высшими партийными органами.

¹⁵ Здесь и далее в этом документе ошибочно: Батышев.

ди Маяковского они требовали «свободы левого искусства» и создания журнала «левых», а также предпринимали попытки организовать шествие к Дому литераторов. Комсомольские органы совместно с работниками КГБ, милиции сорвали эти и другие планы «гениев». В первичных комсомольских организациях прошли собрания, на которых действия «смогистов» были осуждены. В комсомольской печати были опубликованы фельетоны, высмеивающие и эту затею и ее авторов. Сходки у памятника Маяковского прекратились.

Однако, спустя некоторое время те же Буковский, Батшев и Хаустов принялись за вербовку политически незрелых учащихся электровакуумного техникума теперь уже в террористическую организацию. Буковский стал представляться «полковником» группы «Освобождение» и говорил, что в ее задачи, в частности, входят: взрыв памятника Карлу Марксу, убийство секретаря ЦК КПСС, проведение антисоветских митингов¹⁶.

МГК ВЛКСМ, работники КГБ провели профилактическую работу с небольшой группой учащихся электровакуумного техникума, попавших под влияние Буковского, Батшева, Хаустова. Организаторы раскаивались, не скупилась на заверения и обещания прекратить свою провокационную деятельность. Буковский, страдающий шизофренией, по просьбе родственников был помещен в психиатрическую больницу. По отношению к Батшеву и Хаустову сочли возможным вновь ограничиться профилактикой.

Видимо, почувствовав безнаказанность, Батшев и Хаустов без каких-либо промедлений приступили к подготовке очередной провокации – проведению «манифестации в защиту» Буковского, а также Синявского и Даниэля. Примерно 1-2 декабря с.г. Батшев и Хаустов распространили в некоторых вузах, а также по квартирам провокационную листовку. Содержание листовки не оставляет сомнения в том, что за спиной и того и другого стояли более матерые мерзавцы, т.к. написана она весьма профессиональным «знающим» языком.

Вечером 5 декабря у памятника Пушкину собралась толпа в 50-60 человек. Были замечены дипломатические машины. В 18 часов 30 минут один из активных участников и организаторов этого сборища Вольпин/Есенин/ пытался развернуть принесенный с собой лозунг: «Уважайте Конституцию /основной закон/ Союза ССР». Имелось еще два плаката: «Свободу В.К.Буковскому и другим, помещенным в психиатрические больницы – в связи с этим митингом глас-

¹⁶ Со слов «и говорил» до конца абзаца отчерк карандашом на левом поле страницы.

ности!», «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем!».

Комсомольский оперативный отряд МГК ВЛКСМ быстро и умело предотвратил эту попытку учинить беспорядки. Наиболее активные нарушители были задержаны и направлены в Городской штаб народных дружин и 108 отделение милиции, где с ними работниками ЦК и МГК ВЛКСМ были проведены беседы.

Задержанными оказались:

Галансков Ю.Т.¹⁷, нигде не работает, ранее принимал участие в различных антиобщественных проявлениях, в том числе и на площади Маяковского.

Славиковский А.А., старший инженер института цветных металлов. В беседе не скрывал своих антисоветских настроений, заявив, что эта «манifestация» еще более укрепила его политические взгляды и что он будет более активно бороться против Советской власти.

Вольпин/Есенин/ А.С., сотрудник института научной информации.

Рыжкова Л.Г.¹⁸, студентка 2-го курса исторического факультета МГУ. Вела себя вызывающе. Заявила, что хорошо знает Галанскова.

Болтрукевич А.М.¹⁹, неработающая, проживает: Черныцыно, 37, кв. 26.

Болтрукевич А.В.²⁰, преподаватель института восточных языков историко-архивного института. Болтрукевич и его жена заявили, что они пришли на площадь Пушкина по приглашению Галанскова. На вопросы отвечать отказались.

Гут Л.И.²¹, проживающая по адресу: Ордынский тупик, 4, кв. 20. В настоящее время без определенных занятий. До октября с.г. работала в качестве архитектора в Центральном научно-исследовательском институте экспериментального проектирования. На сборище вела себя вызывающе. В беседе отстаивала правомерность своих действий.

Шухт А.В., лаборант заочного института советской торговли. В беседе отказался назвать человека, который принес ему листовку. Пишет стихи, которые, по его мнению, могут быть опубликованы через 50 лет, поделился тем, что в своей библиотеке имеет книги Цветаевой и еще

¹⁷ Эта и другие фамилии (кроме Рыжковой, А.М.Болтрукевич, Стросовой, Титова, С.Б., С.В., Хаустова, Яценко, С.Н.) отмечены карандашом галками.

¹⁸ РЫЖКОВА Людмила Геннадьевна (1941–2003), впоследствии художница.

¹⁹ В тексте здесь и далее ошибочно: Ботрукевич.

²⁰ БОЛТРУКЕВИЧ Анатолий Васильевич (1936–2003), востоковед, математик, знакомый Ю.Галанскова. До конца жизни преподавал математику в МИСИ.

²¹ ГУТ Любовь Ивановна.

кое-что. В беседе высказал явные антисоветские взгляды, неверие в победу коммунизма.

Шухт Н.А., студентка 3-го курса физического факультета МГПИ имени Ленина. На сборище кричала и протестовала против задержания некоторых лиц. Не скрывала, что она общается с Галансковым.

Строева Е., содержательница салона так называемых «непризнанных поэтов» и «смогистов».

Титов Ю.В., муж Строевой, художник, проживает по адресу: Васильевская улица, 15/24, кв.5.

Бугорский В.К.²², студент 1-го курса театрального училища имени Щукина.

С.Б., студент 5-го курса факультета журналистики МГУ. В процессе беседы С.Б. не скрывал своих нигилистских взглядов.

С.В., инженер, в настоящее время на пенсии. Проживает в г.Болшево. Отец С.В., на площади был в нетрезвом состоянии, имел при себе стихи антисоветского содержания.

Хаустов В.А., рабочий комбината по ремонту мебели. Ранее принимал участие в сборищах на площади Маяковского. Своих антисоветских настроений не скрывает.

Кристи И.Г., работает в институте теоретической экспериментальной физики, в 1959 году закончила механико-математический факультет МГУ. Заявила, что знакома с Вольным.

Виленский Ю.М., проживает по адресу: ул. Горького, 11, кв. 8. Страдает шизофренией, нигде не работает.

Яценко С.П., методист Московского дворца пионеров. Пришел на площадь вместе с Кристи И. Г. Узнал о предстоящем сборище еще 2 декабря.

С.Н., студент 1-го курса биолого-почвенного факультета МГУ. Имел при себе переписанную от руки провокационную листовку²³.

В беседах выяснилось, что многие из задержанных в той или иной мере заражены антисоветскими настроениями. Большинство организаторов «манифестации» ссылаются на то, что они являются психическими больными.

Более подробное знакомство с другими участниками сборища показало, что в своих коллективах они характеризуются отрицательно, являются отстающими студентами, систематически нарушают производственную дисциплину.

Вот лишь два примера:

²² БУГОРСКИЙ Валерий К., 7 декабря 1965 отчислен с 1-го курса Театрального училища им.Щукина «за недостойное поведение вне стен училища».

²³ Абзацы, посвященные Яценко и С.Н., отчеркнуты на правом поле страницы.

Бугорский – за несколько месяцев учебы в театральном училище им. укина имеет два выговора с предупреждением об исключении за систематические пропуски занятий.

Рыжкова – учится плохо, постоянно имеет академическую задолженность. В общественной жизни не участвует, ведет себя высокомерно.

ЦК ВЛКСМ считает, что подобные действия являются результатом серьезных недостатков в деятельности некоторых комсомольских организаций г.Москвы. Работники ЦК и МГК ВЛКСМ предпринимают сейчас соответствующие меры для того, чтобы навести должный порядок в работе этих организаций.

Вместе с тем закономерен, на наш взгляд, и вывод о том, что здесь налицо заранее и тщательно продуманная антисоветская провокация. Вот почему профилактические действия среди организаторов этого собрания вряд ли возымеют воспитательное значение²⁴.

Направляем для информации.

Приложение – на 5 листах²⁵.

СЕКРЕТАРЬ ЦК ВЛКСМ

/С. ПАВЛОВ/

РГАНИ. Ф.5. Оп.30. Д.462. Л.181–184. На бланке.

Из приложений к записке Павлова

Заверенная копия листовки, изъятой на площади Пушкина

Копия

Текст листовки, распространяемой
на площади Пушкина. 5 декабря с.г.

Железнодорожные пассажиры.

Если взглянуть на нас просто, по-житейски, мы находимся в положении пассажиров, попавших в крушение в длинном железнодорожном туннеле, и притом в таком месте, где уже не видно света начала, а свет конца настолько слаб, что взгляд то и дело ищет его и снова теряет, и даже в существовании начала и конца нельзя быть уверенным. А вокруг себя, то ли от смятения чувств, то ли от их

²⁴ Абзац отчеркнут на левом поле страницы.

²⁵ Мы воспроизводим ниже лишь одно из приложений, так как остальные – уже известное читателю «Гражданское обращение» (Там же. Л.185) и фотокопии плакатов, изъятых у демонстрантов (Л.187–189, см. ил. в нашей книге).

обострения, мы видим одних только чудовищ, да еще, в зависимости от настроения и раны, захватывающую или утомительную игру, точно в калейдоскопе.

«Что мне делать?» или «Зачем мне это делать?» — не спрашивают в этих местах.

Там же. Л.186.

ЗАРУБЕЖНАЯ ПРЕССА О МИТИНГЕ

Протест в Москве по поводу ареста писателя²⁶

(Нью-Йорк Таймс, 12 декабря 1965)

Москва, 11 декабря (Агентство Рейтер).

Как сообщили нам сегодня вечером информированные источники, около двухсот московских студентов пытались провести здесь в прошлое воскресенье демонстрацию в защиту арестованного русского писателя, однако им помешала служба безопасности. Некоторые руководители демонстрации были задержаны, но через несколько часов освобождены. Студенты московского Литературного института им. Горького несли плакаты, призывающие к открытому суду над Андреем Д. Синявским — лектором института. Советские официальные лица подтвердили, что г-н Синявский, известный литературный критик и постоянный автор ведущего литературного журнала «Новый мир», находится под следствием. Г-н Синявский, по слухам, опубликовал на Западе произведения с критикой Советского Союза под псевдонимом Абрам Терц. Студенты, как нам сообщили, собрались около статуи поэта Александра Пушкина, на площади Пушкина в центре города. Но заранее предупрежденные сотрудники службы безопасности в штатском помешали им поднять плакаты. Студент, который попытался сказать речь, был схвачен. После ареста руководителей остальные участники демонстрации рассеялись. Под следствием вместе с г-ном Синявским находится еще один писатель, Юлий М. Даниэль. Как сообщается, он публиковал свои произведения за границей под псевдонимом Николай Аржак.

²⁶ Перевод с английского К.Ряд.

О демонстрации 5 декабря в Москве²⁷

(Газета «Орор» (Париж), 13 декабря 1965)

Двести советских студентов устроили в Москве манифестацию, и потребовалось вмешательство «органов» госбезопасности, чтобы разогнать манифестантов.

Агентство ТАСС и советские газеты, конечно, об этом умолчали, благодаря чему вести об этом только через неделю дошли до Парижа.

Это произошло 5 декабря, вечером. Студенты Литературного института имени Горького собрались у памятника Пушкина на площади его имени в центре Москвы. Они собрались мирно демонстрировать против ареста их лектора Андрея Синявского²⁸, заключенного в тюрьму уже несколько месяцев назад за то, что он опубликовал во Франции и в Англии, под псевдонимом Абрам Терц, свои сатирические произведения, не понравившиеся властям.

(Итальянские и американские писатели недавно отправили петицию нобелевскому лауреату Шолохову и Косыгину с просьбой о содействии освобождению Синявского²⁹.)

Синявский должен предстать перед судом в начале 1966 года.

5 декабря органы госбезопасности пресекли выступление студентов у памятника Пушкина. Агенты госбезопасности (в штатском) и милиционеры (в форме) разогнали манифестантов и арестовали главварей, которые, впрочем, через несколько часов были отпущены. Но последние, вероятно, будут исключены из института, как это имело место и раньше с опасными для власти борцами за свободу мысли.

Дело 5 декабря — не первое; уже в течение двух лет молодая советская интеллигенция (или просто советская студенческая литературная молодежь) ведет борьбу за свободу, сопровождаемую подчас резкими выступлениями. Люди борются как за собственную независимость, так и за освобождение советских писателей, арестованных или заключенных в дома для умищенных (за то, что они перешли рамки допустимой критики).

Письмо одного молодого студента из Москвы, тайно переданное за границу и опубликованное в одной английской газете и в русском еженедельнике «Посев», издающемся во Франкфурте-на-Майне, уточняет, что студенты объединились в организацию «СМОГ», которая ведет открытую борьбу с режимом и поэтому встречает враждебное отношение со стороны комсомола.

²⁷ Перевод публ. по: Посев. 1966. 14 января.

²⁸ Синявский не имел отношения к Литинституту, после увольнения из МГУ в 1958 единственным местом, где он преподавал, была Школа-студия МХАТ.

²⁹ Оба обращения см.: Белая книга: Сб. документов по делу А.Синявского и Ю.Даниэля / Сост. А. Гинзбург. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1967. С.43–44, 46–47.

СМОГ берет на себя ответственность за все манифестации студентов, о которых агентство ТАСС старается умолчать, в частности о той манифестации, которая произошла 14 апреля у памятника поэта Маяковского с требованием освобождения арестованных писателей Бродского, Осипова, Нарницы и Буковского³⁰.

СМОГ еще не сказал своего последнего слова.

*Питер Грос*³¹

Известный поэт задержан в Москве во время демонстрации протеста против ареста двух писателей³²

(Нью-Йорк Таймс, 18 декабря 1965)

Москва, 17 декабря 1965 года.

Авторитетные источники сообщили сегодня о том, что Александр Есенин-Вольпин, сын одного из величайших русских революционных поэтов, был недавно задержан и подвергся угрозам со стороны советских властей за организацию общественных беспорядков в связи с арестом двух советских писателей, которые должны предстать перед судом.

Г-н Есенин-Вольпин был освобожден после того, как он получил заверения, что два писателя — Андрей Синявский и Юлий Даниэль — будут судимы открытым, гласным судом. Надежные источники информации сообщают, что судебный процесс начнется в следующем месяце в Москве.

Г-н Синявский обвиняется в написании антисоветской литературы и в нелегальной передаче ее на Запад под псевдонимом Абрам Терц.

Г-н Даниэль обвиняется в таком же преступлении, которое он совершил под псевдонимом Николай Аржак. Арест обоих писателей вызвал широкий отклик в советских интеллектуальных кругах, где они оба были хорошо известны своими сочинениями неполитического характера.

Когда в связи с этим в Москве возникла обеспокоенность, событиями заинтересовались западные интеллектуальные круги. Тот факт, что известный поэт г-н Есенин-Вольпин рискует быть арестованным за привлечение общественного мнения к этому делу, стал известен и получил официальное подтверждение.

Г-н Есенин-Вольпин, сорока одного года, сын Сергея Есенина, пламенного поэта, покончившего жизнь самоубийством в 1925 году, является специалистом по логике, работает в одном из институтов

³⁰ Демонстрация смогистов 14 апреля 1965 проходила под экстравагантными, но чисто литературными лозунгами.

³¹ ГРОС (Gross) Питер, журналист (США). Живет в штате Массачусетс, преподает в Гарвардском университете.

³² Перевод с английского И.Кристи и Г.Генкина.

Академии наук. В Нью-Йорке он опубликовал свою книгу, критикующую Советский Союз.

Это не первое его столкновение с советскими властями. Около четырех лет назад он подвергся обвинениям со стороны Никиты Хрущева, тогдашнего премьер-министра, и был заключен в психиатрическую больницу. Подобная практика применялась в отношении непослушных литераторов как замена заключения в тюрьму.

Самый недавний случай, связанный с Есениным-Вольпиным, произошел 5 декабря, в день официального праздника, посвященного советской конституции. Г-н Есенин-Вольпин возглавил экстраординарную и очень короткую демонстрацию на Пушкинской площади в центре Москвы. Около двухсот демонстрантов были разогнаны людьми в штатском за несколько минут. Около двадцати студентов университета были задержаны вместе с Есениным-Вольпиным и религиозным учителем Юрием Титовым.

Приглашения на демонстрацию

Приглашения на демонстрацию были написаны от руки на листках бумаги. Каждому, кто прочтет этот листок, предлагалось передать эту информацию двум надежным людям. Власти узнали об этих планах, когда копии этих листков оказались развешанными на досках объявлений многих факультетов Московского государственного университета, в Библиотеке Ленина в центре города и даже на уличных киосках. Демонстранты требовали открытия суда над двумя арестованными писателями в соответствии с Советской Конституцией. Эти обращения призывали граждан бороться против произвола в судопроизводстве.

Как сообщают, г-н Есенин-Вольпин размахивал лозунгом с надписью: «Уважайте Советскую Конституцию!». Остальные несли плакаты с надписью: «Мы требуем гласного суда над Синявским и Даниэлем!». Не более трех или четырех плакатов были развернуты перед тем, как вмешались люди в штатском. Один плакат был ими разорван на куски. Г-н Есенин-Вольпин, человек с молодежавым лицом, был схвачен за руку и в сопровождении двух людей в штатском отведен в соседнее административное здание.

Два с половиной часа допроса

Кошмарный допрос поэта представителями власти продолжался два с половиной часа. Авторитетные источники сообщили следующее.

Г-на Есенина-Вольпина спросили, зачем он нес плакат, требующий уважения конституции.

«А почему бы мне его не нести? — ответил он. — Разве это не правильно — требовать уважения конституции?»

«Вы адресуете ваше требование советским руководителям?» — спросили Есенина-Вольпина.

Он якобы ответил: «Это предлагаете вы. Если вы считаете, что они нуждаются в этом совете, дайте им возможность его получить».

После подобной словесной перепалки, продолжавшейся более часа, г-н Есенин-Вольпин прочитал теоретическую лекцию об «уважении к правовым нормам». После этого он был освобожден и вернулся в свой дом в современном пригороде Москвы. Он был предупрежден о том, что власти в его академическом институте будут информированы о его «антиобщественном поведении» и что дальнейшие обвинения против него могут появиться в советской прессе.

Насколько известно, все люди, задержанные на демонстрации, были освобождены, хотя есть сообщения, что десять студентов были исключены из университета.

Антиправительственная демонстрация в День Конституции

(Посев (Франкфурт-на-Майне), 1 января 1966)

В двух последних номерах минувшего года наш еженедельник сообщал об антиправительственной демонстрации, состоявшейся в воскресенье 5 декабря на Пушкинской площади Москвы, и карательных мерах режима.

Сегодня мы печатаем более подробное сообщение по этому поводу, которое во вторник 21 декабря представители редакции журнала «Грани» распространили в Париже среди информационных агентств различных стран и редакций местных газет. Известно, что крупнейшие агентства, как «Юнайтед пресс интернейшнл» (США) и «Рейтер» (Великобритания), тотчас же составили объемистые коммюнике, предназначенные для их издательско-журналистической клиентуры. Известно также, что материал был использован, например, такой крупной европейской газетой, как шведская «Дагенс нюхетер». В момент, когда пишутся эти строки, еще рано судить, насколько широко сообщение «Граней» охватит иностранных читателей международной прессы (из российской эмигрантской прессы этот материал уже напечатала парижская «Русская мысль»). Несомненно, что об этой акции скоро узнают и в нашей стране, и наш народ, наша интеллигенция, наша молодежь могут только одобрить такие шаги.

Задача политической эмиграции, поскольку она не отрывается от народа и его борьбы, а рассматривает себя в качестве одного из отрядов, занимающего свой специфический участок фронта, заключается, в частности (и далеко не в последнюю очередь), в том, чтобы апеллировать к мировому общественному мнению, доводить до сведения мировой общественности все то существенное, важное, что происхо-

дит в нашей стране, особенно на фронте освободительной борьбы народа против власти, сковывая силы власти и обеспечивая моральную поддержку народу и его общественности. Широкая же информация мировой прессы и радио, помимо того, способствует разрешению чрезвычайно важной задачи: пробить барьер казенного замалчивания и сделать достоянием всего нашего народа опыт лобовых атак против тоталитарного режима, а также популяризовать факты и имена, мобилизуя на борьбу новые силы.

В этом номере «Посева», несколько далее, мы печатаем также поступившие из страны новые сведения о народных волнениях в Новочеркасске, имевших место в июне 1962 года. Из них видно, насколько живучи в народной памяти факты борьбы, как рассказы о подвигах освободительных сил, о замешательстве в армии, о злодеяниях коммунистических тиранов и их янычар приобретают легендарный оттенок, сочетая сущее и должное.

Декабрьская демонстрация в столице (после апрельской — вторая за год!) вновь оказывается преимущественно молодежной. Показательно и символично, что эпицентр молодежного бурления передвинулся от площади Маяковского (б. Садовая-Триумфальная) к Пушкинской площади, от памятника Маяковскому к памятнику Пушкину: ближе к Кремлю и как бы под благословение родоначальника национальной поэзии.

Но эта демонстрация примечательна и другим: по новым данным, поэт Есенин-Вольпин (вновь вырвавшийся на свободу) там выступил с плакатом «Уважайте собственную Конституцию!»... Как 1 мая 1964 года пражская молодежь использовала Первомай, так ныне у нас использован День Конституции. Скоро власти придется бояться собственных «праздников»!

Сообщение об аресте Л. Губанова, В. Буковского и Ю. Вишневской

1. В Москве арестованы молодые поэты Леонид Губанов, Владимир Буковский и Юлия Вишневская. Они арестованы в связи с демонстрацией 5 декабря с.г., которая была организована под лозунгом «Свободу — Синявскому». Кроме того, им предъявлено обвинение в том, что они пересылали за границу свои произведения для публикации.

2. Леонид Губанов³³, которому сейчас 19–20 лет, — талантливый поэт, один из вдохновителей СМОГ. Он редактировал журнал «Аван-

³³ ГУБАНОВ Леонид Георгиевич (1946–1983), поэт; в 1964 отрывок из его поэмы «Полипа» опубликовал с предисловием Е.Евтушенко журнал «Юность» (№ 6). В 1965 один из основателей и поэтический лидер группы СМОГ. Редактор самиздатских журналов «Чу!» (частично републикован в журнале «Грани». 1966. № 61), «Авангард». Участник «митинга гласности», вскоре после демонстрации принудительно госпитализирован. Жил случайными заработками, в СССР более не издавался.

гартд»³⁴, издававшийся в Москве. Кроме того, по рукам ходят три сборника его стихов: «Болезнь», «Ждите» и «Лики». Его стихи публиковались в журнале «Юность».

Владимир Буковский был уже ранее, в 1962 г., атакован советской прессой за участие в сборнике «Феникс»³⁵. Впоследствии был арестован. На демонстрации 14 апреля с.г. в Москве, организованной СМОГ, требовали его освобождения. Очевидно, он был вскоре после демонстрации освобожден. Так как его фамилии среди авторов, печатавшихся в различных молодежных журналах, нет, то надо предположить, что свои произведения он подписывал псевдонимом.

Юлия Вишневская, молодая поэтесса, еще школьница — ей 16 лет. Ее стихи были опубликованы в сборнике «СМОГ — молодой».

3. СМОГ объединяет литературную молодежь, которая ставит своей целью борьбу за свободу творчества в России, за поиски новых путей в искусстве, за освобождение тех литераторов, которые пали жертвами произвола властей (Бродский, Нарича³⁶, Осипов³⁷, Синявский, Даниэль). Советская пресса и секретарь ЦК комсомола Павлов неоднократно атаковали СМОГ в этом году.

4. Обвинение Л.Губанову, В.Буковскому и Ю.Вишневской в отправке своих рукописей за границу ничем не подкреплено. Издаваемые молодежью многочисленные сборники ходят по Москве из рук в руки и даже попадают в другие города России, например Ленинград. Естественно, что они попадают и за границу, независимо от действий их издателей, редакторов и авторов. Один из таких сборников, «Сфинксы»³⁸, под редакцией В.Я.Тарсиса, был совсем недавно передан ре-

³⁴ «Авангард» — самиздатский, в основном поэтический, журнал группы СМОГ под редакцией Л.Губанова, при участии В.Батшева. Был выпущен единственный номер (М., 1965). Стихи и проза републикованы в журнале «Грани» (1966. № 60–61).

³⁵ «Феникс» — самиздатский сборник прозы, поэзии (стихи поэтов «Маяка»), публицистики, составленный и выпущенный Ю.Галансковым весной 1961 (Москва), полностью републикован в журнале «Грани» (1962. № 52).

³⁶ НАРИЦА Михаил Александрович (1909–1993), скульптор, мемуарист; узник сталинских лагерей и ссылок (1935–1940, 1949–1956); под псевдонимом М.Нарымов опубликовал за рубежом мемуарную повесть («Грани». 1960. № 48), добивался эмиграции из СССР, узник «психушек» (1961–1964, 1975–1976).

³⁷ ОСИПОВ Владимир Николаевич (р.1938), историк, публицист, общественно-политический деятель, мемуарист; участник поэтических чтений на площади Маяковской, редактор самиздата; политзаключенный (1961–1968); стал одним из лидеров движения русских националистов, издавал журналы «Вече» (1971–1974), «Земля» (1974); выступал в защиту преследуемых по политическим мотивам; вновь арестован (1974–1982). Живет в Москве, глава общественно-религиозного движения «Христианское возрождение».

³⁸ «Сфинксы» — самиздатский литературный журнал; редактор и составитель единственного номера (М., 1965) В.Я.Тарсис. В журнал вошли стихи поэтов «Маяка» и участники группы СМОГ, а также произведения А.Галича, Б.Слуцкого, Д.Самойлова, включенные в издание без их согласия. Републикован в журнале «Грани» (1965. № 59).

дакции журнала «Грани» одним из наших московских читателей. Мы опубликуем его так же, как ранее публиковали сборники «Синтаксис»³⁹, «Феникс», а также произведения Пастернака, Ахматовой, Солженицына, Бродского, Антокольского, Окуджавы и др., не публикующиеся в России, но передаваемые там из рук в руки и размножаемые разными способами.

5. Надо отметить, что проф. Н.Н.Вильмонт, известный советский германист, выступая во Франкфуртском университете 13 декабря с.г., в ответ на вопрос студентов о судьбе Синявского, заявил, что в Советском Союзе нет закона, по которому авторов могли бы преследовать за пересылку и опубликование своих рукописей за границей.

Сурков и Твардовский на пресс-конференции в Париже 22 ноября с.г., в ответ на вопрос представителя «Граней» о судьбе Синявского, заверили прессу, что «беззакония допущено не будет».

6. По последним сведениям, Л.Губанов, В.Буковский и Ю.Вишневская помещены в психиатрическую лечебницу под предлогом, что они «больны». Шестнадцатилетняя Ю.Вишневская была арестована в школе.

7. Борьба за либерализацию в Советском Союзе — не только дело русской молодой интеллигенции. В этом заинтересован и Запад. Роль общественного мнения и прессы западного мира очень велика в этой борьбе. Чем подробнее и шире здесь будут освещаться факты этой борьбы, чем сильнее будет протест против произвола, — тем скорее будет идти процесс в России.

8. Русская молодежь действительно «больна» — она больна стремлением к свободе!

Студенты МГУ — в защиту Синявского и Даниэля

(Посев, 21 января 1966)

Москва. В начале декабря в Московском университете состоялось также собрание студентов, на котором единогласно была принята резолюция, требующая, чтобы правительство освободило Синявского и Даниэля.

Однако, по совету одного высокопоставленного лица, сочувствующего подобным настроениям, эта резолюция в конечном итоге не была передана властям. По-видимому, это лицо убедило студентов, что их демарш будет нецелесообразным.

В Москве говорят, что сторонники Синявского и Даниэля пользуются поддержкой части высшего партийно-правительственного руководства, что отчасти и объясняет их поведение.

³⁹ «Синтаксис» — самиздатский поэтический альманах, выпускавшийся А.Гишбургом (М., 1959–1960. № 1–3). Первенец неподцензурной периодики. За границу выпуски попали только через пять лет, републикованы в журнале «Грани» (1965. № 58).

Рассказывает Дмитрий Зубарев

На другой день по факультету бегал с вытаращенными от злости и страха глазами зам. декана Михаил Никитич Зозуля (по общему мнению, сотрудничавший с КГБ) и мрачно повторял: «Такой антисоветской вылазки в Москве не было со времен троцкистской демонстрации 1927 года!»

Мне кто-то передал фразу начальства: мол, к сожалению, на площади очень много было студентов с нашего факультета, во главе с аспирантом Драновым. Тут я понял, что дело плохо. Я чувствовал ответственность за него (ведь это я сказал ему о демонстрации), вызвал его на беседу и сказал: «Саша, тебе надо уезжать. Сегодня же. Под любым предлогом: хоть из-за болезни двоюродной бабушки. А через месяц достать какие-нибудь оправдательные документы и появиться». Не знаю, прав ли я был и помог бы ему мой совет или нет, но он так и не понял серьезности ситуации и не послушался меня, тем более, что я был студентом третьего курса, а он — уже аспирантом. Засмеялся, махнул рукой: «Ерунда какая! Что я там вообще делал? Подумаешь, постоял, потолкался!»

Через два дня его, Молчанова и Савчука — трех человек — вызвали в факультетское бюро комсомола. Была разборка. Их попросили объяснить, что они там делали, как туда попали. Молчанов вел себя вызывающе, он уже тогда был достаточно сформировавшимся в идейном смысле человеком, он им сказал (я с чужих слов передаю), что никому ничего объяснять не намерен, был там, где хотел, делал то, что хотел. Когда его спросили, как это соотносится с пребыванием в ВЛКСМ, он тут же отдал им билет. Так и сказал: «Заберите ваш билет!» Исключили единогласно. Потом его перевели на заочное отделение. Указаний на отчисление студентов не было, достаточной мерой сочли перевод на заочное отделение.

Я не помню про Савчука, был ли он комсомольцем, а если был, то что с ним сделали. А Дранов сопротивлялся, не хотел, чтобы его исключали. Он пытался сделать вид, будто не понимает, что происходит, старался всячески преуменьшить свое значение, и в итоге его исключили из комсомола с каким-то незначительным перевесом голосов.

Окончательно утверждали его исключение в комитете комсомола МГУ. В главном здании, на десятом этаже, где мрамор, ковры и дубовые стены. Я знал, что моя фамилия будет фигурировать, потому что Дранов меня назвал. Его очень долго допрашивали по поводу того, кто ему сказал о демонстрации, и он очень долго не называл мою фамилию, а потом все-таки назвал. Поэтому я тоже пришел в комитет, хотя меня никто не вызывал.

Дранова исключили из комсомола, несмотря на его отчаянное сопротивление. Потом его отчислили и из аспирантуры. С формулировкой очень гадали, за что его отчислять, решили — за недостойное поведение, хотя ничего недостойного в этом не было, кроме того, что он был на площади и пытался посмотреть, что делается. На его карьере это сказалось крайне скверно: его, правда, восстановили в аспирантуре, но лишь через десять лет, и диссертацию он защитил только где-то в начале 80-х, то есть совсем в другом историческом времени...

В тот день разбирали не одного Дранова, и я был свидетелем замечательной сцены, когда исключали какую-то девушку с другого факультета. Она, наверное, не ждала, что вынесут такое решение, и, когда ей сказали, что ее исключают из комсомола, закричала: «Вы здесь все фашисты!» — и выбежала, хлопнув дверью. Стеклопанельная дверь разбилась, и девушка поранила себе руку осколком. Из руки хлынула фонтаном кровь, все перепугались и закрыли заседание⁴⁰. Обсуждение Дранова и Молчанова перенесли на следующую неделю.

Воробьев комсомольцем не был, и исключать его было неоткуда, кроме как из университета. Основания имелись: он не был допущен к зачету по истории партии и, по-моему, по иностранному языку. И вот его вызывают повесткой в деканат и говорят:

— Олег Иванович, в соответствии с университетским уставом, на основании статьи такой-то, вы, как недопущенный к зачетной сессии, отчисляетесь из числа студентов МГУ. Вам понятно решение?

— Понятно.

— Вы собираетесь его обжаловать?

— А чего жаловаться, — говорит он, — и тут большевики, и там большевики.

Немая сцена. Такого они, хотя и были наслышаны о его злобной сущности, не ожидали. Одна преподавательница не растерялась, говорит:

— Так вам что, коммунистическая партия не нравится?

— Да, не нравится! — говорит Воробьев, сверкая глазами и железными зубами.

— Может, вам и советская власть не нравится? — продолжает спрашивать она.

— Да, не нравится, — отвечает Воробьев.

— Так поезжайте за границу!

— Как? — спрашивает Воробьев.

Вот тут они растерялись. Эмиграция тогда еще и близко не начиналась — был январь 1966 года. Короче говоря, он с гордым видом поля боя покинул.

⁴⁰ Речь идет о студентке 5-го курса факультета журналистики Г.Н.

А для Молчанова это закончилось переходом на заочное отделение. По-моему, он нормально доучился. На Поликовскую и Геннадия Ефимова пытались как-то воздействовать по академической линии, затруднить им учебу. Ефимову провалили курсовую работу, ему, по-моему, пришлось перевестись на заочное отделение. К Поликовской придраться было сложнее — она хорошо училась. Но, когда она в 1967-м закончила университет, ей собрались предложить аспирантуру. Однако, познакомившись с ее личным делом, сказали, что, к сожалению, об аспирантуре придется забыть: «Что это у вас там была за история?» Хотя ее никогда не вызывали ни на какие собеседования.

У меня вообще не было никаких неприятностей. Я был круглый отличник, получал именную стипендию, и, скажем, перевести меня на вечерний при одних «пятерках» было довольно трудно. Но по комсомольской линии можно было меня наказать, и не имело значения, отличник я или нет. Однако дело ограничилось некоторой беседой, о которой я сейчас и расскажу.

Вдруг приглашают меня в деканат и говорят: «Вас вызывает ректор». Я обалдел, потому что никогда в жизни никаких дел с ректором у меня не было. Захожу в кабинет ректора, жду. Вдруг входит некая дама:

— Здравствуй! Давай познакомимся. Меня зовут Елена Борисовна. Я из КГБ.

Разговор продолжался около часа. Елена Борисовна просила меня написать объяснительную записку по поводу демонстрации: как я узнал и вообще — как я дошел до жизни такой. Я ей объяснил, что Синявский — известный ученый. Как же его арестовали ни за что ни про что?

— А от кого узнал о митинге?

Я рассказал про то, как у нас зачитали листовку на лекции по истории партии. Она была крайне недовольна и спросила:

— А что это у вас за преподавательница такая?

Спросила, кого я видел еще на демонстрации. Тут я сказал, что осведомителей достаточно, кроме меня. Сами ищите. Пыталась меня про Поликовскую спрашивать, я эту тему замял.

Потом она мне сказала:

— Есть ли у вас среди знакомых политзаключенные?

Я сказал:

— Нет.

Совершенно нагло врал. Я водил знакомство с таким Кузнецовым⁴¹, который отсидел несколько лет в мордовских лагерях. Она говорит:

— Ну, может, бывшие политзаключенные?

⁴¹ КУЗНЕЦОВ Владимир Петрович (р. 1936), в 1957, будучи студентом филфака МГУ, арестован за распространение листовок. Вышел на свободу в 1959. В 1965 работал на химическом факультете МГУ. Живет в Москве, пенсионер.

Я говорю:

— Все равно нет.

— Зачем вы лжете, Зубарев? — говорит она.

Я говорю:

— А зачем вы спрашиваете?

Она прекрасно знала, конечно, про Кузнецова, знала, что я бываю у него в гостях и он бывает у меня в общежитии, но хотела, чтобы я сам об этом сказал. Ну а я, естественно, не хотел отвечать: если она сама знает, ну и пускай тогда сама задает конкретные вопросы. Она была очень недовольна и под конец сказала:

— Вот вы спросите у вашего знакомого, который был в мордовских лагерях, какая там жизнь, и подумайте, где вам лучше жить — в университетском общежитии или там! И всем вашим знакомым тоже скажите.

Спрашивала про Воробьева, про то, какие у меня с ним отношения. Тяжело вздохнув, заметила, что случай запущенный и что с ним делать — непонятно. Но есть у них в запасе некий вариант и для Воробьева.

Обо мне она сказала, что раз у меня все так хорошо с учебой, то они, КГБ, дали указания меня по комсомольской линии не проработывать, и что она надеется, я сделаю правильные выводы из всего происшедшего. И, написав заявление и дав подписку не разглашать содержание данной беседы, я ушел. А выводы я сделал: понял, что есть какая-то грань, которую «они» терпят, не желая увеличивать количество оппозиционеров. Вот Воробьев еще пять лет гулял на свободе. Причем был явно недоволен, что его не берут, — он очень хотел попасть в тюрьму!

Больше во время учения в университете у меня никаких контактов с этой организацией не было. Более того, когда через много лет госбезопасность вновь проявила ко мне интерес⁴², эта история мне не напоминалась.

...Для меня, как и для всех моих знакомых, 5 декабря — это некоторый исторический рубеж: появление нового гласного ненасильственного массового общественного движения в Советском Союзе.

Я человек достаточно замкнутый, книжный, и больше в таких открытых формах противостояния участия не принимал. Я начал заниматься литературой. Мое дальнейшее участие в движении было письменным и анонимным.

⁴² В начале 1980-х, в связи с участием Д.Зубарева в выпуске неподцензурного исторического сборника «Память».

Рассказывает Эдуард Молчанов

Истинное отношение со стороны властей к тому, что произошло, мы стали понимать в последующие дни. Через три дня я пришел на факультет, и мне сообщили, что меня исключили. «По какой статье?» — «За неуспеваемость». — «За неуспеваемость — успевающего!» Обидно не было, было горько. Я уже давно учился по инерции, помня, что мама вырастила одна нас троих, в ужасающих условиях, и возлагала большие надежды на старшего — меня, которым она втайне гордилась. Спустя неделю сообщили, что я восстановлен. Мне объяснили, что в ЦК, узнав о реакции западных средств массовой информации на количество преследуемых после митинга, дали отбой, решив сократить это число, чтобы не пострадал международный престиж страны. Доступный нам эфир («Свобода», «Голос Америки») гудел, восторгаясь беспрецедентным «мужеством» студентов. По «Свободе» прочитаны были стихи «Потомкам декабристов» с посвящением (в перечень угораздила и моя фамилия). Но осуждающие дежурные голоса советской печати притихли. Кампания закруглялась. Однако в печать (кажется, «Правда») просочилась с упущения цензуры глупая статья (глупая с точки зрения идеологического аппарата), журащая слепых котят, которые, не ведая что творят, поддались провокации негодяев, и таких котят оказалось несколько десятков. Это была ошибка. Признать, что в университете набралось несколько десятков диссидентов, было нельзя — пища для вражеской пропаганды. Этим и объясняются быстрое восстановление и некоторая мягкость репрессий. Зато началась негласная кампания по нашему устранению с факультета. Мою курсовую работу, посвященную орнаментальной прозе 1920-х годов, рекомендованную к опубликованию в журнале «Филологические науки», зарубили: «Вы сюда пришли не утверждать, а учиться», — на что я возразил, что пришел сюда учиться утверждать, и отказался менять концепцию работы. Научный руководитель семинара Иван Федорович Волков (еще вчера либеральничавший) выставил мне трояк. В знак протеста я перебрался в другой семинар, посвященный древнерусской литературе.

По одному нас стали вызывать в отделение ректората на Моховой, где в предбаннике кабинета проректора вела допросы сама Елена Борисовна. Потом каждую неделю я обязан был докладывать ей, где я и что делаю⁴³. Пыталась обрабатывать меня, может быть, чтобы привлечь к сотрудничеству. Разговаривала на наивном, дилетантском языке, мол, нас со всех сторон окружают враги, мы должны быть бдительными и т.п. Я вел себя несколько нестандартно, мол, не вижу в сво-

⁴³ Вероятно, неоднократные вызовы объяснялись тем, что Э. Молчанов был ближайшим приятелем О. Воробьева — главного объекта «разработки» Е. Б. Козельцевой в эти месяцы.

ем поведении состава преступления, что они сами виноваты – из мухи сделали слона, а как было бы просто, если бы все проходило гласно, тогда и шума бы не было, и этих бесед. Я все понимал, но, выбрав стиль поведения, придерживался своих правил игры. В одну из таких бесед зазвонил телефон, я понял: речь шла обо мне. «Он не стандартный, и личностное его проявление нестандартно».

Как-то я спросил у нее: «Елена Борисовна, вы вот подполковник. Подполковниками не становятся за неделю. Надо полагать, вы прошли хорошую службистскую линию. Экстраполируя эту линию назад во времени, вы служили во времена Сталина. Значит, и на вашей совести репрессии». — «Я служила в контрразведке» (типичное оправдание выжившего гэбиста). А потом рассказала мне занимательную историю, которая, по ее мнению, обеляла подобных ей. «Послушайте, — сказала она, — собрали со всей страны областных комитетчиков на совещание в Москву. Половину расстреляли, а остальных вернули по местам. Как, по-вашему, они должны были работать?!»

Она не пыталась разузнать что-то особенное. Единственный вопрос: кто там был, да еще «душеспасительные» беседы. Правда, вызывали других по поводу меня. Так, на Лубянке допрашивали Колю Чупеева⁴⁴ (курсом старше), просили охарактеризовать меня, на что он (по его рассказу) стал петь мне дифирамбы.

Неприятности не закончились. Они начались после исключения из комсомола, до естественного выхода из которого мне оставалась пара недель (1 января мне исполнялось двадцать семь лет). Все это очень смешно...

Меня вызвали на заседание вузкома МГУ, в холле на десятом этаже главного здания. Я встретил себе подобных и тех, кто пришел за них переживать. Кстати, там я познакомился с С.Н. с биофака, удивительным мальчиком, обладающим ясным умом и открытой добропорядочностью, граничащей с наивностью: удивляло, как можно было цельно сохраниться в такой чистоте в стране, нормы поведения в которой были обусловлены тем пространством, где ты в данную минуту находился. Приглашали на бюро по одному (как и суд над Синявским и Даниэлем это были закрытые заседания, как, впрочем, и само бюро, заседавшее в нарушение устава: персональные дела членов комсомола полагалось вначале обсуждать на собраниях в «первичках», но это привело бы к огласке и непредсказуемой реакции). Раскрасневшиеся и слегка взбешенные жертвы высказывали одна за другой. Потом выбежала с истошным криком окровавленная Г.Н. — истерически хлопнув стеклянной дверью, она порезала себе руку разбившимся стеклом. Нараставшее напряжение разразилось выкриками негодования, и

⁴⁴ ЧУПЕЕВ Николай, переводчик, в 1965 студент филфака МГУ. Живет в Москве.

«процесс» был свернут. Во всяком случае, я не помню себя в качестве жертвы. Из членов вузкома запомнились только совершенно мерзопакостный Хасбулатов, с хитроумной восточной угодливостью обобщавший то, что совершенно не вытекало из происходящего. Явно готовился к карьере чиновника. Остальные, кроме не запятнанного ни одной мыслью Миши Полупанова, чувствовали себя явно неловко.

На заседании факультетского бюро ВЛКСМ всем руководил Кулешов. Завкафедрой русской литературы, специалист по XIX веку, тогдашний секретарь партбюро факультета, он вел мой допрос как настоящий следователь. Все же остальные знали друг друга и за пределами этого собрания, как мне казалось, мыслили одинаково. И я понимал, что они вынуждены играть роль или подыгрывать, что на первых минутах делал и я, не знаю, дескать, какую цель преследовал митинг. Настаивали на том, чтобы я перечислил присутствовавших на митинге. За дверью стоял Лев Шопин, оскорбленный тем, что он остался в стороне, что его не преследуют, и умолявший меня, чтобы я непременно назвал его. Что я и сделал, и тут же увидел себя как бы со стороны, жуткую двусмысленность всего происходящего, и меня понесло. Я нес чушь об их моральном праве судить, возводить любую ерунду в степень преступления и мимоходом топтать людей, вспарывая им вены, доводя до истерик... Человек вчера спокойно жил, вышел, проявил некую гражданственность и даже не думал быть врагом страны, а сейчас вы делаете из них врагов. Что-то в этом ключе я пытался объяснять им. Протокол не отразил мою гневную филиппику, как не отразил и выступление Саши Морозова⁴⁵, единственного, кто осудил неправомерность допроса и требовал, чтобы меня оставили в покое и сохранили для науки.

Протокол вводит в заблуждение, задавая необходимое восприятие действия и закладывая логику, из которой вытекает решение об исключении. Эта логика должна была находиться в пределах допустимых оценок. Она должна была обосновать нашу «глупость», а не нашу «нелояльность», иначе следовало бы принимать меры по отношению ко всему факультету. Я уж не говорю о том, что протокол не отражает саму атмосферу происшедшего. Так, сидящие напротив меня (я стоял) четко знали, как себя вести, что говорить, пользовались стереотипными формулировками — демонстрировали работу четко налаженного механизма, хорошо знакомого мне из опыта школьных лет, производственных собраний и армейских дрессировок. Понятно, многие из них готовили себя к карьере, так как иного пути не было. Но не-

⁴⁵ МОРОЗОВ Александр Григорьевич (р. 1944), в 1965 студент филфака МГУ. Поэт, прозаик, режиссер, с 1970-х сотрудник издательского отдела Московской патриархии. Его роман «Чужие письма», отвергнутый советскими издательствами, опубликован в 1990-е (Букеровская премия, 1997). Живет в Москве, ответственный секретарь правления Международного фонда славянской культуры и письменности.

которые из них потом подходили ко мне, как бы извиняясь, объясняя, почему да как, ты же понимаешь... Протокол не способен передать тип совка, в котором скрыт и враг, и друг.

Жил я тогда в самом центре Москвы, на улице Огарева, почти напротив Центрального телеграфа. Как выяснилось, люди с моей репутацией поблизости от Кремля проживать не должны. Милиция пыталась выселить меня из Москвы, и по совету друзей я перебрался в бывшую баню в районе метро «Аэропорт». Меня оставили в покое. Но не Елена Борисовна. Когда Воробьева упекли в институт Сербского, я и еще кто-то со мной (чуть ли не Шопин) заявили к декану Соколову и стали блефовать: мол, разбрасаем листовки, подыдем факультет в защиту и т.п. Я тогда к Воробьеву относился двойственно. Он вел себя так вызывающе («я вас ненавижу», «не хочу жить в этой стране» и т.д.), что я одно время заподозрил в нем провокатора, о чем не замедлил сообщить ему. Закончилось дракой и примирением. Так вот, Воробьева в назидание остальным упрятали в психушку. После нашего ультиматума Соколов начал успокаивать: мол, с Воробьевым все в порядке. Я настаивал, дабы меня пропустили к нему, чтобы я мог убедиться в этом. На следующий день меня вызвала Елена Борисовна и назначила встречу: завтра рано утром возле фонарного столба у «Националя». Когда я подошел, там уже топтался на морозе (был конец февраля 1966) в длиннополом черном пальто и с какой-то книжкой под мышкой Соколов. Мы, оказывается, в данной ситуации были на одном уровне: ничтожный студент и смущающийся своим положением (это действительно так) декан. Появилась она на черной «Волге», в которую и водворила нас. Я обратил внимание на заголовок книги, которую декан, явно специально, положил между нами на заднем сиденье. «Несладкая жизнь в эмиграции» или что-то в этом роде. Поймав мой взгляд, сказал: «Пусть почитает, каково жить за границей, куда он так стремится». Я попросил Елену Борисовну останавить машину и купить для Воробьева сигарет, она вышла и вернулась с блоком «Джебела». Мы долго шли по мрачным коридорам института Сербского, натыкаясь на каких-то перекрестках на сержантов с автоматами (спустя годы, когда я сам влип в Сербского с «валютящей» шизофренией, вместо сержантов были прапорщики, но уже без автоматов), которым Елена Борисовна предъявляла какой-то мандат. «Вот так медицинское учреждение!» — подумал я. Наконец перед нами предстал Воробьев. Худой как жердь, жалкая, но устрашающая железом зубов улыбка на сером лице. Бросился чуть ли не в ноги: «Закурить!» Рассказал, что зарабатывает здесь по одной сигарете за чистоку отхожих мест. Наблюдая все это, я понимал, что они устроили встречу с тем, чтобы, с одной стороны, успокоить общественность университета, с другой — оказать психологическое давление на меня.

Я потребовал у Елены Борисовны объяснить, до каких пор будут его держать. И тут Воробьев взмолился: «Сколько можно! Если через неделю, мне на нее как раз хватит сигарет, не выпустите, что-нибудь сделаю, пожалеете!» Его действительно отпустили через неделю. Должно быть, это один из первых опытов применения карательной психиатрии. Вскоре, в андроповские времена, говорили: «Раньше сажали, теперь ложат».

Вскоре я перешел на вечернее отделение филфака по собственной воле. На дневном я учился и работал, и мне это настолько надоело, что я решил днем работать и вечером учиться.

Документы

Из протокола расширенного заседания партбюро филфака МГУ от 7 декабря 1965 г.

<...>

СЛУШАЛИ: А. Г. Соколова.

т. Дранов присутствовал на пл. Пушкина и на просьбы студентов и преподавателей покинуть площадь не реагировал. Тем более, он с группой ребят препятствовал удалению с площади лиц, нарушавших порядок и законы. Не хватило смелости подойти и помочь работникам, наводящим порядок на площади. У Дранова не было гражд. чувства.

ВОПРОСЫ: 1) Как вы там оказались?

2) Объясняли ли женщине⁴⁶, что вы ждете сеанса в кино? (Нет.)

3) Поняли ли, что это была политич. акция? (Теперь да.)

Дранов А.: Я был у знакомых ребят на Маяковке, потом пошли купить сигареты и билеты в кино. Ребята говорили, что на площади будет демонстрация смогистов. Я им говорил, что это ерунда. Когда пришли на площадь, народу было уже много. Мне сказал Здоровцов, что надо уйти оттуда, потом женщина подошла, об этом же сказала, и я через 15 минут ушел. В 7 часов мы были уже снова на Маяковской. Теперь я понимаю, что мне не надо было ходить туда, что это была антиобщественная демонстрация.

Вопросы: С кем вы туда пришли?

Дранов: Осинцев Александр (Воротн. пер., кв. 30)⁴⁷.

⁴⁶ Скорее всего в подобных случаях подразумевается Е. Б. Козельцева.

⁴⁷ По мнению Д. Зубарева, А. Дранов назвал фамилию своего приятеля, чтобы от него не требовали других имен, связанных с МГУ.

ВЫСТУПИЛИ:

ДМИТРИЕВ А.С.⁴⁸

Из обмена мнениями ясно, что Дранов не виновен в умышленных действиях. Но с другой стороны, человек, которого считали политически грамотным, проявил какую-то гражд. [так в тексте] Как можно было вести себя так по-обывательски? Как зевака, вы стояли там.

Мы считали, что т.Дранов достаточно зрел для того, чтобы стать воспит. студентов. Теперь ясно, что он не созрел для аспирантуры.

САМАРИН Р.М.

Выходит, что не знали т.Дранова достаточно хорошо. Если человек в 22 года не может дать четкую характеристику происходящему? Это первый случай на кафедре, но случай тяжелый. У нас аспиранты уже на I курсе принимают зачеты, работают со студентами. Могу ли это вам поручить? Нет. Могу ли поручить работу с иностранцами? Не могу. Одной случайностью этого не объяснишь. Эти события ставят под сомнение ваше пребывание в аспирантуре.

ФЕДОРОВ А.А.⁴⁹ (научн. руководитель)

Что же было упущено в воспитании человека, коль такое случилось? Есть разница между лицом в университете и лицом вне вуза. Видимо, второе недостаточно знаем. В этой истории больше всего удивляет — это ваши друзья. Что бы они ни предложили, вы-то должны занимать четкую позицию. Как же вы можете дружить с той компанией, где придают внимание таким сборищам? Беда началась не здесь, а там, на Маяковке, где вы, как аспирант МГУ, не выдержали первое гражд. испытание.

ПОСТАНОВИЛИ: Передать дело на комс. бюро и партгруппу кафедры (и разобраться). Вопрос рассмотреть при участии зав. кафедрой проф. Самарина Р.М.

ЦАОДМ. Ф.478. Оп.4. Д.2187. Л.35–37. Автограф.

Из протоколов заседаний бюро Комитета ВЛКСМ МГУ

№ 7 от 8 декабря 1965 г.

<...> СЛУШАЛИ: Персональное дело студента I курса биолого-почвенного ф-та С.Н.

КРАЙНОВ: Как вы попали на площадь Пушкина?

⁴⁸ ДМИТРИЕВ Александр Сергеевич (1919–?), в 1965 доцент кафедры истории зарубежных литератур филфака МГУ.

⁴⁹ ФЕДОРОВ Анатолий Алексеевич (1927–1985), в 1965 доцент кафедры истории зарубежных литератур филфака МГУ.

ОТВЕТ: Мне дали гражданское уложение⁵⁰, когда я пришел в кафе. Я переписал его, пришел на площадь. Там был задержан оперотрядом и попал в 108 отд. милиции.

КРАЙНОВ: Расскажите поподробнее.

ОТВЕТ: Я пришел в кафе «Молодежное» посмотреть, мне было интересно. Там зашел спор по книге «Процесс» Кафки. Он перевирал факты. Я стал говорить, что он говорит неправильно. Затем ко мне подошел один человек и дал уложение. В уложении говорилось, что арестованы Синявский и Даниэль и что их будут судить закрытым судом, там еще говорилось о культе личности. Когда я пришел на площадь, там были лозунги: «Уважайте Советскую Конституцию!» и т.д.

КРАЙНОВ: Зачем ты приходил на площадь?

ОТВЕТ: Мне было любопытно, и я верил, что это защита конституции.

ПОЛУПАНОВ: Вы тогда были согласны с содержанием листовки или нет?

ОТВЕТ: Иногда ведь пишут, что бывают нарушения со стороны советского правосудия.

АЛЕШИН: Ты раньше слышал что-нибудь о СМОГе?

ОТВЕТ: Не слышал.

КРАЙНОВ: Ты слышал раньше о Синявском?

ОТВЕТ: Да.

ЗЕНОВ: Почему выступил на защиту Кафки?

ОТВЕТ: Сейчас ведь идет дискуссия.

РЕПЛИКА: Эту дискуссию навязывают.

С.Н.: Я вступил в спор потому, что видел, что перевирают факты об исправительной колонии⁵¹.

ХАСБУЛАТОВ: Вас на площадь привела защита справедливости. Разве нет у нас органов, которые могут защищать справедливость?

ОТВЕТ: Да, но я тогда думал, что это будет демонстрация, организованная именно общественными организациями.

ПОЛУПАНОВ: Вы шли туда демонстрировать, чтобы был открытый процесс?

ОТВЕТ: Демонстрации ведь разрешены по конституции трудящихся.

АЛЕШИН: Слышал ли ты реакцию на это Америки?

ОТВЕТ: Нет, не слышал.

АЛЕШИН: На кого ты сработал?

ОТВЕТ: На буржуазию.

ВОПРОС: Вы знали, за что арестовали Синявского?

⁵⁰ Имется в виду «Гражданское обращение».

⁵¹ Речь идет о повести Ф.Кафки «В исправительной колонии».

ОТВЕТ: Не знал.

ЗЕНОВ: Какие произведения Синявского читали?

ОТВЕТ: Ряд его статей в «Новом мире» и отзыв Твардовского⁵².

ПОЛУПАНОВ: Чем объяснить ваш такой интерес к Кафке, Синявскому? Вы проявляете интерес и к другим писателям?

ОТВЕТ: Да.

ЗЕНОВ: Кто ваш любимый писатель?

ОТВЕТ: Твардовский.

МИЛОРАДОВ⁵³: Получаете ли стипендию? Кто помогает?

ОТВЕТ: Да, получаю. Есть родственники, мама.

ПОЛУПАНОВ: Расскажите о своих родственниках.

ОТВЕТ: Дядя — полковник в отставке, тетя — домохозяйка.

КОМСОРГ ГРУППЫ: Комсоргом меня выбрали недавно. Об этом событии мы узнали, когда С.Н. вызвали в деканат.

СПУТНОВ⁵⁴: Как он занимается? Заметен ли в группе?

ОТВЕТ: Он аккуратный, занимается неплохо.

ХАСБУЛАТОВ: Вам не кажется, что у него много случайностей, что убеждения у него не такие, как у чл. ВЛКСМ?

ОТВЕТ: Мне кажется, что он не знал об этом митинге, какой он в своей основе. Истинный комсомолец не должен так поступать.

СЕКРЕТАРЬ КУРСА: Мы созвали бюро, он нам рассказал почти все, за исключением некоторых подробностей. Мы так и не смогли разобраться в его поступке. Сделал ли он это по своим убеждениям или без них. Мы решили, что он совершил тяжелый проступок, что он достоин сурового наказания, но комсомол — это воспитательная организация. Бюро решило, что комсомол его может воспитать.

ПОЛУПАНОВ: За что вы его решили наказывать?

ОТВЕТ: За беспринципность, за политическую недалекость.

ХАСБУЛАТОВ: Что вы понимаете под беспринципностью?

ОТВЕТ: Для меня это в широком смысле.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПАРТГРУППЫ: Он ничего плохого до этого не делал, скромный. Но вот поступок его неправильный, он поступил, не подумав.

КРАЙНОВ: Ваше мнение?

ОТВЕТ: Мне кажется, что его можно оставить в рядах ВЛКСМ и воспитать.

ПОЛУПАНОВ: Оставили ли бы его в партии?

⁵² Твардовский А. По случаю юбилея // Новый мир. 1965. № 1.

⁵³ В списке присутствующих членов бюро комитета ВЛКСМ МГУ не значится.

⁵⁴ То же.

ОТВЕТ: Если бы он был членом партии, то его надо было бы исключить.

ПОЛУПАНОВ: Вы считаете, что за аполитичные поступки из партии нужно исключать, а из комсомола нет?

ОТВЕТ: Его все же можно воспитать.

МИЛОРАДОВ: На ф-ском бюро мы не успели рассмотреть. С.Н. достаточно взрослый, он много знает, не первый раз в высшем заведении, он понимал, куда идет, стихийности в его поступке меньше всего. И пошел он потому, что думал именно так, и думал, что мы его перевоспитаем. Ведь есть поступки, за которые сурово наказывают. Мне кажется, что за этот поступок его надо исключить из рядов ВЛКСМ. У бюро группы еще мало опыта, школьные убеждения.

САБЛИН М.⁵⁵: Я согласен с Милорадовым, что С.Н. парень неглупый, способен разобраться в обстоятельствах. Я считаю, что человек с таким настроением не должен быть в рядах ВЛКСМ, и твое поведение антисоветское, и тебе не место в комсомоле.

ПОЛУПАНОВ: Я не скажу, что он закоренелый антисоветчик, это произошло потому, что у него нет коммунистических убеждений. Сейчас пошла тенденция критики: «все критикуй». Человек в этих вопросах много не понимал и не слышал о них, но он сразу решил идти защищать законность. От кого? У него не было никаких убеждений, в комсомоле нужно не только воспитывать, надо иметь взгляды в духе комс. убеждений, а пока их нет. Ему не место в комсомоле.

ХАСБУЛАТОВ: Предлагаю исключить из рядов ВЛКСМ за нарушение советской легальности и действия, несовместимые с советским комсомолом.

КРАЙНОВ: Комсомольцы первого курса должны понять, что комсомол не только воспитывает, но и имеет устав, а этот поступок — нарушение устава.

С.Н.: Меня обвиняют в антисоветском выступлении, но ведь они караются по закону, а я не знал, что это антисоветское выступление.

ПОСТАНОВИЛИ: Исключить из рядов ВЛКСМ С.Н., студента I курса биолого-почвенного ф-та, за политическую незрелость, проявленную в участии в антисоветском митинге на Пушкинской площади 5 декабря 1965 г.

<...>

СЛУШАЛИ: Персональное дело Г.Н., студентки 5 курса ф-та журналистики.

⁵⁵ Член бюро комитета ВЛКСМ МГУ.

КРАЙНОВ: Как вы оказались на площади? Какое участие вы принимали?

ОТВЕТ: На курсе услышала о демонстрации, когда сидела в коридоре.

КРАЙНОВ: От кого слышали?

ОТВЕТ: Услышала в коридоре, что на площади Пушкина будет собрание, которое будет требовать гласности суда над Синявским. Пошла туда посмотреть, мне было интересно.

ХАСБУЛАТОВ: Вы были уверены, что там что-то будет?

ОТВЕТ: Я слышала, что там будет митинг, который будет требовать гласного суда над Синявским.

КРАЙНОВ: Вы не задумывались над тем, что это требование выдвигалось в день Конституции?

ОТВЕТ: Нет, я этого не уяснила.

ПОЛУПАНОВ: Что вы там делали?

ОТВЕТ: Стояла, ходила. Подходили какие-то женщины, и я им объяснила, что здесь происходит.

ПОЛУПАНОВ: Как вы расценивали это событие?

ОТВЕТ: Как провокацию.

АЛЕШИН: Вы слышали о СМОГе раньше?

ОТВЕТ: Не слышала, услышала на площади.

ПОЛУПАНОВ: Что вы слышали о Синявском?

ОТВЕТ: Знала, что он предатель; передавал информацию о Советском Союзе.

КРАЙНОВ: Зная это, вы пришли на площадь, чтобы участвовать в этом митинге.

ОТВЕТ: Я думала, что там будет митинг, который выскажет свое отрицательное отношение к Синявскому.

ПОЛУПАНОВ: Как вы понимаете, что такое гласный суд и что такое негласный суд?

ОТВЕТ: Гласный — это когда есть присутствующие и затем этот процесс печатается в газете.

КРАЙНОВ: Какие разговоры вы вели там?

ОТВЕТ: Подошла ко мне женщина, которая спросила, что здесь происходит. Я сказала. Мне сказали, что эту демонстрацию организовали СМОГисты.

ПОЛУПАНОВ: Вы считаете эту демонстрацию законной?

ОТВЕТ: Незаконной.

ХАСБУЛАТОВ: Почему вы считаете, что незаконно увозят людей?

ОТВЕТ: Я не видела, почему их увозят, и сказала, что это неправильно.

САВЛИН: А почему вы сейчас считаете это действие незаконным?

ОТВЕТ: Мне сказал Ярошенко⁵⁶, парторг 2 курса, что им сказали, что суд будет гласный.

ХАСБУЛАТОВ: Каких товарищей вы там встретили?

ОТВЕТ: Балужева, Коновалова⁵⁷...

КРАЙНОВ: Есть ли у вас принципы?

ОТВЕТ: Есть.

КРАЙНОВ: Вы ведь [не?] политик, что вы там делали?

ЗЕНОВ: Обращались ли вы к кому-нибудь за разъяснениями по этой демонстрации?

ОТВЕТ: Не обращалась, но я думала, что все будет как обычно, и пошла посмотреть.

ХАСБУЛАТОВ: Какую работу вы вели на факультете?

ОТВЕТ: Профорг, член спортсовета, была на целине.

КРАЙНОВ: Где вы были на практике?

ОТВЕТ: В Москве и Барнауле.

КРАЙНОВ: Кто ваши родители?

ОТВЕТ: У меня только отец.

БУРМИСТРОВ⁵⁸ (от курса): Для нас это большая неприятность. Нужно знать ее, она всегда искренна. Она шла туда, потому что там соберется молодежь, которая осудит Синявского, Г.Н. — хороший человек, и журналист из нее получится хороший.

КРАЙНОВ: Если я думал одно, а увидел другое, мне надо было либо бороться за правду, либо вести себя беспринципно, она ведь выпускница ф-та журналистики.

ОТВЕТ⁵⁹: Она, конечно, не права. Она должна была уйти или вмешаться в это дело вместе с другими, чтобы разбить этих «организаторов».

СОКОЛОВ⁶⁰: Вы уверены, что она там была случайно, что она не принимала участия?

ОТВЕТ: Она не права, что не вмешалась.

⁵⁶ ЯРОШЕНКО Владимир Николаевич (1932–1982), доктор исторических наук. В 1965 преподаватель кафедры радиовещания и телевидения факультета журналистики МГУ. Впоследствии доцент, профессор кафедры. Опубликовал ряд работ, посвященных вопросам радиопропаганды, в том числе закрытых.

⁵⁷ БАЛУШЕВ Валерий Федорович, в 1962–1967 студент факультета журналистики МГУ. В архиве МГУ имеется дело КОНОВАЛОВА Валерия Ивановича, в мае 1966 за академическую неуспеваемость отчисленного с факультета журналистики, несмотря на заступничество ряда преподавателей. По сообщению В.Газанджиева, в протокол речь идет о другом Коновалове — Викторе.

⁵⁸ По сообщению В.Газанджиева, фамилия искажена. Правильно: БУРМИСТЕНКО Алексей Николаевич (1942–?), в 1965 аспирант факультета журналистики МГУ, член бюро ВЛКСМ факультета, впоследствии преподаватель кафедры зарубежной печати, сборкор газеты «Труд» в Лондоне. Умер при невыясненных обстоятельствах.

⁵⁹ Очевидно, ответ Бурмистенко (Бурмистрова).

⁶⁰ В списке присутствующих членов бюро комитета ВЛКСМ МГУ не значится.

ОТ КУРСА: Она живет одна на одну стипендию. Я спросил Г.Н. еще за несколько дней до этой демонстрации, кто такие Синявский и др. Она ответила: «Это подонки! Их только стрелять надо». Когда она разобралась в том, что там происходит, то сказала четверым ребятам с 4 курса: «Уходите, ребята, нам здесь делать нечего».

КРАЙНОВ: Почему она сама оттуда не ушла, а других предупредила?

[ОТВЕТ:] Я очень жалею, что она туда пошла. Сейчас ей трудно говорить, потому что сейчас только было бюро курса.

ХАСБУЛАТОВ: Она знала, кто увозит этих демонстрантов, и говорить, что это фашистские методы... [так в тексте] За это мы с нее спросим.

ОТВЕТ: Она могла сказать это сторяча.

ПОЛУПАНОВ: У вас был фотоаппарат?

ОТВЕТ: Нет.

ВОПРОС: У вас был разговор после демонстрации с Ярошенко?

ОТВЕТ: Когда я возвращалась домой, то встретила Ярошенко. Он сказал: «Ты мне кажешься нездоровым человеком», что со мной будут говорить в другом месте, что удивляется, как я работала в газете, еще говорил о моих друзьях. Я ответила, что это методы 1937 г., что он мне угрожает, что я его не боюсь.

КЛИМАНОВ⁶¹: Мне известно, но я не могу подтвердить, что она пошла туда намеренно.

ОТВЕТ: Это ложь! Я не знала.

БАЙДАШИН⁶²: Для меня с самого начала было ясно, что участие ее в демонстрации было вызвано политической незрелостью. В ходе бюро выяснилось, что она разобралась, что это была провокация. Вина ее в том, что она не ушла оттуда. Мы исходили из того, что по одному этому факту ее нельзя судить так строго. Поэтому мы предложили объявить ей выговор с занесением в учетную карточку.

ПОЛУПАНОВ: Как ты оцениваешь ее поступок? Знала она или не знала, хотела ли этого или не хотела, говорить в таком положении фразы о фашистских методах — это не говорит о том, что она палец о палец не ударила.

ОТВЕТ: Мы исходили из конкретного случая. Мы хорошо знаем Г.Н. и считаем, что с ней это больше не повторится. Это, конечно, нарушение Устава ВЛКСМ.

⁶¹ В списке присутствующих членов бюро комитета ВЛКСМ МГУ не значится.

⁶² БАЙДАШИН Владимир Горисвич (р. 1944), в 1963–1969 студент факультета журналистики МГУ, в 1965 комсорг 3-го курса, впоследствии секретарь бюро ВЛКСМ факультета. Работал в ИТАР–ТАСС.

АЛЕШИН: Здесь говорилось, что в этой организации⁶³ все шизофреники, этого нельзя сказать. Цели у этой организации антисоветские, и уже неважно, как комсомолец способствовал им, с целью или без цели, кроме того, Г.Н. — человек с почти законченным высшим образованием.

ПОЛУПАНОВ: Если первокурснику можно поверить, то вам я не верю, что вы не знали, что там будет. Вы уже без пяти минут специалист. Вы там продемонстрировали, что вам не место в комсомоле. Если в первый раз мы подошли мягко к такому выступлению, то ведь это повторилось и приняло совсем другие размеры — это прямая антисоветчина.

ФОМИЧЕВ: Комсомольцы должны четко уяснить, по какую сторону им стоять. И вот Г. Н. вольно или невольно очутилась по ту сторону. Неправильную позицию занимают члены бюро курса, нужно правильно оценивать поступки. Я присоединяюсь к мнению Алешина.

ЗЕНОВ: Мне кажется, что подход членов бюро курса к этому неправильный. Присоединяюсь к мнению Алешина.

ПОЛУПАНОВ: Я хочу предложить, чтобы вынести решение просить деканат о пребывании Г.Н. в стенах университета.

Г.Н.: Я уже говорила, что шла туда из любопытства, не знала, что там будет, почему вы мне не верите? Я уже сказала, что все поняла, только не там, а позже. Почему вы не провели работу? Не объяснили, что там будет?

КРАЙНОВ: Почему вы не узнали об этом в бюро?

Г.Н.: Я считаю, что это слишком тяжелая кара — выгонять из комсомола за то, что я один раз споткнулась.

ПОСТАНОВИЛИ: Исключить Г.Н. из рядов ВЛКСМ и просить деканат поставить вопрос о профессиональной пригодности за политическую незрелость, проявленную в участии в антисоветской демонстрации на Пушкинской площади 5 декабря 1965 г.

№ 8 от 15 декабря 1965 г.

<...>

СЛУШАЛИ: Персональное дело студента ф-та журналистики (4 курс) Н-ва.

Н-в: Я попал туда случайно, мне нужно было в магазин Дружбы⁶⁴. Он был закрыт. У памятника я увидел человек 200. Увидел своих товарищей, поговорил с ними, они сказали, что здесь хотели организовать демонстрацию.

АЛЕШИН: Вы раньше что-нибудь об этом слышали?

⁶³ Имется в виду СМОГ.

⁶⁴ Книжный магазин «Дружба» на углу ул.Горького и ул.Станкевича.

ОТВЕТ: Слышал, что арестовали Синявского и что хотят устроить демонстрацию. Я хотел готовиться к семинару по истории КПСС, пошел в библиотеку им.Ленина, она оказалась закрытой. В это время подъехало маршрутное такси. Шофер сказал, что едет к площади Пушкина. Я сел и поехал. Это было где-то в 18.30 час. Я там стоял и смотрел. Там затерло в толпе Большевицкого⁶⁵, и я помог ему. Рядом дружинники взяли старика⁶⁶. Толпа сомкнулась, и нам пришлось помочь ему выбраться. Этот старик размахивал Конституцией, он требовал посадить его в машину вместе со студентами, кричал: «За что их посадили?!»

ХАСБУЛАТОВ: Что вы подумали об этой толпе? Какой вывод сделали?

ОТВЕТ: Сначала я подумал, что спрашивают лишние билеты в «Россию» или кого-то задавили. Потом я услышал, что здесь должна быть демонстрация. Я понял, что это толпа провокаторов.

АЛЕШИН: От кого вы услышали об этой демонстрации?

ОТВЕТ: Я услышал об этом в коридоре; о том, что арестовали Синявского, знал из критики «Нового мира»⁶⁷. В коридоре у стенгазеты стояли студенты и говорили об этом, проходя мимо, я все слышал.

АЛЕШИН: Слышали ли что-нибудь о листовках? Кто такие СМОГисты?

ОТВЕТ: Слышал, что в листовке приглашали принять участие в демонстрации.

КРАЙНОВ: Конкретнее обо всем.

ОТВЕТ: Стояли у газеты, и я услышал, что будет демонстрация, что есть листовка, в которой призывают принять участие в демонстрации. Потом я забыл об этом. Попав на площадь, я увидел толпу. Встретил друзей, спросил, что там происходит. Мне сказали. Затем я увидел, как нескольких тащили дружинники. Затем этот старик кричал с парашюта, махал какой-то бумажкой, затем его увезли.

ФОМИЧЕВ: Почему вы не ушли с площади?

ОТВЕТ: Узнав, что там происходит, я ушел очень скоро. Это глупость с моей стороны.

ПОЛУПАНОВ: Какое у вас отношение к этому событию и о чем вы беседовали с Г.?

⁶⁵ По сообщению В.Газанджисва, фамилия искажена. Правильно: БРОШЕВЕЦКИЙ Николай Алексеевич (р. 1939), в 1962–1967 студент факультета журналистики. Член КПСС с 1961. Живет в Москве.

⁶⁶ Скорее всего имеется в виду С.В., отец С.Б.

⁶⁷ В 1959–1965 Синявский регулярно печатался как критик в журнале «Новый мир».

ОТВЕТ: Я сказал, что здесь большую часть составляют дружинники. Мы пытались выяснить, кого и за что вылавливают. Мы обращались к капитану милиции за разъяснением. Я не мог понять, что там происходит, пока не увидел этого старика. Было любопытно.

ФОМИЧЕВ: До старика ведь были лозунги. Вы не поняли их сущность?

ОТВЕТ: Я спросил, и ребята разъяснили.

ЗЕНОВ: Услышав это в коридоре, неужели вы не заинтересовались?

ОТВЕТ: Нет, потому что я слышал раньше о СМОГистах, знал, чем все кончалось, и считал, что это глупая затея.

ПОЛУПАНОВ: О чем у вас был разговор с Г.Н.?

ОТВЕТ: Разговор был такой незначительный, что я его сейчас не помню.

ХОДЖЕНКО: Он попал туда случайно, побыл там 40 минут. Он оказался игрушкой, оказавшись там. Я знаю, что он дисциплинированный, умный, хороший профорг группы. Я думаю, что он все понял, осознал, какую роль он сыграл. Он заслуживает наказания. Бюро ему вынесло выговор с занесением в учетную карточку.

ПРИЛЕПИН⁶⁸: Почему он здесь не может все объяснить?

ОТВЕТ⁶⁹: На бюро он все объяснял четко, здесь он, наверное, растерялся. На бюро он четко сказал, что это антисоветская демонстрация и он оказался игрушкой.

БАЙДАШИН: Он сказал на бюро, что был не прав, что оставался там в течение 40 минут и что там была антисоветская демонстрация. Мне кажется, что за то, что он был там и не разобрался сразу, он заслуживает наказания, но, учитывая большую случайность, постановили объявить ему выговор с занесением в учетную карточку.

Н-в: Я не знал, что вам нужно слушать мое раскаяние, и я думаю, вам не нужно говорить по-школьному. С самого начала я думал, что это глупая затея и несерьезная. Я думаю, что там были какие-то недоумки.

ФОМИЧЕВ: Я дважды сталкиваюсь с Н-вым при слушании его на бюро курса и здесь. Мне кажется, что он ведет себя двойственно. Вы говорили, что он попал туда чисто случайно, я думаю, что это не было случайностью. Мне кажется, выбор наказания неправильный. Это произошло потому, что Н-в разбирали после Г.Н. Он прошел слишком легко.

ПОЛУПАНОВ: Не подвергается ли вопрос о времени пребывания сомнению?

⁶⁸ ПРИЛЕПИН В., член комитета ВЛКСМ МГУ.

⁶⁹ Очевидно, Ходженко.

ОТВЕТ: Я точно не знаю, но у меня нет основания не верить ему, но я не верю в эту случайность.

АЛЕШИН: Одинакова была оценка поведения Г.Н. и Н-вым?

ОТВЕТ: Нет. У нее — беспринципное поведение. А Н-в попал туда случайно и был там недолго.

КРАЙНОВ: В силу каких причин у ф-та создалось впечатление о том, что он попал туда случайно?

ОТВЕТ: На бюро он вел себя четко, без виляний. Ребята мне сказали, что он был там случайно, и я поверил.

ИВАНОВ: Мне непонятно, почему он попал туда случайно, человек, который живет 4 года в Москве и пользуется библиотекой, знает, что в праздничные дни библиотеки закрыты и книжные магазины тоже. Поэтому случайность здесь не очевидна. Мне кажется, что вы были не согласны. Мое предложение — исключить из рядов ВЛКСМ.

ЗЕНОВ: Слушая вас, складывается такое впечатление, что вам нельзя верить. Вы журналист, все события в стране заостряют ваше внимание. Мне не ясно, почему, идя на Советскую пл., вы оказались на площади Пушкина. В случайность я не верю. Присоединяюсь к мнению Иванова В.

АЛЕШИН: Когда ты узнал об этой демонстрации, то должен был поставить перед собой вопрос, что за демонстрация, что она преследует и на кого работает. Услышав об этом в коридоре, ты должен был сообщить об этом в бюро ВЛКСМ, если ты человек политически грамотный. Не понятно отсутствие твоей профессиональной точки зрения и твое пассивное присутствие там. Ты был обязан все понять, ведь ты уже на 4 курсе. Мое предложение — исключить из комсомола.

ФОМИЧЕВ: Один и тот же проступок совершили два товарища, и они ведут себя совершенно по-разному. Один правдиво обо всем рассказывает, другой конкретно почти ничего не говорит. Я присоединяюсь к мнению об исключении из комсомола.

ПОЛУПАНОВ: Разница между Г.Н. и Н-вым есть, но есть и другая сторона этого дела. Г. знала о том, что там будет, и поехала туда, имея возможность подумать об этом раньше. Поведение Г.Н. там было более активным. Н-в туда и позже приехал и раньше ушел, ничего не говорил. Я предлагаю выговор с занесением в учетную карточку и предупреждением.

ХАСБУЛАТОВ: О том, как вела себя Г.Н. на митинге, мы узнали из ее слов. У Н-ва все наоборот. Элемент случайности здесь как-то не вяжется. Он ведет себя неправильно и неискренно на бюро. Я предлагаю исключить из комсомола.

БАЙДАШИН: Мне кажется, есть смысл провести разницу по мере участия в этом событии между Г.Н. и им. Я прошу членов бюро вынести выговор. Это будет сильным наказанием.

МИЛОРАДОВ: Поведение его и Г.Н. — это одно дело, но мы разбираем участие в этом событии. Нужно учесть тот факт, что он принимал во всем этом значительно меньшее участие. Я за строгий выговор.

ФИСЕНКО⁷⁰: У меня сложилось мнение, что ваше появление там не случайно, журналист во всех случаях пойдет на демонстрацию. Я за исключение.

РАМИЛЬ АЛЬВАРЕС⁷¹: Я не вижу искренности в поведении здесь комсомольца Н-ва. Идя сюда, он был обязан иметь свое мнение, а у него нет здесь оценки этой антисоветской демонстрации. Я за исключение.

Н-в: Здесь обвинили меня в неискренности, я не могу ничего добавить. Я проехал остановку Советской площади и вышел недалеко от пл. Пушкина.

КРАЙНОВ: Ведь ты комсомолец и журналист, это накладывает на тебя обязанности, с которыми ты справиться не смог. Я за строгий выговор.

ПОСТАНОВИЛИ: За политическую близорукость, за беспринципность, проявленные во время антисоветской демонстрации на пл. Пушкина 5 декабря, исключить Н-ва из рядов ВЛКСМ.

СЛУШАЛИ: персональное дело студента IV курса филологического ф-та (веч. отд.) МОЛЧАНОВА.

МОЛЧАНОВ: Я хочу, чтобы вы меня поняли. Я знал Синявского, ничего криминального у него не находил. Узнал об этой демонстрации случайно, до этого я болел и неделю не был на факультете. Попал туда случайно. Сейчас я знаю, что это антисоветская демонстрация. А тогда я не знал, что это за демонстрация. Когда мы туда пришли с Шопиным, к нам подошел Смирнов и сказал, чтобы мы ушли, иначе нас исключат. Мы возмутились, за что; мы там ничего не делали. Затем преподавательница с экономического ф-та⁷² тоже говорила, чтобы мы ушли. Мы там ничего не делали, только стояли. Я не понимал, какие там драки, кого увозят.

ЗЕНОВ: Расскажите подробнее.

ОТВЕТ: Я зашел в кафе «Марс» выпить кофе. Там зашел разговор об этой демонстрации. Из кафе пошел на пл. Пуш-

⁷⁰ В списке присутствующих членов бюро комитета ВЛКСМ МГУ не значится.

⁷¹ РАМИЛЬ АЛЬВАРЕС Хосс, сотрудник мехмата МГУ, член комитета ВЛКСМ МГУ с 1964.

⁷² Е.Б.Козельцева.

кина, встретил там филологов. Я пришел туда в 18.00. Там ни о чем не говорили. Я стоял ждал, когда будет митинг. Знал, что митинг будет в защиту Синявского. Как я об этом узнал? Ну, в кафе шел разговор.

ПОЛУПАНОВ: Что вы думали об аресте Синявского?

ОТВЕТ: Я ничего не думал. Я пришел туда из любопытства, это естественно.

ПОЛУПАНОВ: Вы часто повторяете «мы». Кто это мы? Как вы вели себя на площади?

ОТВЕТ: Я вел себя совершенно пассивно, не принимал никакого участия. Был я там с Шопиным. Других не буду называть, потому что они нормальные советские ребята, а вы их будете вызывать, как меня.

ПОЛУПАНОВ: Вы считаете, что мы поступили с вами неправильно?

ОТВЕТ: Вы ведь ведете речь задним числом. Я тогда действительно не понимал, что там происходит.

ПОЛУПАНОВ: Если вы не хотите говорить, что там делали и кто еще там был, тогда вопрос ясен.

ПОСТАНОВИЛИ: За политическую незрелость, проявленную в участии в антисоветской демонстрации на пл. Пушкина 5 декабря 1965 г., исключить МОЛЧАНОВА из рядов ВЛКСМ.

СЛУШАЛИ: Персональное дело аспиранта филологического ф-та ДРАНОВА.

ДРАНОВ: Я узнал в среду, что организовывается «некое» собрание. Когда я спросил, что это будет за собрание, мне ответили, что оно устраивается СМОГистами и что оно будет заслуживать внимания. Конкретно о мотивах я узнал в понедельник. Раньше я слышал о Синявском. Мы решили пойти посмотреть. Мое отношение к СМОГистам было отрицательное. Поскольку я литературовед, мне было интересно взглянуть на людей, с которыми я не согласен. Мы пришли туда в 18.00. Там я встретился с партгором группы⁷³. Спросил, что происходит, мне не объяснили. Затем увидел плакат. Что на нем было написано, не прочитал. Затем толпа замесалась, начали увозить. Ко мне подошла женщина, которая сказала, чтобы мы ушли. Здесь я потерял своих друзей в толпе, нашел их минут через 10, и в 18.50 мы ушли.

АЛЕШИН: От кого вы узнали о демонстрации?

ОТВЕТ: От студента III курса Зубарева.

ПОЛУПАНОВ: Так вы не узнали от Зубарева о Синявском?

ОТВЕТ: Упоминалось его имя, но конкретного ничего не было.

⁷³ В.И.Здоровцов.

АЛЕШИН: В каком плане шло обсуждение этого события до его прохождения? [так в тексте]

ОТВЕТ: Обсуждение шло о СМОГистах. Сам я ходил на площадь Маяковского⁷⁴ и имел представление об этих щенках.

ПОЛУПАНОВ: С какими товарищами вы были?

ОТВЕТ: Один работает в аэропорту, друг по даче, другой – работает в «Современнике», Негалюк, это хороший парень.

На площади я встретился с Зубаревым и Воробьевым с [3-го] курса, и еще там были товарищи, которых я не знал.

ЗЕНОВ: Как вы оценили событие?

ОТВЕТ: Несомненно, что за эти 10 дней моя точка зрения изменилась. Вся картина предстала довольно ясно. Я понял, что это организовано не СМОГистами, а более серьезной организацией. Когда я прочитал листовки, то все понял. Те, кто организовывал это, рассчитывали на толпу зевак. Мое появление там явилось ошибкой. Если я ничего не мог сделать, то мой долг был уйти. Я поступил не как сознательный комсомолец.

ПОЛУПАНОВ: Вы знаете, что решение бюро – исключить вас из рядов ВЛКСМ. Вы считаете решение бюро правильным?

ОТВЕТ: Я был связан с комсомолом очень тесно, провел все мои молодые годы. Я могу просить лишь оказать мне доверие оправдать звание комсомольца.

КРАЙНОВ: Ты согласен с решением бюро?

ОТВЕТ: Нет.

СИДОРИН⁷⁵: Сегодня у нас было расширенное заседание⁷⁶, мы все были за исключение Дранова из аспирантуры каф. зарубежной литературы. Раньше на собрании мы голосовали за вынесение выговора. Там выступали его товарищи, которые говорили, что это его первая ошибка, он очень активный товарищ. Учитывая, что это случилось с ним впервые, мы решили его оставить в комсомоле.

ПРИЛЕПИН: Вы сказали, что на кафедре стоял вопрос об исключении из аспирантуры, как он решился?

ОТВЕТ: Его исключили из аспирантуры.

ХАСБУЛАТОВ: Сколько комсомольцев на кафедре?

ОТВЕТ: Четыре.

ПОЛУПАНОВ: Единогласно ли решили исключить из аспирантуры?

ОТВЕТ: Нет.

⁷⁴ А.Дранов, по словам Д.Зубарева, имеет в виду демонстрацию смогистов 14 апреля 1965.

⁷⁵ СИДОРИН Юрий Федорович (1938–1992), в 1964–1968 аспирант филфака МГУ, комсорг кафедры истории зарубежных литератур.

⁷⁶ На кафедре истории зарубежных литератур филфака МГУ.

ЖУРАВЛЕВА⁷⁷: У него идеологическая профессия. Он, будучи аспирантом, будет преподавать и учить других, поэтому его исключили из аспирантуры. Он не инженер. Мы просим о снисхождении к нему. Он придет в новый коллектив, и ему будет трудно работать, трудно будет без комсомола.

ХАСБУЛАТОВ: Почему вы считаете, что к инженеру меньше требований, чем к филологу?

ОТВЕТ: Ведь он идеологический работник, он должен учить других, поэтому я за исключение из аспирантуры, но за выговор по комсомольской линии.

ЛАПШИН: Я согласен, что Дранов совершил такой поступок, который заслуживает наказания. Но он ведь аспирант всего два месяца. Исключить из аспирантуры его надо, но ведь комсомол должен воспитывать. Он 5 лет был в университетском комсомоле.

АЛЕШИН: Согласны ли вы с мнением бюро в оценке этого события?

ОТВЕТ⁷⁸: Я согласен с оценкой этого события как нежелательным фактом, но с мерой наказания не согласен.

КОМАРОВА Е.⁷⁹: На бюро было много вопросов. Было недоумение, как он оказался в подобной ситуации. Я знакома с ним по заседаниям ИСО. Когда стоял вопрос об исключении из аспирантуры, голосовали все, а когда стоял вопрос об исключении из рядов ВЛКСМ, мнения четко разделились: 6:6. Я проголосовала за исключение. Сейчас я остаюсь на своей точке зрения.

АЛЕШИН: Как Дранов вел себя на бюро?

ОТВЕТ: Хорошо.

ЗЕНОВ: Я учился вместе с Драновым. Знаю его как студента и товарища. Мне было трудно разобраться, как он попал в такую ситуацию. На партбюро его поведение было неожиданным, он вел себя растерянно, давал противоречивые показания. Во время учебы он был противником всех «левых» и «правых». Мне кажется, что ставить вопрос об исключении из комсомола нельзя. Он очень молод, ему 22 года и уже аспирант, это говорит о его уме, но одновременно и об отсутствии жизненного опыта. Я считаю, что строгого выговора с занесением в учетную карточку будет достаточно, это будет суровым наказанием, и прошу бюро одновременно ходатайствовать о неотчислении из аспиран-

⁷⁷ ЖУРАВЛЕВА Анна Ивановна, литературовед, в 1963–1966 аспирантка филфака МГУ. Живет в Москве, профессор кафедры истории русской литературы филфака МГУ.

⁷⁸ Ответ А.Дранова.

⁷⁹ КОМАРОВА Екатерина Константиновна, в 1961–1966 студентка филфака МГУ, в декабре 1965 секретарь бюро ВЛКСМ факультета. В 1967–1970 аспирантка.

туры. Я думаю, что он сможет искупить свою вину и станет большим хорошим ученым.

АЛЕШИН: Мне хочется сказать по сути дела. Дранов знал об этой демонстрации, взрослый человек, учится в аспирантуре. Очень у него легковесно все получается. Возник ли у тебя вопрос, что там будет за демонстрация? Мне кажется, что у тебя неправильное отношение к СМОГистам, т.к. это организация не «юнцов», и во что выливаются их действия, мы знаем.

ХАСБУЛАТОВ: Я был на ф-ском бюро. Сегодня я еще раз убедился, что парень умный и может правильно разбираться. Ты знал об этом событии за три дня, и когда хорошо знакомый тебе человек⁸⁰ говорит, что будет демонстрация, но не говорит, что за демонстрация, то мыслящий человек требует объяснения. Я не сомневаюсь в искренности того, что ты не знал, куда идешь и зачем. Другая сторона. Ты активный комсомолец и идешь на подозрительные сборища. Мне кажется, что за каждый поступок человек должен понести наказание. Я за предложение Алешина.

ЖДАНОВ⁸¹: Хасбулатов говорит, что Дранов сможет вернуться в комсомол, принимать активное участие. Стоит ли принимать такие меры, чтобы временно дать ему возможность исправляться вне рядов комсомола? Я согласен, что он знал и понимал, но он все-таки ушел оттуда. Мне кажется, что нужно вынести выговор.

ВОРОБЬЕВ⁸²: Я за то, чтобы оставить в комсомоле.

ПОЛУПАНОВ: Я поддерживаю предложение Алешина и Хасбулатова. Мне кажется, что Дранов не имеет тех убеждений, которые должен иметь комсомолец. Почему он не подумал, что это будет за демонстрация? Услышав где-то, что что-то будет, сразу идет туда. Однако следует отметить, что Дранов хорошо подготовился к сегодняшнему бюро и хорошо выступил. Если вы поняли, какую вы роль сыграли, то вы сможете вернуться в комсомол.

ДРАНОВ: Я разделяю мнение бюро о том, что я поступил беспринципно и что я политически был близорук. Я совершил ошибку, я хочу одного – доверия как к комсомольцу, и убежден в одном – что смогу оправдать это доверие. Я прошу не отсекал мне пути в комсомол, оказать мне доверие как человеку, который может своими делами и смыть свою вину.

⁸⁰ Иметсяя в виду Д.Зубарев.

⁸¹ Возможно, ЖДАНОВ Виктор, член бюро ВЛКСМ физического факультета МГУ.

⁸² В списке присутствующих членов бюро комитета ВЛКСМ МГУ не значится. Возможно, профессор кафедры диалектического и исторического материализма.

КРАЙНОВ: Я гуманен к тем ребятам, которые вынуждены были заниматься там на площади с участниками, а не к тем, которые мешали им.

ПОСТАНОВИЛИ: За политическую близорукость, беспринципность, проявленные в участии в антисоветской демонстрации на пл. Пушкина 5 декабря 1965 г. исключить ДРАНОВА из рядов ВЛКСМ.

№ 10 от 5 января 1966 г.

<...>

СЛУШАЛИ: Персональное дело М.А., чл. ВЛКСМ, студента 2 курса в/о филологического ф-та.

М.А.: Попал туда случайно. Увидел эту толпу, ну и любопытствовал. Я хотел идти в кино, билетов не было. Ну и попал туда. В сторонке увидел знакомых ребят, подошел к ним. Спросил, в чем дело. Они мне толком ничего не ответили. Сами, говорят, не знаем.

Ко мне подошла какая-то женщина [Козельцева] и сказала, чтобы я уходил. Спросила, откуда я? Я ответил. Потом еще парень⁸³ подходил. Говорил то же самое. Меня это возмутило. Потом еще подошла женщина и сказала, чтобы я уходил. Мы с ребятами не ушли. Меня посадили в машину и отвезли в милицию. Там я все рассказал, и меня отпустили. Я находился в милиции всего минут 15. Относился ко всему нейтрально.

ПОЛУПАНОВ: Вы сейчас работаете?

ОТВЕТ: Нет. Я вернулся поздно из геологической экспедиции и сейчас нагоняю запущенный материал.

КРАЙНОВ: Когда вы в последний раз платили чл. взносы?

ОТВЕТ: Кажется, в сентябре.

ПОЛУПАНОВ: Какую общественную работы вы выполняли?

ОТВЕТ: Участвовал в спортивных соревнованиях. Я хотел работать, но мне не давали поручений. Никаких общественных поручений я не выполнял.

ХАСБУЛАТОВ: Он комсомолец, он обязан не только платить взносы, но и принимать участие в жизни комсомола. А ты отошел в сторону. Мое мнение, исключить из рядов ВЛКСМ.

ПОЛУПАНОВ: 5 декабря был День Конституции. В этот день некие люди пришли на площадь Пушкина требовать гласного суда над Синявским и Даниэлем, хотя они и сейчас еще не знают, какой будет суд. В числе этих людей оказались и вы. Вы не смогли разобраться в событии. И вторая сторона. Вы, будучи комсомольцем, не выполняли

⁸³ В.И.Здоровцов или А.В.Смирнов.

никаких общественных поручений. Зачем же быть в комсомоле? Мое мнение — исключить из рядов ВЛКСМ.

ПОСТАНОВИЛИ: За политическую близорукость, проявленную в участии в антисоветской демонстрации на пл.Пушкина 5 декабря 1965 г., за утерю всякой связи с комсомолом и за бездеятельность в рядах комсомола исключить М.А. из рядов ВЛКСМ.

№ 13 от 2 февраля 1966 г.

<...>

СЛУШАЛИ: Персональное дело С.Б., студента V курса ф-та журналистики.

С.Б. рассказывает, что вечером 5 декабря он решил поехать в центр Москвы, чтобы посмотреть народные гуляния, посвященные Дню Советской Конституции. На пл.Пушкина увидел скопление народа и подошел к толпе. Увидел нескольких знакомых студентов с ф-та, спросил у них разъяснения. Ему ответили, что этот митинг организован в защиту Даниэля и Синявского. Подробностей мне никто не сказал. Я еще несколько раз подходил и к оперативникам, и к представителям милиции, с целью — выяснить подробности о происходящем, но никто мне не сказал больше того, что мне было уже известно. Через некоторое время я увидел своего отца. Я был удивлен и спросил отца, почему он здесь. Получил ответ, что случайно. Потом он пошел в середину толпы и начал что-то говорить. Зная его болезненное состояние, я попытался подойти к нему и увести его домой. Но мне этого не удалось сделать, а оперативники начали крутить руки отцу. Увидев это, я крикнул: «Отпустите его, сволочи!» После этого меня забрали в оперотряд. Уточняя, что отец в толпе читал Конституцию.

ПОЛУПАНОВ: Коль вы начали говорить об отце, расскажите о нем подробнее...

С.Б.: Он инженер-геодезист, долгое время работал по заданиям Генерального штаба и Министерства обороны. Сейчас он пенсионер, нервнобольной человек, несдержанный и порою вспыльчивый, имеет резкий и прямой характер.

ЗЕНОВ: Что вы знали раньше о Синявском и Даниэле?

ОТВЕТ: Знал, что они печатались в иностранной прессе.

ВОПРОС: Где вы живете?

ОТВЕТ: Под Калининградом.

ХАСБУЛАТОВ: И вы приехали только для того, чтобы посмотреть гуляния?

ОТВЕТ: Да.

ХАСБУЛАТОВ: Как вы оценили обстановку на пл.Пушкина?

ОТВЕТ: Я понял, что это вредит нам.

ЛИХОЛИТОВ В.⁸⁴: С.Б., как журналист, должен был трезво оценить обстановку и разобраться в происходящем. Этого С. не сумел, потому мы и наказали его серьезно — объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку.

СУКАЛИНОВА Л.: Нельзя С.Б. упрекать в умышленном участии в митинге 5 декабря, хотя он и совершил большой проступок.

ПАРХОМЕНКО Н.⁸⁵: С.Б. — хороший парень, ребята в группе его уважают, попал он на пл. Пушкина совершенно случайно, и его достойно наказали, осудив его проступок.

БЕРЕЗИН В.: Я учусь в одной группе с С.Б. Он внимателен к товарищам, старательный, ничего плохого никогда не делал, был активным профоргом.

АЛЕШИН: Когда С.Б. был избран в курсовое бюро?

ОТВЕТ: С.Б. был избран в бюро в сентябре 1964 г., а недавно его избрали зам. секретаря курсового бюро ВЛКСМ.

ФОМИЧЕВ: Мне не понравились выступления ребят с курса. Не прозвучал голос осуждения. Критика не принципиальная.

ПОЛУПАНОВ: Ребята говорили о том, какой С.Б. хороший, но не говорили о его конкретных делах. Слишком много случайностей в деле С.Б. Полтора часа С.Б. находился на пл. Пушкина и не сумел узнать, что там происходит. Безусловно, это не комсомольское поведение. Считаю, что С.Б. нечего делать в комсомоле.

ХАСБУЛАТОВ: Мне думается, что ребята с курса напрасно говорят, что С.Б. необходимо было время, чтобы узнать, что происходит на площади и т.д. Он давно знает об аресте Синявского и Даниэля. От знакомых ребят узнает, что сборище в какой-то мере стремится защитить Синявского и Даниэля. И С.Б. не только не уходит оттуда, а и обзывает сволочами тех людей, которые стремятся навести порядок. Считаю недопустимым пребывание С.Б. в рядах ВЛКСМ.

АЛЕШИН: Считаю, что можно объявить С.Б. строгий выговор с занесением в учетную карточку и оставить в комсомоле. Парень он вобщем-то не плохой, и я думаю, что он серьезно подумает после случившегося о своей судьбе.

САВЛИН: Я поддерживаю Алешина.

⁸⁴ ЛИХОЛИТОВ Владислав Семенович (р. 1940), в 1965 студент 5-го курса факультета журналистики МГУ. Видимо, секретарь бюро ВЛКСМ факультета. В 1966 окончил МГУ.

⁸⁵ ПАРХОМЕНКО (ПРОНИНА) Нина Васильевна, в 1961–1966 студентка факультета журналистики МГУ, сокурсница С.Б.

КРАЙНОВ: С.Б., расскажите, пожалуйста, еще раз о своем поведении на пл. Пушкина.

С.Б.: Мне очень неприятно, что я оказался участником демонстрации. Я не смог понять там на месте, что это демонстрация антисоветская; она антисоветская в смысле реакции за рубежом, ведь она была зацепкой для шумихи против советской власти. Я попал впервые в такое положение и не смог правильно сориентироваться. В будущем я буду более решителен в такой ситуации.

ПОСТАНОВИЛИ: Исключить С.Б. из рядов ВЛКСМ за участие в антисоветской демонстрации 5 декабря 1965 г. на пл. Пушкина.

ЦАОДМ. Ф.6083. Оп.1. Д.84. Л.59-69, 70-80; Д.96. Л.1, 3-4, 11, 13-15.

Объяснительная записка С.Н. в деканат биолого-почвенного факультета МГУ

Объяснение

Я, С.Н., был задержан во время так называемого «Митинга гласности». Узнал я о нем из «гражданского обращения», которое мне дал в ноябре незнакомый молодой человек. Дело происходило в кафе «Молодежном», когда я вступил в спор о творчестве Ф.Кафки, в частности о его новелле «Государь». «Гражданское обращение» в тот момент произвело на меня большое впечатление. Будучи сам глубоко убежден в принципиальной важности принципа гласности судопроизводства, как одного из основных принципов права, искренне думая, что участием в подобном митинге я буду содействовать укреплению социалистической законности, я пришел на площадь Пушкина 5 декабря.

Своей виной прежде всего считаю то, что я не разобрался, да и не пытался разобратся в подлинных целях митинга, которые не совсем понятны мне и в настоящее время. Как стало мне недавно известно, этим митингом воспользовалась империалистическая пропаганда в своих корыстных целях. Принимая участие в митинге, несмотря на мое убеждение, что я нахожусь тут только во имя советского строя, я невольно сыграл на руку нашим врагам. Митинг был не только не нужен, но и вреден, так как его, как неорганизованное по существу собрание, легко можно было превратить в антисоветский, что, наверное, кто-то и пытался сделать. Решение комитета ВЛКСМ является справедливым, но настолько тяжелым наказанием, что порой даже в это и не верится. Ведь шел-то я с искренним наме-

рением способствовать укреплению социалистического законодательства, а тем самым и нашего общественного строя, а попал в ловушку буржуазной пропаганды.

14.12.65.

С.Н.

Архив МГУ. Ф.5. Оп.5л. Д.7590. Л.37.

Приказы ректората МГУ по личному составу⁸⁶

№ 45/у

г.Москва «12» января 1966 г.

Отчислить с 5-го января 1966 г. из числа студентов III филологического факультета отделения русского языка и литературы **Воробьева Олега Ивановича** за пропуски учебных занятий и неуспеваемость.

Основание: Решение комиссии по студенческим делам от 31-го декабря 1965 г., утвержденное на заседании деканата 5/1-66 г.

№ 54/у

г.Москва «15» января 1966 г.

Отчислить из числа аспирантов филологического факультета **Дранова Александра Васильевича** за поведение, недостойное звания аспиранта Московского университета.

Основание: Ходатайство декана филологического факультета и представление заведующего и парторга кафедры истории зарубежных литератур.

Архив МГУ. Ф.1. Оп.29л. Д.98. Л.46, 54.

Рассказывает Александр Вольпин

Я услышал о репрессиях против студентов. Поднялся на филфак, стал что-то узнавать. Меня спустили вниз⁸⁷ на факультет журналистики, а там меня задержали. Декан факультета журналистики, Я.Н.Засурский, задерживал меня собственноручно на том основании, что я отношения к факультету журналистики не имею, а туда явился. Но вход на факультет без пропусков, я пришел — и все. Он чего-то от меня потребовал.

Я спросил:

— Почему вы себе позволяете так со мной разговаривать? Кто вы?

— Я декан факультета.

⁸⁶ Приказы подписаны проректором МГУ профессором Н.И.Моховым.

⁸⁷ В здании на Моховой улице два нижних этажа занимал факультет журналистики, выше располагался филфак.

— Так вы что, предлагаете мне убраться?

— Да.

И он ушел. Но у меня отобрали какой-то документ или пропуск и долго его не возвращали. Оставшийся со мной помощник Засурского все время приговаривал, что надо со мной разобраться — случай не такой простой. Я говорил: «Не мешайте выполнять распоряжение вашего декана, я собираюсь убраться».

— Так уходите.

— Отдайте мне документ!

В конце концов мне его вернули, и я ушел оттуда.

Рассказывает Людмила Поликовская

Вскоре началась сессия, и надо было сдавать зачет по истории КПСС. У меня по этому предмету всегда были пятерки, потому что я была довольно политизированная девчонка и история партии (разумеется, не официальная, а подлинная) меня всегда интересовала. Поэтому факты я всегда знала, а концепция — дело несложное. И вдруг я заваливаю зачет. Вернее, меня заваливают — нагло, откровенно, цинично. Историю КПСС у нас вел некто Носов, в принципе человек довольно добродушный, не любивший ставить «неуды». А тут, дьявольски улыбаясь, он говорит мне что-то такое: «То, о чем вы сейчас рассказали, — это седьмая ошибка Троцкого, а вы должны были рассказать девятую. Нет, вы ничего не знаете». И так он завалил меня два раза. Еще одна пересдача в таком же духе, — и отчисление из университета на законном основании: академическая неуспеваемость.

Вся наша группа знала, что меня заваливают, и все хорошо понимали за что. И вот группа пришла к Носову и потребовала принять у меня зачет в ее присутствии. И тут он сказал нечто совершенно неожиданное: «Идите и не волнуйтесь: я поставлю ей зачет!» Сначала ему не поверили и пробовали настоять на своем, он повторил свое обещание, и было в его голосе что-то такое, что заставило всех, хотя, может, и не до конца, ему верить. Девчонки, а в группе были преимущественно девчонки, разошлись. А он мне сказал: «Идемте!» — и пошел к выходу. Разговор происходил на факультете. Я решила, что он хочет принять зачет на кафедре истории КПСС, и спокойно пошла за ним. Но мы прошли через «психодром», мимо здания, где находилась кафедра, и пошли дальше по направлению к метро, а потом и сели в метро. «Ну все! На Лубянку повез», — мелькнуло в голове. Но Лубянку мы благополучно проехали и вышли в Сокольниках. Идем через Сокольнический парк. А что значит парк? Это летом — парк. А зимой вечером — темно, народу никого — страшно! Но тут засветились какие-то огни, и мы подошли к какому-то зданию, которое оказалось шашлычной.

Входим мы в этот (достаточно уютный) шалман, он берет у меня пальто, проводит к столику, подает меню. «Что вы будете пить?» — ну, словом, весь ритуал, который выполняет мужчина, ухаживающий за женщиной и пригласивший ее в кабак.

— Давайте вашу зачетку! — он взял ее, поставил зачет и рассказал мне то, что я, собственно говоря, к этому моменту уже «вычислила».

— Зозуля (тупица и сволочь. — Л.П.) сказал мне не ставить вам зачета. Сначала я думал так и сделать, но вы мне понравились. Ваше счастье, что вы попали на меня, а не на какого-нибудь аспирантика. Я — доцент, без пяти минут — доктор и вашего Зозулю не боюсь. Ничего он мне не сделает.

Тут он прочел мне небольшую лекцию о том, как надо жить молодой девушке: искать хорошего жениха, а не лезть в политику. И начал со страшной силой кадриться. И потом еще долго обрывал мне телефон, считал, что я должна с ним расплатиться.

...Я благополучно кончила университет, но эта история мне «аукнулась». Я очень хотела поступить в аспирантуру, все мои интересы были тогда в науке, я совершенно не представляла себе, что смогу заниматься чем-то другим. (Скажем, журналистикой, которой мне потом пришлось заняться и которая увлекла меня так, что я и думать забыла об аспирантуре.) У меня был диплом по ЛЕФу. Он тогда еще только-только вышел из спецхрана, никаких работ вокруг него еще не было, и мой диплом был на девяносто процентов диссертацией. Оппонентом на моей защите был зав. кафедрой советской литературы А.Метченко⁸⁸ — жуткая сволочь, кочетовский автор, но человек знающий и способный оценить работу. Какие дифирамбы он мне пел! Естественно, что в тот день моя научная руководительница Е.Скороспелова⁸⁹, ничего не знавшая о моих грехах, сказала мне: «Теперь смело подавайте в аспирантуру! Алексей Иванович будет за вас».

...Увы, через несколько дней вызывает меня А.Метченко и говорит (не помню уж, напрямую или прозрачно намекнул), что посмотрел мое личное дело и ни о какой аспирантуре речи быть не может. И, видимо, решив подсластить пилюлю, великодушно предложил: «Хотите, я устрою вас в “Октябрь”?» Мое молчание он совершенно справедливо истолковал как знак несогласия. И, улыбаясь, добавил: «А в “Новый мир” я вас устроить не могу. Там моя рекомендация недействительна!»

⁸⁸ МЕТЧЕНКО Алексей Иванович (1907–1985), литературовед, с 1952 до конца жизни зав. кафедрой истории русской советской литературы филфака МГУ. В 1960-е постоянный автор журнала «Октябрь», главным редактором которого в 1961–1973 был В.А.Кочетов.

⁸⁹ СКОРОСПЕЛОВА Екатерина Борисовна, в 1960-е преподаватель кафедры истории русской советской литературы филфака МГУ. Живет в Москве, профессор кафедры истории русской литературы XX века филфака МГУ.

Из стенограммы пленума Ленинского районного комитета ВЛКСМ г.Москвы. 1.04.1966

А. ФОМИЧЕВ: <...> Вам всем известны события, которые были 5 декабря 1965 года на площади Пушкина, в этих событиях были замешаны часть наших студентов и комсомольцев. Мы беседовали с ними на заседании комитета комсомола и пытались разобраться, почему они попали туда. Что у них было общего в этом событии не совсем нормального характера. Там нашлись товарищи – и в группах, и на факультетах, комсорги и некоторые секретари, – которые говорили, что они, мол, хорошие люди, и просили нас обратить внимание на них и подойти к ним с коммунистической⁹⁰ позиции, забывая о том, что комсомол не просто организация, а политическая организация. И товарищи должны прекрасно понимать, куда ведут те или иные события и это событие 5 декабря, которое было создано людьми, явившимися инициаторами событий, разыгравшихся на Пушкинской площади 5 декабря, в день празднования Конституции.

ЦАОДМ. Ф.4013. Оп.4. Д.53. Л.30–31.

Совещание в ЦК ВЛКСМ Из стенограммы заседания секции по вопросам идейно-политической работы среди студентов от 20 апреля 1966 г.

<...>

Л.ПОСПЕЛОВ⁹¹.

<...> Например, прошло дело Даниэляна [так в тексте] – Синявского. Была реакция в вузах, поскольку все считали себя причастными к интеллигентному кругу. Какой мог быть выход? Можно было бы кого-то порицать. Мы собрали весь актив из 400 человек, и весь наш зал был забит до отказа. Мы пригласили выступить у нас тов.Чечину⁹² –

⁹⁰ Вероятно, ошибка стенографистки. Следует читать: гуманистической.

⁹¹ Секретарь комитета ВЛКСМ ЛГУ.

⁹² ЧЕЧИНА Надежда Александровна, правовед, в 1962–1977 народный заседатель Верховного суда РСФСР, в феврале 1966 народный заседатель на процессе Синявского и Даниэля, с 1966 профессор юридического факультета ЛГУ. Живет в Санкт-Петербурге.

члена Верховного Суда, которая вела это дело Даниэляна – Синявского. Она два часа беседовала с ребятами. Может быть, были заданы ей и дикие вопросы, всякие задавались, но она великолепно справилась с этим делом. Прекрасно владеет речью. И должен сказать, что эффект был тот, который мы хотели.

Волна, которая могла бы начаться, она была снята. Была нормальная реакция, и было дано правильное представление. <...>

тов. КРАЙНОВ⁹³.

<...> Во-первых, элемент политической неграмотности ребят <...> Неграмотность у нас. Вот возьмите дело Даниэля и Синявского.

тов. ГАНИЧЕВ⁹⁴.

Ты говори все-таки о том, что делает комсомольская организация и комсомольцы Московского университета.

тов. КРАЙНОВ.

Да. Вот дело Синявского и Даниэля. 5 декабря, в день Конституции, наши студенты, группа студентов пришли к памятнику Пушкину. Там же собралось всякое отрепье. Они встали на защиту Даниэля и Синявского, но не в этом дело, не в том, что эти люди пришли туда, к памятнику Пушкина. Эти люди пришли туда просто посмотреть, но когда их пригласили уйти оттуда, они не уходили. Наши ребята просили, и мы послали специальных людей. Люди поступили беспринципно. Пассивных тут не бывает. То, что нужно людям, они сделали. Классовый подход нужен. Комсомол – политическая организация, а если она политическая, то нужно подходить с политической точки зрения.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА.

К сожалению, это не записано в Уставе.

тов. КРАЙНОВ.

Да, к сожалению, не записано. Наш комитет комсомола четко отработал – всех 4⁹⁵ из комсомола исключил за беспринципность. Если первокурсник работает – это одно, он дурачок, а если работают с 4–5 курса студенты факультета

⁹³ Отвечает на вопрос, который задал себе сам: почему комсомольцы МГУ не бьются за советскую власть.

⁹⁴ ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (р. 1933), в середине 1960-х зав. Отделом пропаганды ЦК ВЛКСМ, в 1968–1978 директор издательства «Молодая гвардия». В 1978–1980 главный редактор газеты «Комсомольская правда». Живет в Москве, председатель Союза писателей России (с 1994).

⁹⁵ Либо ошибка (за участие в «митинге гласности» из ВЛКСМ были исключены семь человек), либо выступающий говорит об исключенных за упоминаемую им ниже попытку провести демонстрацию на Красной площади в знак протеста против ресталинизации.

журналистики, это наши будущие советские журналисты, и на собрании делегации [так в тексте] нашего комитета комсомола в течение 4–5 часов доказывать, что это преступление перед комсомолом, то тогда вообще о классовой работе трудно говорить. Сейчас вы все разъедетесь домой, а [для] нас это дело не кончилось. Мы должны как комсомольцы сказать одно слово, что если проходимцы собираются перед Мавзолеем Ленина, то организация комсомола должна выбросить их не только с Красной Площади, но и вообще из Московского университета. Это нужно всем и многим доказывать.

<...> И последнее. У нас одно большое опасение — провоздить все по уставу в настоящей ситуации мы не имеем возможности. Это значит просто исключить из комсомола. Но исключить его через собрание, это долго и трудно.

Я предлагаю, может быть, в крупных первичных комсомольских организациях определить какое-то звено, чтобы можно было пользоваться окончательным правом исключения из комсомола. У нас в университете очень трудно определить, где первичная комсомольская организация. <...>

ЦАОДМ. Ф.1. Оп.5. Д.1160. Л.20–21, 108–111, 113.

Рассказывает Юлия Вишневская

Потом повезли в больницу — в Кащенко, в детское отделение. Меня там держали, я думаю, месяца полтора-два. Особенно не лечили. Что-то давали, но я выплевывала. Меня там матом научили ругаться, до этого не ругалась, курить не давали. Ко мне относились лучше, чем к психам. Давали понять, что я — другое дело. Они были невероятно советские врачи. Очень плохо относились к больным детям.

Что я тогда об этом думала? Думала, что это очень большое безобразие и что это нарушение прав человека.

Помню, потом рыдала, когда узнала, что осудили Синявского и Даниэля. Стою, курю на лестнице под дверью своей квартиры и реву: напрасно все было, зря демонстрировали, зря стояли, все равно их осудили. Мама эту минуту использовала и говорила: «Ну что ваша мышиная возня? Вы все равно ничего не сделаете. Вон какой шум был, а их все равно осудили».

Рассказывает Владимир Батшев

Как и положено по первому разу, я пробыл в дурдоме 21 день. Там меня кололи всякой гадостью, а потом приходили гэбэшники и начинали меня допрашивать, надеясь, что, будучи не в себе от ле-

карств, я все расскажу. Но у меня была хорошая школа. Буковский меня научил: о том, о чем нельзя говорить, — не думать и тогда ни в каком состоянии этого и не скажешь. И я ничего не сказал, не проговорился.

Выписали меня с диагнозом: параноидальный синдром. Поставили на учет.

Из воспоминаний Ирины Кристи⁹⁶

Когда меня отпускали из милиции, С.Я., который попал туда вместе со мной, еще оставался там и ждал своей очереди на «беседу». Придя к Айхенвальдам, я ему позвонила. Он уже был дома и сказал, что, кажется, ляпнул что-то лишнее.

На другой день мы с ним встретились у тех же Айхенвальдов, и Юра опять внимательно выслушал каждую фразу С.Я. Оказывается, будучи схвачен, он решил, что запереться бессмысленно, так как «они уже всё знают». Врать он не хотел, а отказаться отвечать ему не пришло в голову. И он сообщил, что о демонстрации знал заранее, знал, что в основном будут филологи, что организатор демонстрации — Есенин-Вольпин. И что узнал он обо всем этом от меня. Рассказал, что я пошла на площадь из сочувствия к арестованным, а он пошел, чтобы меня охранять. Вот и охранил!

Юра сказал ему: «Видите ли, С.Я., исходить из того, что они «всё знают», не следует, ибо они часто не знают, а делают вид. Звать к их человеческим чувствам тоже не следует, ибо это не люди, а государственные машины». Затем под режиссурой Айхенвальда мы долго выработывали и репетировали в лицах сцену следующей беседы с органами — на случай, если меня или С.Я. опять вызовут. Вполне в Юрином стиле мы пытались согласовать две версии, мою и С., что, конечно, было невозможно. Ясно было, что он сказал правду, а я соврала.

Тем не менее именно о его присутствии на площади тут же сообщили на его службу. Был большой скандал, сложные объяснения с начальством. С.Я. повторил свою прежнюю версию. «Какой ужас! — воскликнула его начальница. — Если вам так дорога эта Кристи, то почему вы ее просто не заперли в комнате?» Мне было его очень жалко, но и стыдно за него — меня шокировала эта неуместная правдивость. Хотя, как потом выяснилось, никак особенно он меня не подвел.

(Вообще-то С. был крепкий парень. За несколько лет до того он не побоялся заявить о своем намерении выйти из комсомола, сказать,

⁹⁶ Из воспоминаний Ирины Кристи о демонстрации 1965 года. Бостон, 1996. Архив НИПЦ «Мемориал».

что ему комсомол не нужен. И несмотря на скандал, на публичное разбирательство — а он тогда работал в полурежимном учреждении — настоял на своем. Так что в случае с демонстрацией он просто не подготовился как следует.)

Я же работала тогда в Институте теоретической и экспериментальной физики Академии наук, который был режимным — что-то вроде «почтового ящика». Лично я никакого отношения к секретной работе не имела, но правила были общими. Работала я в математической лаборатории, под началом ныне покойного доктора наук, лауреата Государственной премии Александра Семеновича Кронрода⁹⁷. Это был человек яркий, блестящий, тщеславный, порой очень необъективный (иногда и просто скандалист), но способный на широкие, благородные поступки. Он был всего на несколько лет старше Вольпина, и они в какой-то период учились вместе на мехмате. Я Кронрода не любила, и он меня тоже. В его лаборатории я совершенно не прижилась. Буквально накануне мои друзья по секрету от меня просили его помочь мне уйти от него и устроиться на педагогическую работу, которую я любила и к которой у меня были способности. Его связей (Кронрода) на это хватало, и он вроде был готов это сделать. Конечно, мое участие в демонстрации сорвало эти планы и навсегда закрыло мне в России официальный допуск к педагогической работе.

Итак, на другой день после демонстрации я пришла на работу как можно раньше в ожидании неприятностей. Я была в комнате одна, когда туда зашел Кронрод и стал говорить о разных возможностях педагогической работы для меня. Он явно ничего не знал. Я вкратце рассказала ему про демонстрацию, про мое задержание, про Вольпина (которого он считал сумасшедшим). Я понимала, что ему лучше узнать все от меня, чем от кого-то другого.

Кронрод, выслушав, не высказал ни слова упрека; спросил только, всех ли отпустили после демонстрации. «Надо немедленно позаботиться о вашей защите, — заметил он, — ибо с вами могут быть связаны другие люди». Он, Кронрод, слышал, что у меня не все в порядке с психикой — так ли это? (Я, действительно, обращалась иногда частным образом к психиатрам, жалуясь в основном на депрессию.) Я ответила, что на учете в психдиспансере не состою. Он сказал, что надо немедленно встать на учет и, если я не буду возражать, он готов написать лично от себя бумагу о моих странностях. Впрочем, добавил он, сообщить в диспансер о моей ненормальности могут и мои родители. Я сказала, что моя мать и так считает меня сумасшедшей. «Вот и хорошо! —

⁹⁷ КРОНРОД Александр Семенович (1921–1986), математик; в 1965 доктор физико-математических наук, зав. лабораторией вычислительной математики (ВЦ) ИТЭФ АН СССР; в 1968 уволен с работы за подписание письма 99 математиков с протестом против помещения А.С.Есенина-Вольпина в психиатрическую больницу.

воскликнул Кронрод. — Если она так считает, ее сообщение будет вполне естественным».

Я не смела спорить с Кронродом, ибо понимала, что иначе он не сможет защитить меня. Я только попросила его подождать несколько дней. Через пару дней моя мать спросила меня, не случилось ли чего-нибудь, ибо к ней «приходили». Потом выяснилось, что и отца куда-то вызывали.

Родители, стало быть, уже не могли проявить инициативу в объявлении меня сумасшедшей. Я сообщила об этом Кронроду, он со мною согласился, написал бумагу о замеченных у меня странностях, датировал ее более ранним числом (1 или 2 декабря) и отнес в медпункт при нашем институте. Где-то через пару дней мою мать, а потом и меня вызвали в диспансер. Врач Галина Гавриловна Огородникова, грубоватая женщина мужеподобного типа, уже знала о моем участии в демонстрации. «Ира, — спросила она, — зачем вы туда пошли?» Я что-то пробормотала о чувстве вины перед сидевшими. (Конечно, это мое заявление было для нее бесспорным проявлением моей ненормальности — настолько бесспорным, что потом она говорила моим родителям: «До чего запустили, если она говорит такое!»)

Немного поговорив со мной, она предложила отправиться с ней в больницу. Признаться, я не была к этому абсолютно готова: учет — это еще не обязательно госпитализация. Тем не менее я не стала возражать, ибо понимала, что это и есть тот самый идеальный вариант, которого хотел добиться для меня А.С.Кронрод. Через несколько минут приехала «психовозка» и отвезла меня в больницу им. Кащенко. Было это, кажется, 12 декабря.

Приходили друзья; нам, как правило, разрешали общаться. Их приход очень скрашивал мою жизнь. К моему пребыванию в больнице они относились с юмором, психом никто из них меня не считал. Сильно хуже было с родителями. У них были две идеи: первая — что я больна и мне надо лечиться именно в этой больнице; вторая — что я оказалась в лапах гнусной антисоветской организации, которая втянула меня в эту демонстрацию, а сама спряталась за моей спиной. Поэтому родители люто ненавидели моих друзей, относились к ним с подозрением. И сильно усложняли этим мою и без того сложную жизнь. Когда вышла статья «Перевертыши», родители передали мне ее через врача с комментарием: «Вот видишь, за каких подонков ты вступалась!»

В первых числах февраля меня должны были выписать; дата выписки была заранее согласована с врачами. Утром этого дня меня вызвали в кабинет заведующей отделением, где меня ожидал солидный, малопрятный мужчина, который представился заместителем

главного врача больницы. Он сказал: «Нам придется вас задержать буквально на четыре-пять дней, чтобы пройти процедуры».

Я не понимала, в чем дело, и поэтому плакала. Мне казалось, что врачи просто врут и конца моему пребыванию в этой психушке не будет. Но через день ко мне на прогулку пришли мои родственники — Гриша и Маша Подъяпольские⁹⁸. Они подтвердили то, о чем я уже и так догадывалась: начался судебный процесс над Синявским и Даниэлем. Потому меня и оставили в больнице.

В день, когда суд закончился, закончился и мой первый психушечный опыт: меня наконец выписали...

Для меня лично до сих пор удивителен тот факт, что отцом этого события был человек настолько своеобразный, что порой он путал реальность с нереальностью, настолько «заформализованный», что иногда свято верил в то, что в Советском Союзе соблюдаются законы, просто забывая о том, что жизнь нам чаще всего портили не по закону. Удивительно, что именно эта его «некоммуникабельность», этот отрыв от реальности принесли свои плоды на фантастической российской почве.

Документы

Из протокола заседания бюро комитета ВЛКСМ МГУ № 15 от 23 февраля 1966 г.

<...>

СЛУШАЛИ: О даче рекомендации для вступления в члены КПСС ПОЛУПАНОВУ М., аспиранту юридического ф-та.

ПОСТАНОВИЛИ: Дать рекомендацию ПОЛУПАНОВУ М. для вступления в чл. КПСС.

СЛУШАЛИ: О даче рекомендации для вступления в чл. КПСС ХАСБУЛАТОВУ Р.

ПОСТАНОВИЛИ: Дать рекомендацию для вступления в чл. КПСС ХАСБУЛАТОВУ Р.

ЦАОДМ. Ф.6083. Оп.1. Д.96. Л.20.

⁹⁸ ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ Григорий Сергеевич (1926–1976), геофизик, поэт, общественный деятель; автор самиздата, правозащитник, член Инициативной группы в защиту прав человека в СССР (с 1969), член Комитета прав человека (1972–1974).

ПЕТРЕНКО-ПОДЪЯПОЛЬСКАЯ Мария Гавриловна, геолог, жена Г.С.Подъяпольского; участница движения в защиту прав человека в СССР. В 1988 эмигрировала в США, живет в Бостоне, пенсионерка.

Из стенограммы пленума Ленинского районного комитета ВЛКСМ г.Москвы. 1.04.1966.

С.ФОМЕНКО⁹⁹: Бюро Ленинского райкома выносит на ваше решение следующие вопросы. Нам нужно иметь в райкоме товарища, который бы координировал всю работу комсомольских комитетов ВУЗов, поэтому мы выходим к вам с предложением избрать внештатным секретарем райкома т.Крайнова.

Какие есть замечания или другие кандидатуры?

(с места — нет)

Вопросов к Борису нет?

(с места — нет)

Кто за то, чтобы избрать внештатным секретарем райкома т.Крайнова — секретаря комитета ВЛКСМ МГУ? Прошу голосовать. Кто за? Кто против? Кто воздержался? Трое. Опустите руки. Большинством голосов т.Крайнов избран внештатным секретарем райкома ВЛКСМ.

ЦАОДМ. Ф.4013. Оп.4. Д.53. Л.97.

⁹⁹ Секретарь Ленинского райкома ВЛКСМ.

Вместо эпилога. Год 1966-й и другие

Год, прошедший после «митинга гласности», усугубил взаимное отчуждение власти и общества. Система, столкнувшись с новой проблемой, предпочла решать ее привычными методами принуждения и репрессий.

Строго говоря, основное требование демонстрантов 5 декабря было удовлетворено — Синявского и Даниэля судили с соблюдением норм процессуального права. Подсудимые имели адвокатов и сами могли выступать в свою защиту. Слушания объявили открытыми, и в Союзе писателей можно было получить пропуск в зал суда. Процесс сопровождался многочисленными публикациями в прессе.

Однако почему-то торжество правосудия¹ и гласности не удовлетворило общественное мнение. Многочисленные индивидуальные и коллективные протесты против приговора доказали: гласность, даже в форме официальных партийных материалов, не идет на пользу этому политическому режиму и не вносит успокоения в умы — скорее наоборот.

Александр Гинзбург собрал доступные ему документы, связанные с делом Синявского и Даниэля, и составил из них документальный сборник — «Белую книгу». Сборник разошелся в множестве машинописных копий по стране, был официально отправлен составителем в Президиум Верховного Совета СССР, передан за границу и там издан. О «Белой книге» можно говорить долго; в каком-то смысле она была таким же этапным событием для становления общественного самосознания, как за год до нее «митинг гласности». Однако для нас важнее всего, что появление этого сборника очень многие восприняли как ответный удар, как знак того, что отныне последнее слово не всегда принадлежит государству.

А как реагировала власть на эти новые формы гражданского протеста?

Радикально-репрессивный вариант ответа, предложенный после 5 декабря 1965 года первым секретарем ЦК ВЛКСМ С.Павловым, так и не был принят (во всяком случае, в полном объеме). Но в борьбе с теми, кого позднее назовут диссидентами, уголовно-репрессивная компонента стала играть все более заметную роль. И не кто иной, как Семичастный, которому в декабре 1965-го косвенно оппонировал Павлов, уже летом 1966-го, за год до своего ухода с поста председателя КГБ, инициировал принятие на вооружение новых «правовых» инструментов уголовной репрессии против инакомыслия (прежде всего против открытых и публичных его проявлений) — статей 190¹, 190² и наиболее важной для нашей темы статьи 190³ Уголовного кодекса РСФСР². Причем в совместной с Генпро-

¹ Один из репортажей Ю.Феофанова в газете «Известия» так и назывался: «Здесь царит закон» (Известия. 1966. 11 февр.).

² В уголовные кодексы прочих союзных республик эти статьи вошли под другими номерами.

курором СССР Р.Руденко записке в ЦК от 8 июня 1966 года он обосновывает необходимость введения ст.190³ именно опытом 5 декабря.

В своем замечательном эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» А.Амальрик очень точно определил смысл деятельности диссидентов как попытку освоить некую «серую зону», лежащую между областью категорических запретов и пространством заведомо дозволенного. Идея организаторов демонстрации 5 декабря 1965 года состояла в том, что основой разграничения является закон, и только закон. Ну что ж, — ответила власть, — закон так закон. Вот вам статьи 190¹, 190² и 190³, если вы так настаиваете.

Общественное мнение этот ответ не удовлетворил.

Мы приводим фрагменты служебной переписки, связанной с разработкой и принятием новых «политических» статей УК, а также два материала, иллюстрирующих общественную реакцию на это правовое новшество. В первом из них — листовке, подписанной «Движение 5 декабря», — эта реакция выражена отчасти традиционным способом, в форме подпольной и анонимной инициативы (хотя в самом тексте уже говорится о праве и легальности). Второе — открытое обращение группы деятелей науки и культуры к сессии Верховного Совета СССР — демонстрирует уже принципиально иные, чисто диссидентские, в классическом смысле этого слова, формы гражданского протеста, порожденные опытом петиционной кампании 1965–1966 годов вокруг дела Синявского и Даниэля (кстати говоря, это письмо является, кажется, первым актом публичной гражданской активности А.Д.Сахарова).

22 января 1967 года у памятника Пушкину вновь прошла демонстрация протеста — уже третья по счету (вторая состоялась 5 декабря 1966 года, в годовщину «митинга гласности»). Она была вызвана арестами, проведенными КГБ тремя днями ранее³, но демонстранты выдвинули и более общее требование — отменить антиконституционные статьи 190¹–190³.

На этот раз пятеро участников демонстрации были арестованы⁴. Проявилось ли здесь своеобразное чувство юмора руководства госбезопасности или, наоборот, полное отсутствие воображения, но арестованным предъявили обвинение именно по тем статьям УК, против которых они протестовали. А на следующий день арестовали и Гинзбурга.

Именно к этому времени относятся строки Натальи Горбаневской⁵:

Страстная, насмотрись на демонстрантов.
Ах, в монастырские колокола
Не прозвонить! Среди толпы бесстрашной
И след пустой поэмка замела...

³ Были арестованы Ю.Галансков, А.Добровольский, В.Лашкова и П.Радзиевский (последнего вскоре отпустили).

⁴ В.Буковский, И.Габай, В.Делоне, Е.Кушев, В.Хаустов. Позже Габай был освобожден «по недостатку улик». Остальные предстали перед судом: весной был осужден на 3 года лагерей Хаустов, в августе тот же срок получил Буковский; Делоне и Кушев, которых судили вместе с Буковским, получили условные сроки.

⁵ ГОРБАНЕВСКАЯ Наталья Евгеньевна, поэт, переводчик, публицист. Участница демонстрации 25 августа 1968 на Красной площади (см. ниже). В 1968 основала «Хронику текущих событий» — машинописный информационный бюллетень правозащитников — и была его бессменным редактором до момента ареста в декабре 1969. Содержалась в спецпсихбольнице до 1972. В 1975 эмигрировала. Живет во Франции.

Впереди была волна протестов 1968 года, вызванная «процессом четырех»⁶ и превратившая разрозненные группы и компании в консолидированное общественное движение. Впереди был один из самых ярких и героических эпизодов этого движения — демонстрация семерых⁷ 25 августа 1968 года на Красной площади. Впереди был кризис 1972–1973 годов и возрождение середины 1970-х, когда в Москве и в некоторых республиках возникли специализированные правозащитные ассоциации, группировавшиеся в основном вокруг Хельсинкских групп. Все это сопровождалось более или менее интенсивными репрессиями против правозащитников.

Диалога общества с государственной властью не получилось.

Мы не будем пересказывать здесь все взлеты и падения правозащитного движения в СССР. Рассмотрим лишь сюжет, непосредственно связанный с темой нашего сборника, — традицию ежегодных митингов 5 декабря у памятника Пушкину.

Эти митинги почти ничем не напоминали манифестацию 1965 года — ни техникой организации, ни установившимся ритуалом. Пожалуй, лишь одно обстоятельство оставалось неизменным из года в год: практически полное отсутствие уголовных репрессий против участников митингов (власть ограничивалась созданием помех демонстрантам, кратковременными задержаниями и периодически возобновлявшимися попытками не допустить на площадь некоторых из тех, чье участие в очередном митинге рассматривалось как особенно нежелательное). О причинах такой сдержанности остается только гадать. Каким невероятным ни кажется предположение, что «программа правового воспитания власти» А.Вольпина принесла свои плоды, но даже и это объяснение не стоит сбрасывать со счетов...

В задачи настоящей книги не входит изложение всей истории декабрьских митингов на Пушкинской площади. Мы предлагаем читателю лишь пунктирные свидетельства о них, зафиксированные в выпусках «Хроники текущих событий», издававшейся с 1968 года. Естественно, в «Хронике» нет ничего о митингах 5 декабря 1966 и 1967 годов (о последнем нам вообще практически ничего не известно).

После октября 1977 года, когда в связи с принятием новой Конституции СССР День Конституции был перенесен с 5 декабря на 7 октября, московские диссиденты также перенесли свой митинг — на 10 декабря, Международный День прав человека. Подробная история этих митингов, до второй половины 1980-х по смысловому наполнению мало чем отличавшихся от митингов 5 декабря, выходит за рамки данного сборника

⁶ Дело Ю. Галанскова, А. Гинзбурга, А. Добровольского и В. Ланковой слушалось в Московском городском суде в январе 1968. Всем обвиняемым была предъявлена ст. 70 УК РСФСР («антисоветская пропаганда»); приговор соответственно — 7, 5, 2 и 1 год лагерей.

⁷ Демонстрация протеста против советского вторжения в Чехословакию. В ней участвовали К.Бабицкий, Т.Баева, Л.Богораз, Н.Горбаневская, В.Делонс, В.Дремлюга, П.Литвинов, В.Файнберг. Все демонстранты были задержаны. Двоих — Басву и Горбаневскую — отпустили в тот же день; остальные были арестованы. Файнберга признали невменяемым и отправили на принудление. Делонс и Дремлюга получили лагерные сроки; Бабицкий, Богораз и Литвинов — соответственно 3, 4 и 5 лет ссылки. «Демонстрацией семерых» ее называют потому, что Т.Баеву обычно не причисляют к участникам демонстрации.

(и уж тем более за пределами нашего повествования лежат бурные митинги на Пушкинской площади эпохи перестройки).

Наиболее существенное отличие последующих декабрьских митингов от манифестации 1965 года состоит в отказе от листовок как способа оповещения. Вообще, «Гражданское обращение» — едва ли не единственный известный нам пример использования листовок для организации коллективных правозащитных выступлений, а не для агитации и пропаганды⁸. Возможны два объяснения этого интересного обстоятельства. Первое — оптимистическое: традиционный митинг на Пушкинской площади стал достаточно известен и не нуждался в широком рекламировании. И второе — пессимистическое: правозащитное движение, создав собственную субкультуру, замкнулось само на себя и ограничилось узким кругом тех, кто в нем участвует; неспособность привлечь к себе и к своим акциям широкие слои населения сделала ненужным распространение листовок.

В какой-то степени истинны обе эти трактовки одновременно. Вопрос лишь в том, что понимать под словом «достаточно».

Сложившаяся традиция очень быстро отвергла также плакаты и выступления. Как показал опыт уже 1965 года, власти все равно не дали бы развернуть плакаты и не допустили бы выступлений. Кажется, единственное исключение из этого правила — речь П. Григоренко⁹, произнесенная им на митинге 1976 года. Зато почти сразу возник новый обычай: несколько минут молчания с непокрытыми головами, подобно тому, как это принято делать на похоронах. Этот трагический оттенок соответствовал пафосу противостояния, борьбы, которая не обходилась без жертв.

Действительно ли эта борьба завершилась победой права — покажет будущее.

⁸ Разумеется, это утверждение применимо лишь к специфически диссидентским публичным коллективным акциям (митинг, демонстрация, голодовка). Организаторы же многочисленных забастовок этого времени прибегали к использованию листовок довольно часто.

⁹ ГРИГОРЕНКО Петр Григорьевич (1907–1987), генерал-майор. В 1964 арестован КГБ за попытку создания подпольной организации. Разжалован в рядовые, признан невменяемым, до 1965 в спецпсихбольнице. В 1967–1969 один из наиболее известных и авторитетных деятелей диссидентского движения. Вновь арестован в 1969, помещен в спецпсихбольницу. Освобожден в 1974. Член Московской и Украинской Хельсинкских групп (с 1976). В 1977, во время зарубежной поездки, лишен советского гражданства. Жил в Нью-Йорке. В 1990 Указом Президента СССР ему посмертно возвращено советское гражданство; в 1993 Указом Президента РФ П. Г. Григоренко посмертно восстановлен в звании генерал-майора.

Листовка группы «Сопротивление»¹

5 декабря 1965 года в Москве на площади Пушкина состоялась демонстрация в поддержку требования гласности суда по делу писателей А.Синявского и Ю.Даниэля.

В нарушение самых элементарных демократических норм власти насильственно разогнали демонстрацию.

Под давлением властей, администрация гуманитарных факультетов МГУ провела гнусную кампанию расправы над студентами, оказавшимися в момент демонстрации на площади Пушкина.

Расправляясь с молодежью руками услужливого партийно-административного чиновничества, власть пытается замаскировать проводимые ею репрессивные мероприятия. Но свирепость псов только подчеркивает склонности дрессировщиков.

Отвечая на вопрос об аресте А.Синявского и Ю.Даниэля на пресс-конференции по случаю присуждения Нобелевской премии, М.Шолохов сказал: «Нужно писать честно и честно смотреть в глаза своей власти, а не завоевывать популярность, печатаясь на Западе...» В чьи глаза рекомендует честно смотреть заигрывающий с властью М.Шолохов? В глаза распоясавшихся политических держиморд? В глаза раболепствующих партийно-административных карьеристов или в глаза официозных демагогов и шарлатанов? И вообще странно, что М.Шолохов так долго не может разглядеть на физиономии «своей» политической власти пару поблескивающих жандармских медяшек вместо глаз. И, на наш взгляд, удивительно, что Нобелевская премия за 1965 год была присуждена человеку, мыслящему в объеме моралиста из официозной агитбригады, умеющему «честно» смотреть сквозь розовые очки в бесчеловечные глаза узурпаторов.

В связи с разгоном демонстрации и последовавшей за этим расправой над студенческой молодежью — возникает вопрос: кто несет ответственность за все допущенные нарушения конституционных свобод? Очевидно — никто! Очевидно, власти не считают нужным реально обеспечить провозглашенные Конституцией свободы, а, наоборот, склонны поддерживать акты надругательства над демократией и поощрять проявления прямого и косвенного насилия над личностью.

¹ Публикуется по: Белая книга: Сб. документов по делу А.Синявского и Ю.Даниэля / Сост. А. Гинзбург. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1967. С. 62—63.

Здесь уместно напомнить слова Пальмиро Тольятти из его «Памятной записки»: «Проблемой, привлекающей наибольшее внимание, — это относится и к Советскому Союзу, и к другим социалистическим странам — является, однако, преодоление режима ограничений и подавление демократии и личных свобод, который был создан Сталиным».

Мы призываем вас к бдительности и сопротивлению. Мы призываем вас честно смотреть в глаза своей совести и не душить ее естественные проявления в петле всегда ошибочного расчета. Мы призываем вас заглянуть в глубины собственного Я, и если вы увидите жалкого мошенника, уже потерявшего собственную голову, но трясущегося за каждый волосок на потерянной голове, то мы призываем вас не обманывать самих себя.

«СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Записка председателя КГБ В.Е.Семичастного и Генерального прокурора СССР Р.А.Руденко в ЦК КПСС

8 июня 1966 г.
№ 1277-с

Секретно

ЦК КПСС

В последние годы органы госбезопасности усилили профилактическую работу по предупреждению и пресечению особо опасных государственных преступлений, их количество из года в год неуклонно сокращается. В процессе этой работы органам власти приходится сталкиваться с проявлениями, которые представляют значительную общественную опасность, однако не являются наказуемыми по действующему уголовному закону.

К таким проявлениям относятся, в первую очередь, изготовление и распространение без цели подрыва или ослабления Советской власти листовок и других письменных документов с клеветническими измышлениями, порочащими советский государственный и общественный строй, а также попытки некоторых антиобщественных элементов под различными демагогическими предложениями организовать митинги, демонстрации и иные групповые выступления, направленные против отдельных мероприятий органов власти или общественных организаций.

Так, в ноябре и начале декабря 1965 г. в гор. Москве было распространено большое количество листовок, призывающих граждан принять участие в массовом митинге про-

теста против ареста Синявского и Даниэля. В результате этих подстрекательских действий 5 декабря 1965 г. на площади Пушкина собралась группа молодежи, пытавшаяся провести митинг с требованием «гласности суда» над Синявским и Даниэлем. Принятыми мерами митинг был предотвращен.

На следующий день члены литературного кружка при Литературном музее Колосков² и Кушев изготовили и распространили более 20 экземпляров так называемого «гражданского обращения»³, в котором сообщалось о якобы произведенных арестах участников митинга и предлагалось «всем без исключения протестовать против произвола властей». <...>

Попытка организации групповых выступлений, направленных против мероприятий органов власти, и распространение клеветнических измышлений, порочащих советский государственный строй, представляют большую общественную опасность, но наше законодательство не предусматривает ответственность за подобные умышленные действия, совершаемые без цели подрыва или ослабления Советской власти. <...>

На практике эти действия квалифицируются или как антисоветская агитация и пропаганда, или как хулиганство, хотя для такой квалификации в большинстве случаев отсутствуют достаточные основания.

По нашему мнению, перечисленные антиобщественные действия не могут оставаться безнаказанными, однако их целесообразно рассматривать не как особо опасные государственные преступления, а как преступления, направленные против порядка управления и общественной безопасности.

В целях дальнейшего укрепления законности и правопорядка Комитет госбезопасности и Прокуратура СССР считают необходимым рекомендовать Президиумам Верховных Советов союзных республик внести в уголовный закон дополнения, предусматривающие ответственность за общественно опасные действия, указанные в настоящей записке.

Проекты Указов Президиума Верховного Совета РСФСР прилагаются. Просим рассмотреть.

РГАНИ. Ф.3. Оп.80. Д.433. Л.75-77.

² Скорее всего речь идет о С.Колосове.

³ Председатель КГБ и Генеральный прокурор СССР говорят о листовке, подписанной группой «Спротивление». При этом они ошибочно присваивают ей название известного читателю «Гражданского обращения».

Проект Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «О внесении дополнения в Уголовный кодекс РСФСР»

Президиум Верховного Совета РСФСР постановляет:

Дополнить главу девятую «Преступления против порядка управления» Уголовного кодекса РСФСР статьями 190¹, 190² и 190³ следующего содержания:

«Статья 190¹. Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания

наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей.

Статья 190². Надругательство над Государственным гербом или флагом.

Надругательство над Государственным гербом или флагом СССР, РСФСР или другой союзной республики

наказывается лишением свободы на срок до двух лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до пятидесяти рублей.

Статья 190³. Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок.

Организация, а равно активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок, или сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти, или повлекших нарушение работы транспорта, государственных, общественных учреждений или предприятий,

наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей».

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР

РГАНИ. Ф.4. Оп.20. Д.82. Л.50.

Листовка «Движения 5 декабря»⁴

ГРАЖДАНЕ!

«Движение 5 декабря» – это не политическая организация и не антисоветская группка. «Движение 5 декабря» – это идейное движение, под знаком которого советские граждане должны бороться и защищать свои права, гарантированные им Конституцией СССР.

Через десять лет после XX съезда КПСС вновь делаются попытки реабилитировать Сталина, имя которого для всех честных людей стало синонимом произвола и бесправия.

Внимание демократической общественности должен привлечь тот факт, что решения XX и XXII съездов КПСС попираются и обещания, данные народу на этих съездах, до сих пор не выполнены.

Неосталинизм, т.е. попытка «сталинских соколов» под различными благовидными предложениями реставрировать «доброе имя вождя», происходит потому, что научное рассмотрение вопросов, связанных с личной диктатурой Сталина, приводит нас к выводу о несостоятельности линии партии в главных вопросах политики, идеологии и экономики, что неизбежно приводит нас к выводу о необходимости радикальной перестройки всей системы в целом.

Казалось, что XXII съезд решил провести кое-какие нужные стране преобразования. В частности, было обещано дать новую, более демократическую конституцию (председателем Конституционной комиссии до 1964 г. был Хрущев, после Брежнев). Но где же теперь хоть самое упоминание о новой конституции?

Происходит обратное. Драконовский указ от 16 сентября 1966 г.⁵ является вопиющим беззаконием, очевидным антиконституционным актом!

Наша страна стоит на распутье. С этической точки зрения упоминание имени Сталина как вдохновителя и организатора всех побед теперь звучит как кощунство. Все наши хозяйственные, научные и военные успехи были достигнуты не благодаря Сталину, а вопреки ему. Это должно быть ясно всем. Это убедительно доказывается, например, в письме

⁴ Публикуется по: Собрание документов самиздата. Т.3. АС №203-а.

⁵ Этим указом были введены в Уголовный кодекс статьи 190¹, 190² и 190³.

Э.Генри⁶ к Эренбургу, об этом много было сказано старыми большевиками в ИМЛ⁷ на обсуждении макета 3-го тома «Истории КПСС» и ранее — книги Некрича⁸.

Однако одними словами остановить сталинизм нельзя!
Рабочие и крестьяне, интеллигенты и молодежь!

«Движение 5 декабря» — это движение защиты законности.

Наши лозунги: «Уважайте законность!», «Государство для народа, а не народ для государства!», «Отменить антидемократические законы!», «Сталинизм не пройдет!».

В условиях куцей десталинизации нельзя достигнуть серьезных успехов ни в какой области. Только демократия и демократические институты могут обеспечить нормальное и всестороннее развитие страны и народа.

Требуем обеспечения гражданских свобод и немедленного принятия новой, демократической конституции после предварительного референдума.

Медлить — значит совершать преступление!

Читайте, распространяйте, действуйте!

Любые легальные методы — наше оружие в демократической борьбе!

«ДВИЖЕНИЕ 5 ДЕКАБРЯ»

⁶ ГЕНРИ Эрнст (наст. фам. Хентов Леонид Аркадьевич, с 1922 Ростовский Семен Николаевич) (1904–1990), политический деятель, разведчик, публицист; в 1920–1951 работал за границей. В последние месяцы жизни Сталина арестован; освобожден в 1955. После освобождения виднейший советский журналист-международник, специализировавшийся на антифашистской тематике. Его открытое письмо к И.Г. Эренбургу (30.05.1965) с резкой критикой высказываний писателя о Сталине в книге воспоминаний «Люди, годы, жизнь» стало одним из центральных документов самиздата середины 1960-х.

⁷ ИМЛ — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ведущее историко-партийное учреждение в СССР, публикации которого являлись директивными для всех историков страны.

⁸ Эти дискуссии (1966) стали полем острого конфликта сталинистов и антисталинистов, записи обсуждений широко распространились в самиздате (запись обсуждения тома 3 истории КПСС, как и письмо Э.Генри к Эренбургу, вошла в сб. «Феникс» (1966), подготовленный Ю.Т.Галапсковым).

НЕКРИЧ Александр Моисеевич (1920–1993), историк, общественный деятель; его книга «22 июня 1941» (1965), подготовленная на пике десталинизации, подверглась резким официальным нападкам за критику действий Сталина в предвоенный период и в начале Великой Отечественной войны. Автор был исключен из КПСС (1967), после подачи заявления на выезд из СССР уволен с работы (1975). В 1976 эмигрировал в США, работал в Гарвардском университете.

Открытое обращение группы советских граждан к сессии Верховного Совета СССР⁹

Копии: Политбюро ЦК КПСС,
Президиуму Верховного Совета РСФСР,
Генеральному прокурору СССР

Товарищи депутаты!

Мы, группа советских граждан, считаем своим долгом выразить отношение к принятому Президиумом Верховного Совета РСФСР Указу от 16 сентября 1966 г. «О внесении дополнений в Уголовный кодекс РСФСР».

По нашему мнению, дополнение УК РСФСР статьями 190¹, 190³ дает возможность субъективной оценки, произвольного квалифицирования чьих-либо высказываний как заведомо ложных, порочащих советский государственный и общественный строй.

Мы уверены, что статьи 190¹ и 190³ противоречат ленинским принципам социалистической демократии и в случае утверждения их Сессией Верховного Совета РСФСР могут быть препятствием к осуществлению свобод, гарантированных Конституцией СССР.

С.М. Антонова — член КПСС с 1904 г.

Б.Л. Астауров — академик, цитология

В. Войнович — писатель

В.Л. Гинзбург — академик, физика

С.А. Давыдовская — член КПСС с 1925 г.

Ю. Домбровский — писатель

Я.Б. Зельдович — академик, астрофизика

Д.Ю. Зорина — член КПСС с 1917 г.

В. Каверин — писатель

И.Л. Кнунянц — академик, химия

М.А. Леонтович — академик, физика

А.Б. Мигдал — академик, физика

В. Некрасов — писатель

М.И. Ромм — кинорежиссер

А.Д. Сахаров — академик, физика

С.Д. Сказкин — академик, история

И.Е. Тамм — академик, физика

В.М. Турок-Попов — доктор исторических наук

Д.Д. Шостакович — композитор

В.А. Энгельгардт — академик, биохимия

П.И. Якир — историк.

⁹ Печатается по: Правосудие или расправа?: Дело о демонстрации 22 января 1967 г. / Под ред. П.М.Литвинова. Лондон: ОРІ, 1968. С.6–7.

ОТ «МИТИНГА ГЛАСНОСТИ» — К «МИТИНГУ МОЛЧАНИЯ» **(Из сообщений «Хроники текущих событий»)**

5 декабря 1968 г. в Москве на Пушкинской площади состоялась традиционная демонстрация в связи с Днем Конституции. Как известно, первая демонстрация у памятника Пушкину состоялась 5 декабря 1965 г. в знак протеста против ареста СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ и проходила под лозунгом «Уважайте Конституцию». Демонстрация 5 декабря 1968 г. была митингом молчания: около 20 ее участников десять минут стояли у памятника с непокрытыми головами. Здесь же присутствовало большое количество оперотрядчиков и сотрудников КГБ, которые выжидающе стояли в стороне, однако сами не пытались затевать провокации.

№ 6 (28.02.1969)

5 декабря [1969] на Пушкинской площади состоялась традиционная демонстрация молчания. Первая демонстрация такого рода — в защиту Ю.ДАНИЭЛЯ и А.СИНЯВСКОГО — состоялась 5 декабря 65 г. Она проходила под лозунгом «Уважайте Конституцию». На этот раз около 50 человек вышли на Пушкинскую площадь для того, чтобы почтить память своих товарищей, находящихся в лагерях, тюрьмах, ссылках. В 6 час. вечера демонстранты, окруженные толпой охранников в штатском, обнажили головы.

№ 11 (31.12.1969)

5 декабря [1970] — в День Конституции — в 6 часов вечера на Пушкинской площади в Москве состоялась ставшая уже традиционной демонстрация: собравшиеся, обнажив головы, минутой молчания продемонстрировали свой протест против нарушений конституционных прав. В этом году на площадь пришло несколько десятков человек. Присутствовали иностранные корреспонденты. Площадь была заполнена сотрудниками госбезопасности, милицией и дружинниками. В отличие от предыдущих лет, были случаи вмешательства со стороны милиции и дружинников — несколько человек насильно увели с площади.

<...> После демонстрации на Пушкинской площади были задержаны несколько московских студентов. Их остановили для проверки документов на углу Советской площади и предложили пройти в находящийся рядом Центральный штаб народных дружин. Там у одной из студенток был вскрыт чемодан, в котором находились ее зачетная книжка и «самиз-

датовские» документы: два номера «Хроники» и статья А.Д.САХАРОВА «Размышления о прогрессе...».

Студентов продержали в штабе 4 часа.

№ 17 (31.12.1970)

Москва. 5 декабря 1974 г. на Пушкинской площади состоялась традиционная «минута молчания».

№ 35 (31.03.1975)

5 декабря 1975 г. на Пушкинской площади в Москве состоялась традиционная «молчаливая демонстрация». Первая демонстрация на Пушкинской площади имела место 10 лет назад.

№ 38 (31.12.1975)

5 декабря — День советской Конституции

В этот день [1976] в Москве в двенадцатый раз состоялся традиционный «митинг молчания» у памятника Пушкину. Первая демонстрация на Пушкинской площади была проведена 5 декабря 1965 г. Демонстранты требовали гласности приближающегося суда над А.Синявским и Ю.Даниэлем и соблюдения Конституции. Последнее требование стало традиционным девизом ежегодных демонстраций 5 декабря. Ровно в 18.00 демонстранты «в знак траура» по конституционным свободам обнажают головы и несколько минут стоят молча. До сих пор число участников колебалось от десятка до нескольких десятков человек. Демонстрации проходили относительно спокойно: кольцо дружинников смыкалось вокруг демонстрантов, создавая вместе с ними толпу в 100-150 человек.

В этот раз все было по-другому. Группу демонстрантов, в которой был А.Д.Сахаров, оперативники окружили плотным кольцом, начали толкать, раскачивать, энергично оттеснять от памятника Пушкину к скамьям и живой изгороди сквера. Н.Федоровой разбили очки, В.Некипелова сбили с ног. <...> Прибывшая на демонстрацию группа баптистов-«инициативников» из Киева оказалась вне этого кольца. Кто-то из баптистов бросил Сахарову огромный букет гвоздик, однако этот букет вышибли у Сахарова из рук и растоптали. Все это происходило под аккомпанемент улюлюканья и выкриков (особенно в адрес А.Д.Сахарова), имитирующих «возмущение масс».

Вокруг тех, кому удалось пройти к памятнику, собралось несколько сот человек, однако обстановка там была гораздо спокойнее. К 6 часам вечера толпа занимала все пространство от памятника до улицы Горького. Какую-то

часть публики составляли дружинники, но какую именно — оставалось неясным до 18.00. В этот момент вслед за группой «традиционных» участников демонстрации многие — но не все — обнажили головы.

В отличие от обстановки вокруг оттесненной группы, у памятника пять минут длилось никем не нарушаемое молчание. После этого П.Г.Григоренко впервые в истории митингов на Пушкинской площади произнес краткую речь:

«Спасибо всем, кто пришел сюда почтить память миллионов невинно загубленных людей! Спасибо всем вам и за то, что вы своим присутствием здесь выразили солидарность с узниками совести! Традицию демонстраций на площади Пушкина установил Владимир Буковский, который сейчас является узником Владимирской тюрьмы. Требуйте свободы Владимиру Буковскому!!»

Многие громко повторили: «Свободу Буковскому!»

Над толпой все время вспыхивали «блицы»

<...>

Первые аналогичные демонстрации произошли в других городах — в Одессе и в Ленинграде. В Одессе 13 человек пришли к 17 часам к памятнику Пушкину на Приморском бульваре. В Ленинграде в демонстрации (у памятника Пушкину на площади Искусств) участвовало 25 человек.

№ 43 (31.12.1976)

В связи с отменой празднования Дня Конституции 5 декабря возник вопрос, как быть с традиционной демонстрацией на Пушкинской площади в Москве, проводившейся в этот день ежегодно с 1965 г. (см., например, Хр.43). 30 ноября 1977 г. 14 человек послали председателю Моссовета письмо: «Сообщаем Вам, что молчаливая демонстрация переносится на День прав человека, т.е. на 10 декабря на 19 часов. Мы просим Вас дать указание органам милиции не допускать хулиганских действий на площади...»

<...>

10 декабря более 20 человек в Москве с утра находились под домашним арестом <...> В.Бахмина не выпустили из дома, где он был в гостях. А.Подрабинека и Т.Осипову при попытке выйти из дома отвели в милицию.

Демонстрация все же состоялась. Человек 20–30 в 7 часов вечера возле памятника Пушкину сняли на несколько минут головные уборы. Обстановка на площади, в отличие от прошлогодней (Хр.43), была хотя и напряженной (было много «наблюдателей»), но внешне спокойной.

№ 48 (14.03.1978)

День прав человека

Москва. 10 декабря 1978 г., в 30-ю годовщину принятия Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека, на Пушкинской площади в Москве в 7 часов вечера должна была состояться «молчаливая демонстрация», продолжающая традицию демонстраций 5 декабря (Хр.48). Однако попасть на Пушкинскую площадь в этот день оказалось весьма нелегко. Люди, подозреваемые в том, что они собираются принять участие в демонстрации, были задержаны при выходе из своих квартир и доставлены в отделения милиции или опорные пункты. Тех, кому все же удалось ускользнуть от «недремлющего ока» КГБ, задерживали на подступах к Пушкинской площади и также препровождали в отделения милиции (как правило, в 108-е).

Памятник Пушкину и весь сквер были обнесены специально возведенным забором. Кроме того, возле памятника был поставлен мощный компрессор (примерно часов в 6 он «заработал»). Все свободное место было заполнено сотрудниками КГБ и милиции.

И тем не менее демонстрация, состоявшая в том, что несколько десятков человек в течение 5 минут молча стояли с непокрытыми головами, была проведена. Гэбисты и милиционеры набросились на демонстрантов, заламывали им руки, хватили за волосы, избивали, а затем тащили в отделение. Возмущенные прохожие, пробовавшие заступиться за избиваемых, тоже были задержаны.

Все задержанные к 22 часам были освобождены.

<...>

Киев. Аналогичные превентивные аресты прошли в Киеве, где в 16 часов были задержаны Г.Токаюк, Л.Хейна, Я.Бородаевский, П.Стокотельный, В.Малинкович, Н.Горбаль, В.Дубровец, О.Гейко. Их продержали 5 часов. Некоторым были предъявлены «обвинения»: в нарушении правил прописки, спекуляции книгами, контрабанде наркотиками, незаконной врачебной деятельности.

<...>

Ставропольский край. Перед 10 декабря в Пятигорске, Железноводске и Кисловодске были расклеены листовки следующего содержания: «Если Вы осознали свое и общее бесправие в СССР, приходите в цветник г.Пятигорска, рядом с магазином «Кристалл», к 18 час. 10 декабря 1978 г. на встречу «Минута молчания». В этой встрече нет ничего незаконного. 10 декабря 1948 г. Советским Союзом была подписана Всеобщая декларация прав человека».

№ 52 (01.03.1979)

День прав человека в Москве

10 декабря [1979] на Пушкинской площади должна была состояться традиционная (Хр.52) «молчаливая демонстрация». К 18 час. у памятника Пушкину собралось около сотни КГБшников, милиционеров и дружинников. Несколько человек, считавших, что демонстрация должна начаться в 18 час., обнажили головы и молча простояли так несколько минут – им не препятствовали. В 18 час. 40 мин. всевозможные «сотрудники» под руководством подполковника милиции начали – очень грубо – освобождать площадку вокруг памятника. <...> К 18 час. 50 мин. площадка вокруг памятника была очищена от «посторонних» и ограждена металлическими заборчиками; вокруг памятника погасли фонари; был перекрыт выход к памятнику из метро. «Посторонние» были отеснены к выходу из метро и даже на проезжую часть. Здесь сотрудники КГБ начали выхватывать отдельных людей и загружать ими подходящие микроавтобусы; на время загрузки очередного микроавтобуса включался прожектор на здании «Известий». Всего «погрузили» таким образом около 50 человек, примерно столько же задержали на подходе к площади.

<...>

Ленинград. 10 декабря у Казанского собора состоялась демонстрация. Шнырявшие сотрудники КГБ здоровались со знакомыми диссидентами. Когда милиция стала разгонять демонстрантов, чем-то прыскали из портативных баллонов. Демонстрация быстро рассеялась.

№ 55 (31.12.1979)

День прав человека в Москве

10 декабря [1981] в 19 часов у памятника Пушкину ожидалась традиционная молчаливая демонстрация (Хр.43, 48, 52, 55, 60).

На этот раз вокруг памятника не было никаких заборов, как в 1978 и в 1979 годах, можно было свободно всюду проходить, но «подозрительных» милиция и «штатские» начиная с 16 часов мгновенно погрузили в микроавтобусы и развозили по ближайшим отделениям милиции и «опорным пунктам». Общее число задержанных оценивается в несколько сот человек. <...>

Через несколько часов всех, кроме приехавших в Москву супругов-киевлян И.Герашенко и И.Ратушинской (Хр.60, 62), отпустили. «Гостям столицы» дали по 10 суток.

№ 63 (31.12.1981)

ОТ «МИТИНГА ГЛАСНОСТИ» К ДЕМОНСТРАЦИИ ГЛАСНОСТИ

Попытка послесловия

На веки вечные мы все теперь в обнимку
на фоне Пушкина! И птичка вылетает.

Булат Окуджава

Велико искушение проложить изящную линию генетической связи от событий 5 декабря 1965 года к сегодняшним российским гласности и правовой государственности, вплетя в ее узор полные намеков строки Окуджавы. Помните: «Извозчик стоит. Александр Сергеевич прогуливается. Ах, завтра, наверное, что-нибудь произойдет»? Не о тех ли это «прогуливаниях» Александра Сергеевича Есенина-Вольпина, результатом которых стал вошедший в историю «митинг гласности»? И ведь, действительно, *произошло*. Но не под воздействием магии поэтического слова и вовсе не потому, что горстка мальчишек и девчонок вышла в условленный час к памятнику с юридически безукоризненно выверенными лозунгами. И не потому, и значительно позже.

Да, «митинг гласности» положил начало диссидентской традиции демонстраций на Пушкинской площади. Но никогда эти демонстрации не были средством политической борьбы. Хотя бы уже из-за того, что диссидентство, как и правозащитная деятельность, лежит совсем в иной плоскости, нежели политика. Сравните и попытайтесь поменять местами прилагательные речевых клише «прожженный политик» и «наивный правозащитник». Получается откровенная несуразица.

Даже этот нехитрый прием ясно показывает всю *разноплановость* политической и правозащитной деятельности. Примем во внимание и очевидное отсутствие всякой публичной политики в советскую

¹ ФЕДОТОВ Михаил Александрович (р. 1949), участник митингов 5 декабря 1966 и 22 января 1967 на Пушкинской площади. В 1968 отчислен с юридического факультета МГУ за присутствие у здания Мосгорсуда во время процесса над А.Гинзбургом, Ю.Галансковым, А.Добровольским и В.Лашковой, восстановлен на вечернем отделении. Доктор юридических наук. Один из авторов Закона СССР о печати (1990) и Закона РФ «О средствах массовой информации» (1991), впервые гарантировавших свободу слова и запрет цензуры. Зам. министра, министр печати и информации РФ (1990–1993). В 1993–1998 Постоянный представитель РФ при ЮНЕСКО, имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и полномочного посла. С середины 1998 секретарь Союза журналистов России, вице-президент фонда «Индем», зав. кафедрой ЮНЕСКО по интеллектуальной собственности. Живет в Москве.

пору. Место политической деятельности здесь занимала так называемая политическая работа, породившая, в частности, термин «политработник». Инакомыслящий по определению не мог «находиться на политической работе», поскольку это выражение означало службу в партийных органах. Он мог быть лишь *объектом* этой работы, когда его инакомыслие становилось поводом, как минимум, для пресловутого «профилактирования».

Разумеется, запрет публичной политической деятельности порождает ее нелегальную форму. Точно так же тоталитаризм с его единомыслием *порождает* диссидентство. Заметим, что, напротив, с демократией — чисто логически — инакомыслие *несовместимо*, поскольку та базируется на плюрализме: информационном, мотивационном, позиционном, культурном, форм собственности и т.д.

Будучи естественной функцией нормального думающего человека, *свободомыслие* в условиях тоталитарного режима превращается в *инакомыслие* как форму отклоняющегося поведения. Тем самым норма и исключение меняются местами. И в этом своем качестве исключения из правил диссидентство становится уделом тех, кто особенно остро, почти физиологически ощущают замкнутость политического пространства и отсутствие свободы. Эдакая социальная клаустрофобия.

Но, главное, инакомыслие рождается не как сознательный и прагматически выверенный протест против режима, а — особенно среди студентов и старшеклассников — как почти *инстинктивная реакция* на его противоестественность и несправедливость. Невозможно пройти мимо того факта, что многие из героев 5 декабря и последующих демонстраций не просто писали стихи, но были талантливыми поэтами. Естественно, нонконформистами — гонимыми и непечатаемыми. Для них политическая оппозиционность была лишь одним из сюжетов, проявлением — причем отнюдь не главным — их литературных позиций. Она складывалась в первую очередь из эмоций и образов, а вовсе не из доктрин или сверхдальновидного расчета.

Там, где ветер дипломат
там, где дождик ювелир
там, где сотни лет подряд
мысли на расстрел вели.
...Это родина тоски
плодородной лжи участок,
где кровавые виски
в ледяной наган стучатся.
Пусть поймет меня страна
с манифестами резни
как сливались имена
медью капая с ресниц!

Это из Леонида Губанова с его откровенным пренебрежением ко всем знакам препинания кроме восклицательного — почти обязательного заключительного аккорда многих его стихов. Он не дожил не только до бронзы, но даже до типографского гарта, оставив после себя россыпи рукописей.

В значительной мере литературная по своему происхождению политическая оппозиционность, характерная, на мой взгляд, для Вадима Делоне, Юлии Вишневской, Владимира Батшева и других молодых поэтов, объединявшихся в неформальную группу СМОГ, а позднее и ФРАМ (участники последнего облюбовали для своих поэтических бдений памятник Гоголю на одноименном бульваре), усиливалась традиционной героизацией фронды и апокрифическими представлениями о методах отечественной внутрилитературной борьбы первых десятилетий XX века. Она легко трансформировалась из рифм и ассонансов в конкретные публичные поступки, и наоборот. Таким образом политическая демонстрация становилась в определенном смысле *формой литературного творчества*. В свою очередь, власти квалифицировали подобные проявления политического инакомыслия либо как сознательный вызов и подрыв строя, либо как психическое нездоровье. В результате, сталкиваясь с естественной реакцией противоестественной системы, диссидентство в силу объективной необходимости принимало нелегальные формы, хотя его носители лишь инако мыслили, а вовсе не боролись за власть.

Конечно, диссидентство появилось в Советском Союзе задолго до 5 декабря 1965 года (хотя сам термин — значительно позже), но обычно носило индивидуальный и скрытый характер. Вероятно, оно так никогда и не стало бы явлением общественной жизни, фактором, реально влияющим на политические процессы, если бы не вышло за стены столичных и провинциальных кухонь, не объективировалось в «самиздате» и «тамиздате», демонстрациях на Пушкинской площади и прочих «замесах». Только тогда защелкали фотоаппараты иностранных корреспондентов, заговорили радиоголоса и ленивый взгляд мирового общественного мнения, с которым приходилось считаться даже кремлевским старцам, на несколько лишних мгновений задержался на теме прав человека в СССР.

Те же, кто вышел на площадь к памятнику поэту, были невообразимо далеки от тех политических спекуляций по их поводу, которые появятся потом в полном соответствии с конфронтационной логикой двухполюсного мира. Главным для них — может быть, и неосознанно — было желание почувствовать себя *свободными людьми*, на равных разговаривающими с партийно-государственным Левиафаном. Разумеется, воспитанные в атмосфере тотального страха, они предусмотрительно искали себе оправдания. Одни — в юридической норме,

гарантирующей свободу собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций (статья 125 Конституции СССР 1936 года). Другие — в текстах транспарантов, призывавших соблюдать Конституцию СССР. Третьи — в обычном праве уличного зеваки.

Все ухищрения были напрасны, поскольку уже сам факт несанкционированного появления в центре столицы нескольких десятков (или, хуже того, сотен) людей, собранных сюда бесцензурными листовками с «Гражданским обращением», был *демонстрацией отсутствия* тысячекратно продекларированного морально-политического единства народа как с партией, так и самого по себе. Этого власти не могли спустить, несмотря на хитроумно диетические лозунги и мирный характер сходки.

Однако, строго юридически, демонстранты не совершили никакого деликта. И с учетом того, что времена стояли уже не абсолютно Рюдоедские (Ахматова говорила — вегетарианские), судебные репрессии были заменены изгнанием из комсомола, из института и т.д. Но подобная игра в юридические кошки-мышки не могла длиться долго. И прежде всего потому, что диссиденты и власти играли на этом поле в *разные* игры и по *разным* правилам.

Как и положено по определению инакомыслящим, они не принимали на веру официальную доктрину о классовой сущности государства и права. Их не могла удовлетворить магическая формула «Учение Маркса всесильно, ибо оно верно», из которой следовало, что всякая альтернатива учению Маркса является ошибочной по определению, так как, если она оказывается верной, то учение Маркса перестает быть всесильным. Напротив, они желали этой альтернативы и видели ее в классических представлениях о праве как воплощенной справедливости.

Действительно, еще древнеримские юристы исходили из принципа «Cogitationum roenam nemo luit»². Более того, они утверждали: «Quid leges sine moribus proficiunt?»³, создавая тем самым базу для вывода блаженного Августина о *принципиальной неотличимости* лишенного нравственных начал государства от банды разбойников. Может быть, именно это вдохновляло организаторов «митинга гласности», когда они пытались апеллировать к праву, одновременно заманивая власти в лабиринты юридической логики.

Но не таково социалистическое правосознание, ярко продемонстрированное в вышеприведенных стенограммах знакомым мне впоследствии по работе в ВЮЗИ к.ю.н. М.И.Полупановым, чтобы отступить перед аргументами нравственного выбора или юридического

² Никто не несет наказания за мысли (лат.).

³ Что пользы в законах, там где нет нравственности? (лат.).

силлогизма. Вспомним, что генетический код режима формулировался Лениным как «ничем не ограниченная, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненная, непосредственно на насилье опирающаяся власть». Следовательно, право есть сила, сила есть право, а законы — «и плохие и хорошие декреты» — не более чем «грязная бумага», юридически оформляющая политические решения, вытекающие из требований момента. За доблесть здесь почиталось не останавливаться перед неизбежностью законов, а, исходя из их временного значения, отменять и изменять их. Отсюда столь бесцеремонное обращение с правами всех и вся: граждан, народов, суверенных государств и т.д.

Вполне законченная картина: одна и та же группа людей создает законы, по которым монопольно формирует законодательные органы, которые, в свою очередь, послушно оформляют все законы, создаваемые этой группой для закрепления своей безраздельной власти. Так, именно по воле Политбюро ЦК КПСС из проекта Конституции СССР 1977 года исчезла статья о свободе передвижений и выбора места жительства, но зато появилась — о руководящей и направляющей силе, почти текстуально совпадающая со статьей 4 Закона гитлеровского рейха «Об обеспечении единства партии и государства» от 1 декабря 1934 года. Подобное пренебрежительно-потребительское отношение к закону нарушало, как минимум, три важнейших постулата правового государства: а) правотворчество есть прерогатива общества, реализуемая через государство; б) разделение властей есть гарантия от узурпации власти; в) право есть нормативно закрепленная и реализованная справедливость. Я уже не говорю о предельно гибком подходе к практике правоприменения, которая могла кардинально меняться по воле, скажем, все того же Политбюро. Впрочем, чему удивляться, ведь даже самое понятие правового государства в те времена было под запретом как зловредное измышление антикоммунистов.

Диссиденты не разделяли ни правовой цинизм властей, ни являвшийся его естественным продолжением правовой нигилизм общества. Они изобрели третий путь — некую смесь *правового оптимизма*, базировавшегося на примате международных норм о правах человека, и *правового идеализма*, вдохновлявшегося надеждой на то, что посредством коллективных публичных действий можно заставить власти соблюдать ими же установленные законы. Все прочие в большинстве своем не верили в закон, не знали его и знать не хотели, поскольку были уверены, что юридический произвол неистребим и, может быть, даже естествен.

К слову сказать, предпочтение права сильного силе права и по сей день составляет реальный факт политического и правового сознания наших сограждан. Однако нельзя не заметить, что скоро уже двадцать

лет, как схватки политических противников проходят в основном в форме битвы бумажных тигров на арене юриспруденции. Правда, случаются и захваты общественных зданий, и стрельба из танковых пушек, когда стороны оказываются не в силах долее доказывать свою правоту арбитру-обществу, друг другу и самим себе посредством ссылок на конституционные нормы, законы, международные пакты и т.п. И может показаться, что правовая государственность рождается в борьбе идеалистов, пытающихся подчинить жизнь общества догмату господства права, и прагматиков, искусно приспособливающих неприемлемый для них догмат к российским реалиям. Только трудно верится — применительно к фигурантам данной книги — как в идеализм Р.И.Хасбулатова, так и в прагматизм Сергея Адамовича Ковалева. Но в чем я совершенно уверен: именно наши общие социогенетика и правовая инерция обусловили многие зигзаги и ошибки в ходе реформ нового времени.

Диссиденты второй половины 1960-х вершили свой крестный путь в *перпендикулярном* направлении, основываясь на Всеобщей декларации прав человека, Уставе ООН и логическом толковании советских законов. Ответный ход властей не заставил себя долго ждать. Обнаружившийся пробел в уголовном законодательстве был срочно восполнен путем внесения в УК РСФСР статей 190¹, 190² и 190³, которые практически без промедления были пущены в ход в связи с последующими демонстрациями на Пушкинской площади. В свою очередь, эти откровенно антиконституционные статьи и практика их применения породили новые диссидентские выступления.

Короче, машина перемальвания судеб завертелась. С одной стороны, лозунги становились все откровеннее, с другой — сроки все длиннее, издеательства все изощреннее. Определение всему этому дал Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года, в преамбуле которого констатируется: «За годы Советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам». Закон не только осуждает многолетний террор и массовые преследования народа как несовместимые с идеей права и справедливости, но и признает наличие неустраненных последствий произвола.

Итог подвел Конституционный суд РФ в постановлении по так называемому «делу КПСС». «В стране в течение длительного времени господствовал режим неограниченной, опирающейся на насилие власти узкой группы коммунистических функционеров, объединенных в политбюро ЦК КПСС во главе с генеральным секретарем ЦК КПСС. ...Руководящие структуры КПСС были инициаторами, а структуры

на местах — зачастую проводниками политики репрессий»⁴. Правда, КС не рискнул пойти дальше и вменить КПСС в целом те преступные деяния, которые были совершены ее политическим руководством непосредственно или путем использования своего неустрашимого демократическими средствами влияния на государственные структуры, при массовом участии или с молчаливого одобрения рядовых членов партии. Слово истины в последней инстанции о подлинной природе этой организации по захвату и удержанию власти любыми способами так и не прозвучало, а значит, и по сей день сохраняется опасность насильственного возврата к прежним порядкам.

Невозможно разорвать связь времен. Отсекая прошлое, мы теряем ощущение настоящего и, следовательно, лишаемся возможности лучшего будущего. При этом прошлое мы несем в самих себе, в генах страха и безудержной смелости, в жизненном опыте обретения здравого смысла с его навыками и предрассудками, словом, во всем том, из чего складывается политическая память общества. И это прошлое, не будучи полностью разъяснено и демистифицировано, возвращается привлекательностью простых решений, кажущейся надежностью силовых вариантов, уверенностью в возможности произвольно творить право в неправовой ситуации. Популярный тезис последних лет о необходимости «сильной руки» означает традиционную для советского обывателя апелляцию не к праву как таковому, а к власти вообще. Пойдя навстречу этим ожиданиям, власть рискует снова превратиться в квазивласть, воспроизводящую квазиправо.

Конечно, мы еще не пришли к цивилизованному правовому государству. Но ведь ясно, что мы придем к нему не в полдень по средневропейскому времени такого-то числа, а лишь постепенно приближаясь и ежедневно делая выбор между превосходством права и неправовым произволом. С учетом тяжелой наследственности нашему обществу предстоит еще долго воспитывать в себе *терпимость* к господству права и одновременно *нетерпимость* к демонстрации правовой государственности. И здесь есть чему поучиться у бывших диссидентов.

Поразительно, но факт: участники демонстрации 5 декабря 1965 года *ничего не демонстрировали*. Они ничего не делали напоказ, а лишь выражали свою позицию. Горбачевская перестройка, напротив, в значительной степени была лишь *демонстрацией* гласности, открытости, примата общечеловеческих ценностей. И только впоследствии, уже оказавшись не у дел, ее архитектор стал выдавать *действительное за желаемое*. Фактически же старый режим дал трещину совершенно неожиданно, когда за более или менее ординарными партийными дема-

⁴ Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1993. № 45. С.54.

гогемами об ускорении научно-технического прогресса и активизации человеческого фактора проступили очертания реального ослабления цензуры. Недаром диссиденты так упорно требовали свободы слова. Они были правы: именно в этом яйце была запрятана игла, на кончике которой — смерть коммунистического Кащея.

Но нечаянная свобода слова и печати не была и не могла быть делом рук правозащитников, по большей части пребывавших в изгнании, лагерях или психушках. Она стала результатом — отчасти желаемым, но, в основном, неожиданным — горбачевской иллюзии «социализма с человеческим лицом». Усиленно пропагандируя идеи «демократизации», «гласности» и «повышения роли человеческого фактора», архитекторы перестройки демонстративно ослабляли тотальный контроль над СМИ в надежде на то, что прыткие журналисты покажут глупость и злоупотребления «старой гвардии» и тем самым, с одной стороны, расчищают дорогу новому поколению партийных функционеров, а с другой — удовлетворят свои творческие амбиции в условиях, приближенных к свободе выражения мнений.

Всем этим планам не суждено было сбыться. Отказавшись от некоторой части власти над прессой, партия-государство с каждым днем все больше и больше лишалась возможности манипулировать сознанием людей, тем самым подвергая смертельной опасности свой режим. Более того, 12 июня 1990 г. Верховный Совет СССР принял первый в отечественной истории Закон «О печати и других средствах массовой информации», трансформировавший свободу массовой информации из соизволения высокопоставленных партийных «прогрессистов» в правовой институт. А если принять во внимание, что к тому моменту из Конституции СССР уже была исключена пресловутая статья 6 о «руководящей и направляющей силе», то становится понятно, сколь великие перемены ожидали общество.

И перемены наступили. Потом наступили еще и еще раз. И с каждым разом все больше и больше. Теперь уже всем, кажется, ясно, что участники «митинга гласности» желали каких-то иных перемен. Но, может быть, лучшие, более справедливые порядки были всего лишь плодом их литературной фантазии? Может, они вообще не могут — в отличие от нас — существовать в России?

Вот в чем вопрос.

Именной указатель

- Абовин-Егидес П.М. 69
Абрамов И.П. 60
Августин, Аврелий 166
Айхвде В. 4
Айхенвальд Ю.А. 15, 26, 35, 39, 41, 43, 58, 60–63, 142
Александров-Агентов А.М. 90
Алексеева Л.М. 3, 9, 15, 34, 35, 43–46, 55–57
Алешин С.В. 86, 117, 120, 123, 124, 126, 128–131, 134
Амальрик А.А. 6, 148
Андропов Ю.В. 84
Антокольский П.Г. 106
Антонова С.М. 157
Аржак Николай *см.* Даниэль Ю.М.
Асаркан А.Н. 60, 61, 63
Астауров Б.Л. 157
Ахматова А.А. 27, 106, 166
Бабицкий К.И. 149
Басва Т.А. 149
Байдашин В.Г. 122, 125, 127
Балушев В.Ф. 121
Батшев В.С. 8, 13–15, 21, 23, 24, 63, 79, 92–95, 105, 141, 142, 165
Бахмин В.И. 160
Бахмина Т.М. 4
Березин В. 134
Берия Л.П. 88
Бобков Ф.Д. 76
Богораз Л.И. 41, 149
Бокштейн И.В. 13
Болтрукевич А.В. 96
Болтрукевич (Хмелева) А.М. 69, 96
Бородаевский Я. 161
Брежнев Л.И. 38, 44, 90, 155
Бродский И.А. 11, 101, 105, 106
Брошевецкий Н.А. 124
Бугорский В.К. 84, 97–98
Буковский В.К. 5, 8, 13–15, 22, 23, 37, 41, 42, 44, 46, 47, 50, 51, 57, 89, 92, 94, 95, 101, 104–106, 142, 148, 160
Булах Ю. 4
Бурмистенко (Бурмистров) А.Н. 121, 122
Виленский Ю.М. (Г.Нелгар) 91, 97
Вильмонт Н.Н. 106
Вильямс Н.Н. 45, 56, 57
Вишневская Ю.И. 8, 13, 15, 20–23, 50, 51, 65, 89, 92, 93, 104–106, 141, 165
Войнович В.Н. 157
Волков И.Ф. 30, 111
Волошин М.А. 28
Вольпин (Есенин) А.С. 5, 7, 8, 11, 12, 15, 16, 18–22, 26–28, 34–36, 38–45, 47, 48, 50–58, 60, 61, 63, 64, 67, 68, 70, 84, 86, 89, 92–97, 101–104, 136, 137, 142, 143, 149, 163
Вольпин Н.Д. 28, 39, 53
Вольпина В.Б. 4, 9, 16, 18–20, 41, 42, 50, 52–54, 61
Воробьев О.И. 30, 31, 46, 48, 56, 73, 75, 77–81, 108, 110, 111, 114, 115, 129, 136
Воробьев, профессор МГУ 131
Г.Н., студентка МГУ 46, 75, 86, 108, 112, 119–127
Габай И.Я. 148
Газанджиев В. 4, 87, 121, 124
Галансков Ю.Т. 8, 13–15, 48, 49, 56, 60, 61, 64, 65, 69, 71, 74, 80, 81, 84, 88, 89, 93, 94, 96, 97, 105, 148, 149, 156, 163
Галич А.А. 105
Ганичев В.Н. 140
Гароди Р. 33
Гейко О.Д. 161
Генкин Г.С. 4, 101
Генри Э. 156
Герашенко И.О. 162
Герлин В.М. 26

- Гершуни В.Л. 3, 48, 65, 69–71
 Гинзбург А.И. 4, 13, 14, 18, 48, 64, 100, 106, 147–149, 151, 163
 Гинзбург В.Л. 157
 Глазов Ю.Я. 3, 49, 67–69
 Голомшток И.Н. 21, 27, 28, 35
 Гольдфайн А.И. 4
 Горбаль Н.А. 161
 Горбаневская Н.Е. 148
 Грачев С.И. 94
 Григоренко П.Г. 150, 160
 Грос П. 101–103
 Губанов Л.Г. 13, 104–106, 165
 Гут Л.И. 96
 Давыдовская С.А. 157
 Даниэль А.Ю. 77
 Даниэль Ю.М. (Николай Аржак) 5–8, 11–14, 16–21, 23, 24, 26–29, 33, 34, 36–38, 41, 43, 45, 49, 51, 52, 54, 58, 59, 61, 66, 67, 69, 71, 72, 74, 77, 79, 89–92, 95, 96, 99–102, 105, 106, 112, 117, 132–134, 139–141, 145, 147, 148, 151, 153, 158, 159
 Дарвойт В.А. 62
 Делоне В.Н. 148, 149, 165
 Дмитриев А.С. 116
 Добровольский А.А. 15, 38, 48, 49, 148, 149, 163
 Долгин Б. 4
 Домбровский Ю.О. 157
 Драпов А.В. 4, 30, 33, 73, 75, 81, 85, 86, 107, 108, 115, 116, 128–132, 136
 Дремлюга В.А. 149
 Дубровец В. 161
 Евтушенко Е.А. 13, 70, 104
 Егорычев Н.Г. 82, 83, 86, 92, 93
 Еремин Д.И. 12, 144
 Ерофеев В.В. 62
 Ерхов Б.А. 30
 Есенин С.А. 57, 67, 101
 Есенин-Вольпин А.С. *см.* Вольпин (Есенин) А.С.
 Ефимов Г.П. 30, 73, 75, 109
 Жданов В. 131
 Жемкова Е.Б. 4
 Журавлева А.И. 130
 Засулич В.И. 78
 Засурский Я.Н. 86, 136, 137
 Здоровцов В.И. 49, 73, 75, 79, 115, 128, 132
 Зельдович Я.Б. 157
 Зенов В.А. 87, 117, 118, 121, 123, 125–127, 129, 130, 133
 Зигерт Й. 4
 Зозуля М.Н. 87, 107, 138
 Зорина Д.Ю. 157
 Зубарев Д.И. 16, 28–34, 72–75, 77, 107–110, 115, 128, 129, 131
 Иванов В.А. 87, 126
 Иванов Вяч.Вс. 46
 Иванова Н.Б. 30
 Ивачкин, друг В.Буковского 47
 Ильичев Л.Ф. 15
 Иодковский Э.Ф. 21
 Иоэльс В.М. 56
 Каверин В.А. 157
 Канев В. 79
 Кафка Ф. 117, 118, 135
 Кан (Кушева) Л.А. 65
 Кедрина З.С. 12
 Кириченко Н.Ю. 4
 Кисслев Ю.И. 9, 49, 50, 52
 Климанов 122
 Кипуянц И.Л. 157
 Ковалев С.А. 13, 168
 Коган М. 74
 Коган Э.И. 74
 Кожин В.В. 13
 Козельцева Е.Б. 46, 49, 63, 75, 76, 80, 109–112, 114, 115, 127, 132
 Колосов С. 25, 153
 Комарова Е.К. 130
 Комароми А. 4
 Коновалов В.И. 121
 Концелс Л.З. 13
 Космодемьянская З.А. 80
 Косыгин А.Н. 100
 Кочетов В.А. 138
 Крайнов Б.Н. 87, 116–124, 126, 127, 129, 132, 135, 140, 146
 Краснов-Левитин *см.* Левитин (Краснов) А.Э.
 Кристи И.Г. 3–4, 16, 26, 60–63, 91, 97, 101, 142–145
 Кропруд А.С. 143, 144
 Кузнецов В.П. 109, 110
 Кулешов В.И. 113
 Кушев Е.И. 3, 13, 16, 24, 25, 59, 60, 65, 148, 153

- Кушева Л.А. см. Кац (Кушева) Л.А.
 Лакшин В.Я. 13
 Лапшин 130
 Ларичева Н. 4
 Ланкова В.И. 48, 49, 65, 148, 149, 163
 Левитин (Краснов) А.Э. 3, 16, 25, 37, 38, 64, 65
 Ленин В.И. 167
 Леонович М.А. 157
 Литвинов П.М. 149, 157
 Лихолитов В.С. 134
 Лозован Д.А. 4
 М.А., студент МГУ 87, 132, 133
 Макаров А.А. 3, 4
 Малишкович В.Д. 161
 Манделштам О.Э. 22, 28
 Маркс К. 166
 Матросов А.М. 79
 Меньшутин А.Н. 33
 Мегченко А.И. 138
 Мигдал А.Б. 157
 Миллер, английский журналист 65
 Милорадов 118, 119, 127
 Молчанов Э.Д. 3, 4, 16, 30, 32–34, 73, 75–77, 79, 107–109, 111–115, 127, 128
 Морозов А.Г. 113
 Морозов С.П. 13, 16, 23
 Мохов Н.И. 136
 Муравьев В.С. 3, 16, 27
 Нарича М.А. 101, 105
 Н-в, студент МГУ 87, 123–127
 Негалюк 129
 Некипелов В.А. 159
 Некрасов В.П. 157
 Некрич А.М. 156
 Никольская А.Н. 55, 56
 Никольский В.Д. 5, 8, 17, 39–41, 50, 55, 57
 Носов, доцент МГУ 137, 138
 Носова Г.П. 62, 84, 91
 Оганова О.А. 4
 Огородникова Г.Г. 144
 Окуджава Б.Ш. 106
 Олейников Н.М. 28
 Осипцев А. 115
 Осинев В.Н. 101, 105
 Осипова Т.С. 160
 Павлов С.П. 82–85, 87, 94–98, 105, 147
 Пановян Е.М. 4
 Пархоменко Н.В. 134
 Пастернак Б.Л. 11, 22, 28, 29, 32, 106
 Перовская С.Л. 63
 Петров Н.В. 4
 Петропавловская, сотрудница деканата филфака МГУ 80
 Петушков В.П. 82, 87, 91
 Подрабинск А.П. 160
 Подъяпольская-Петренко М.Г. 145
 Подъяпольский Г.С. 145
 Поликовская Л.В. 8, 29, 30, 49, 71–73, 75, 85, 109, 137, 138
 Полуанов М.И. 87, 113, 117–120, 122–126, 128, 129, 131–134, 145, 166
 Поллюсук Ю.А. 3, 17, 27, 28, 51, 53, 55
 Померанц Г.С. 16, 27
 Порет А.И. 33
 Поспелов Г.Г. 35
 Поспелов Л. 139
 Прилсин В. 125, 129
 Радзиевский П.А. 148
 Рамиль Альварес Х. 127
 Ратушинская И.Б. 162
 Рахтанов И.А. 33
 Розанова М.В. 3, 17, 35–37, 41
 Ромм М.И. 157
 Руденко Р.А. 12, 148, 152, 153
 Рыжкова Л.Г. 96, 98
 Ряд К. 99
 С.Б., студент МГУ 46, 60, 87, 91, 96, 97, 124, 133–135
 С.В., отец С.Б. 60, 87, 93, 94, 96, 97, 124, 133
 С.Н., студент МГУ 41–43, 50, 87, 91, 96, 97, 112, 116–119, 135, 136
 С.Я. 62, 142, 143
 Саблин М. 119, 120, 134
 Савишкин Н.И. 94
 Савчук Б.Г. 30, 75, 107
 Садомская Н.Н. 9, 17, 34, 35, 43, 44, 50, 53, 56, 57, 61
 Сазонов (Созонов) Е.С. 78
 Самарин Р.М. 88, 116, 136
 Самойлов Д.С. 105
 Самотейкин В.В. 91
 Саркисян И. 74
 Сахаров А.Д. 8, 148, 157, 159
 Сащенко Н.А. 72, 73
 Семичастный В.Е. 12, 42, 46–48, 82, 83, 85, 88–90, 147, 148, 152, 153

- Сидорин Ю.Ф. 129
Сиявский А.Д. (Абрам Терц) 5–8,
11–14, 17–21, 23, 24, 26–29, 32–34,
36–38, 41, 43, 45, 49, 51, 52, 54, 58, 59,
61, 66–69, 71, 72, 74, 76, 77, 79, 89–92,
95, 96, 99–102, 104–106, 109, 112, 117,
118, 120–122, 124, 127, 128, 132–134,
139–141, 145, 147, 148, 151, 153, 158,
159
Сиявский В.С. 37, 77
Сказкин С.Д. 157
Скороспелова Е.Б. 138
Славиковский А.А. 96
Слуцкий Б.А. 105
Смирнов А.В. 73, 75, 76, 79, 81, 127, 132
Смирнова Н.А. *см.* Шухт Н.А.
Соколов 121
Соколов А.Г. 88, 114, 115, 136
Солженицын А.И. 37, 38, 65, 74, 106
Спутнов 118
Сталин И.В. 44, 60, 67, 78, 88, 112, 152,
155, 156
Стивенсон, американский журналист 72
Стокотельный П.И. 161
Стросва Е.В. 5, 8, 17, 35, 41, 43, 50, 52, 93,
96, 97
Сукалинова Л. 134
Суперфин Г.Г. 4
Сурков А.А. 106
Тамм И.Г. 157
Тарсис В.Я. 11, 13, 21, 29, 39, 51, 94, 105
Твардовский А.Т. 106, 118
Терц Абрам *см.* Сиявский А.Д.
Титов Ю.В. 5, 8, 17, 22, 50–52, 56, 57, 61,
68, 89, 91, 93, 96, 97, 102
Токаюк Г.А. 161
Тольятти П. 152
Томачинский П.К. 4
Топешкина А.М. *см.* Болтрукевич А.М.
Топоров В.Н. 46
Трансников С.П. 94
Троцкий Л.Д. 137
Турбин В.Н. 29
Турок-Попов В.М. 157
Турчин В.Ф. 13
Гынянов Ю.Н. 10
Улитин П. 50
Файнберг В.И. 149
Федоров А.А. 116
Федорова Н.В. 159
Федотов М.А. 4, 163–170
Феофанов Ю.В. 147
Филонов П.Н. 33
Фисенко 127
Фоменко С. 146
Фомичев А.Т. 88, 123–126, 134, 139
Фролов Н.В. 4
Хасбулатов Р.И. 88, 113, 117–122, 124,
126, 129–134, 145, 168
Хаустов В.А. 13, 88, 89, 91, 94–97, 148
Хейна Л. 161
Хитрово Н. 29
Хмелева А.М. *см.* Болтрукевич А.М.
Ходженко, член бюро ВЛКСМ факуль-
тета журналистики МГУ 125
Хрущев Н.С. 11, 47, 102, 155
Цветаева М.И. 28, 96
Чалидзе В.Н. 6, 8
Чарный С.А. 3
Черешкин В.В. 84, 91
Чечина Н.А. 139, 140
Чуковская Л.К. 13
Чупеев Н. 112
Шатуновский И.М. 15, 38, 44
Шеленип А.Н. 38
Шимапов Г.М. 3, 49, 66
Шкловский В.Б. 33
Шолохов М.А. 100, 151
Шопин Л.А. 75, 113, 114, 127, 128
Шостакович Д.Д. 157
Шрагин Б.И. 17
Шухт (Смирнова) Н.А. 72, 74, 84, 97
Шухт А.В. 8, 49, 72, 74, 93, 96
Энгельгардт В.А. 157
Эренбург И.Г. 13, 156
Якир И.П. 8, 49, 58, 59
Якир П.И. 49, 58, 157
Якобсон А.А. 58
Якунин Г.П. 38
Ярошенко В.Н. 121, 122
Яценко С.П. 91, 96, 97

Оглавление

От составителей – 3

День рождения правозащитного движения в СССР – 5

Глава 1. «Гражданское обращение» – 11

В.Вольпина – 19 • Ю.Вишневская – 20 • В.Буковский – 22 • В.Батшев – 23 •
Е.Кушев – 24 • И.Кристи – 26 • В.Муравьев – 27 • Ю.Полюсук – 27 •
Д.Зубарев – 28 • Э.Молчанов – 32 • Л.Алексеева – 34 • М.Розанова – 35 •
А.Левитин (Краснов) – 37 • А.Вольпин – 38

Глава 2. Пятое декабря – 46

А.Вольпин – 50 • В.Вольпина – 52 • Ю.Полюсук – 55 • Л.Алексеева – 55 •
И.Якир – 58 • Е.Кушев – 59 • И.Кристи – 60 • А.Гнизбург – 64 • А.Левитин
(Краснов) – 64 • Г.Шиманов – 66 • Ю.Глазов – 67 • В.Гершуни – 69 •
Л.Поликовская – 71 • Д.Зубарев – 73 • А.Шухт – 74 • Э.Молчанов – 75 •
О.Воробьев – 77

Глава 3. После митинга – 82

Записка председателя КГБ при СМ СССР в ЦК КПСС – 89 • Записка зам.
министра охраны общественного порядка РСФСР в ЦК КПСС – 91 • Записка
секретаря МГК КПСС в ЦК КПСС – 92 • Записка секретаря ЦК ВЛКСМ в ЦК
КПСС – 94 • Заверенная копия листовки, изъятой на площади Пушкина – 98 •
Зарубежная пресса о митинге – 99 • Д.Зубарев – 107 • Э.Молчанов – 111 •
Из протокола расширенного заседания партбюро филфака МГУ – 115 •
Из протоколов заседаний бюро Комитета ВЛКСМ МГУ – 116 • Объяснительная
записка С.Н. в деканат – 135 • А.Вольпин – 136 • Л.Поликовская – 137 •
Из стенограммы пленума Ленинского райкома ВЛКСМ г.Москвы – 139 •
Совещание в ЦК ВЛКСМ. Из стенограммы заседания секции по вопросам
идейно-политической работы среди студентов – 139 • Ю.Вишневская – 141 •
В.Батшев – 141 • И.Кристи – 142 • Из протокола заседания бюро комитета
ВЛКСМ МГУ – 145 • Из стенограммы пленума Ленинского райкома ВЛКСМ
г.Москвы – 146

Вместо эпилога. Год 1966-й и другие – 147

Листовка группы «Сопrotивление» – 151 • Записка председателя КГБ и
Генерального прокурора СССР в ЦК КПСС – 152 • Проект Указа Президиума
Верховного Совета РСФСР «О внесении дополнения в Уголовный кодекс
РСФСР» – 154 • Листовка «Движения 5 декабря» – 155 • Открытое обращение
группы советских граждан к сессии Верховного Совета СССР – 157 •
От «митинга гласности» – к «митингу молчания». (Из сообщений «Хроника
текущих событий») – 158

М.Федотов. От «митинга гласности» к демонстрации гласности – 163

Именной указатель – 171

**Дмитрий Исаевич Зубарев, Геннадий Валерьевич Кузовкин
и другие, составители**

5 декабря 1965 года

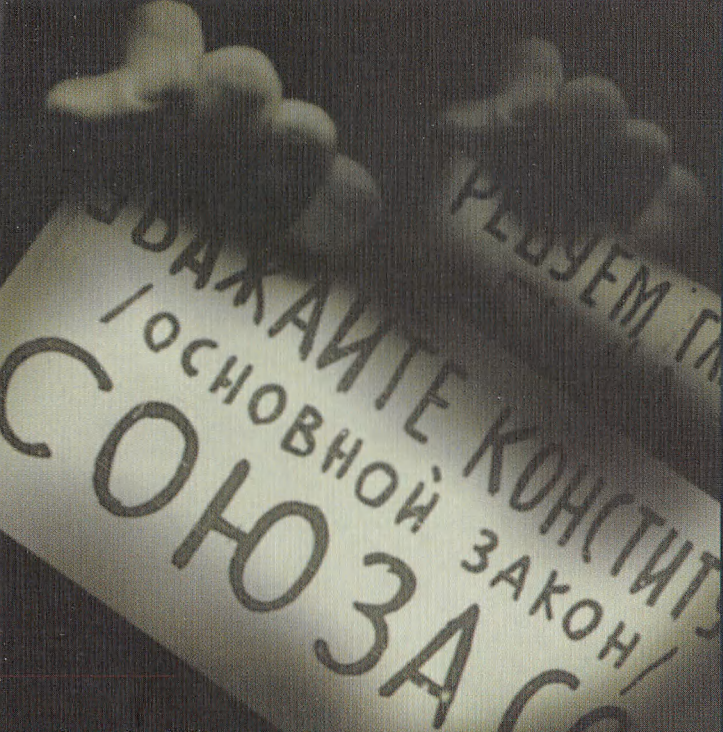
Редакторы *Л.С.Ермина, Я.З.Рачинский*
Художник *Д.А.Сенчагов*
Корректор *Л.В.Петрова*

Подписано в печать 23.11.2005. Формат 60x90/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. псч. л. 12,0. Тираж 1020 экз. Заказ 410

Отпечатано в ООО «Информполиграф»

Общество «Мемориал» — Издательство «Звенья»
127051 Москва, Малый Каретный пер., 12

**Издательство «Звенья» работает при поддержке
Швейцарской программы по правам человека**

5 декабря 1965 года, в День советской Конституции, несколько десятков человек — в основном студенты — вышли на Пушкинскую площадь в Москве потребовать от властей гласности в деле А.Д.Синявского и Ю.М.Даниэля — литераторов, арестованных КГБ за публикацию своих произведений на Западе. Это был первый за много десятилетий несанкционированный митинг в защиту права, первое публичное проявление гражданского протеста в СССР.

Произошло это в государстве, которое лишь недавно прекратило многолетние массовые, почти бессудные убийства своих граждан. Однако в стране, гордившейся «самой демократической в мире» Конституцией, никому и в голову не приходило потребовать от властей уважать право, уважать Конституцию.

«Митинг гласности» на Пушкинской площади 5 декабря нарушил всеобщий заговор молчания, стал началом многолетнего открытого противостояния власти и диссидентов, днем рождения движения в защиту прав человека. Но значение этого события было понято далеко не сразу...